UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA001 480 074 2

-15 2.

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

3452.

ПОЖАЛУЙСТА
Не перегибайте книг при чтении.

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Фениморъ Куперъ

3452.

Морскіе львы

или

Кораблекрушеніе охотниковъ за тюленями.

The Sea Lions or The lost Sealers

Переводъ ***

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибать при чтении.
FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
PS
1417
S5R

ГЛАВА I.

Разъ это будетъ рѣшено, онъ будетъ пить только горькую волну.

Шекспиръ. «Буря».

Въ американскихъ нравахъ замѣтно какое-то однообразіе котораго не встрѣчаешь въ Старомъ Свѣтѣ. Только внимательный наблюдатель нѣсколько отличитъ американца восточнаго отъ американца западнаго, жителя сѣвернаго отъ южнаго, янки отъ обитателя центра Соединенныхъ Штатовъ, бостонца, мангаттанца и филадельфійца. Но когда подумаешь о многочисленности племенъ, составляющихъ одинъ народъ, и объ обширномъ материкѣ, который они занимаютъ, то еще удивишься тому племенному сходству, которое существуетъ между ними.

Однако, несмотря на этотъ общій характеръ американскаго общества, есть исключенія изъ этого однообразія; въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ замѣчаемъ не только различіе, но даже оригинальность нравовъ, которой нельзя не удивляться. Дѣйствующія лица этой повѣсти принадлежатъ къ одному изъ этихъ исключительныхъ округовъ и слѣдовательно не принадлежатъ къ тому однообразному типу, который уравниваетъ остальную Америку.

Въ то время какъ сосѣднія графства потеряли почти совершенно свой отличительный характеръ, Сюффолкъ, одно изъ трехъ, которыя охватываютъ протяженіе Лонгъ-Айлэнда и которыя составляютъ самыя старинныя графства штата Нью-Іоркъ, нисколько не измѣнился. Сюффолкъ остался Сюффолкомъ. Населеніе этого графства происходитъ отъ англійскихъ пуританъ, которые эмигрировали въ Америку.

Прибавимъ, что Сюффолкъ имѣетъ только одинъ приморскій портъ, хотя его берега гораздо пространнѣе, нежели остальной

796034

части Нью-Іорскаго штата. При томъ это не портъ для общей торговли, потому что онъ наполненъ только китоловными судами, и китовая ловля, этотъ трудный и еще недоведенный до совершенства промыселъ, составляетъ занятіе его жителей.

Для китоловнаго судна необходимо, чтобы на немъ былъ такой же порядокъ какъ въ полку или на военномъ кораблѣ. Этотъ духъ порядка существуетъ во всѣхъ гаваняхъ, гдѣ преимущественно занимаются китовою ловлею. Такимъ образомъ въ 1810 году, время съ котораго начинается эта повѣсть, въ Сагъ-Гарбурѣ не было ни одного человѣка, посвятившаго себя этому занятію, котораго не знали бы не только его товарищи по опасностямъ, но и всѣ окрестныя женщины и дѣвушки. Китоловный портъ, да позволятъ намъ это выраженіе ничего не значитъ безъ населенія, занимающагося китовою ловлею, и Нью-Іоркъ очень рѣдко успѣвалъ въ предпріятіяхъ китовой ловли, хотя обращался къ китоловнымъ портамъ для пріисканія тамъ офицеровъ, способныхъ къ распоряженію этими экспедиціями. Въ успѣхѣ есть нравственная сторона, и когда счастливая ловля отзовется во всѣхъ жилахъ мѣстнаго интереса (да простятъ намъ эти слова), то на долю смѣлаго и неустрашимаго гарпунщика, для противника и побѣдителя морскихъ чудовищъ, выпадаютъ народная слава, любовь, восторгъ и даже пріятныя улыбки.

Лонгъ-Айлэндъ на востокѣ раздваивается и представляетъ, такъ сказать, двѣ оконечности, изъ которыхъ одна носитъ названіе Ойстеръ-Понда, тогда какъ другая, простираясь къ Блокъ-Айлэнду, составляетъ мысъ Монтаукъ. Между двумя концами вилъ, которыя образуетъ Лонгъ-Айлэндскій островъ, находится Шельтеръ-Айлэндъ, островъ, лежащій между единственнымъ въ графствѣ Сюффолкъ портомъ Сагъ-Гарбурскимъ и совершенно сельскимъ деревенскимъ видомъ подлѣ морскихъ волнъ берега Ойстеръ-Понда. Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія было очень трудно найти округъ болѣе отдаленный, оазисъ менѣе многолюдный, чѣмъ Ойстеръ-Пондъ. Нуженъ былъ взглядъ спекулянта, чтобы связать эту уединенную косу земли съ другими берегами и открыть сообщеніе между Ойстеръ-Пондомъ и остальною Америкою. Надо было воспользоваться водами, которыми Ойстеръ-Пондъ былъ почти окруженъ и изъ препятствія сдѣлать средство сообщенія. И теперь Ойстеръ-

Пондъ находится на пути между двумя большими американскими рынками. Это было пагубнымъ и смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ уединенію, простотѣ, оригинальности этой стороны, этому уединенному на морскомъ берегу полю, очень близкому къ большому порту, отъ котораго, однако, оно было отдѣлено и въ сторонѣ.

Былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней сентября мѣсяца и воскресеніе. Подлѣ одной изъ набережныхъ Ойстеръ-Понда можно было замѣтить шкуну, которую спустили еще очень недавно и оснащеніе которой еще не было кончено, что было замѣтно по парусамъ. Работа по причинѣ праздника была отложена и особенно потому, что шкуна принадлежала приходскому діакону Пратту, который жилъ въ домѣ, лежащемъ въ полмилѣ отъ берега и владѣлъ нѣсколькими угодьями, отъ которыхъ получалъ довольно хорошій доходъ.

Есть два рода діаконовъ, одни духовные, другіе мірскіе. Праттъ принадлежалъ къ послѣднему роду, который процвѣталъ у пресвитеріанъ. Мелочная разсчетливость и скупость Пратта были всѣмъ извѣстны. Праттъ наружно былъ благочестивъ, но съ нимъ боялись имѣть дѣла, не потому, чтобы онъ могъ обмануть, но потому, что онъ былъ жестокъ, и если онъ не обманывалъ прямо, такъ зато рѣдко приносилъ малѣйшую жертву благородному чувству.

Праттъ былъ такъ старъ, что уже интересовались завѣщаніемъ, которое онъ могъ бы сдѣлать. Съ нимъ жила племянница, единственная дочь и сирота его брата Израиля Пратта. Она была столь же безкорыстна, какъ ея дядя скупъ, и часто онъ упрекалъ ее за милостыню и благотворительность или за сосѣдскую услужливость, которыя онъ называлъ расточительностью. Но Марія, казалось, не слушала замѣчаній своего дяди и продолжала исполнять свою обязанность съ пріятностью и кротостью. Окрестныя кумушки думали, что Праттъ не оставитъ своего богатства бѣдной Маріи, но отдастъ его церкви.

Сюффолкъ первоначально былъ заселенъ эмигрантами изъ Новой Англіи, и въ немъ остались тѣ же нравы, какъ и въ Коннектикутѣ. Тамъ небольшія услуги, за которыя въ другихъ мѣстахъ ничего не берутъ, очень тщательно вносятся въ счетную книгу.

Самый языкъ зараженъ этимъ корыстолюбивымъ чувствомъ.

Если провести нѣсколько мѣсяцевъ у друга, то, слѣдуя обыкновенному англійскому выраженію, это называется не посѣщеніемъ, а наймомъ: считаютъ самымъ естественнымъ платить другу такъ же, какъ и въ гостиницѣ. Даже было бы очень неблагоразумнымъ остановиться на нѣсколько времени въ домѣ Новой Англіи и не дать росписки въ видѣ обезпеченія на случай, если уѣзжая не можешь заплатить за свои расходы. Обычаи дружбы и откровенности, которые существуютъ вездѣ между друзьями и родственниками, здѣсь совершенно неизвѣстны, — и каждая услуга оцѣнена.

Однако же, рядомъ съ этими обычаями есть качества, смягчающія ихъ строгость, о которыхъ потомъ мы будемъ имѣть случай говорить.

Марія совсѣмъ не подозрѣвала этого, но привычки, скупость, неопредѣленная надежда, что молодая дѣвушка можетъ вступить въ выгодный бракъ, который нѣкогда позволитъ возвратить свои расходы, заставила Пратта деньги, затраченныя на ея воспитаніе, содержаніе или удовольствіе, вносить въ расходную книгу, которую онъ велъ съ особенной точностью. Что касается до чувства личнаго достоинства, которое не позволяетъ человѣку дѣйствовать такимъ образомъ, такъ оно было ему совершѣнно чуждо. Въ то время, съ котораго начинается эта повѣсть, тайный счетъ дяди для его обожаемой племянницы, дошелъ за издержки на воспитаніе, содержаніе, квартиру, столъ, расходныя деньги до тысячи долларовъ, которые были дѣйствительно израсходованы. Праттъ былъ низко и гнусно скупъ, но честенъ. Въ счетѣ не было ни одной копѣйки лишней, большая часть статей, за которыя онъ могъ бы требовать уплаты, были подведены подъ очень скромные итоги.

ГЛАВА II.

> Чортъ возьми! Я видѣлъ, какъ ваша племянница оказывала больше вниманія слугѣ графа, чѣмъ когда-либо оказывала мнѣ; я видѣлъ ее въ виноградникѣ.
>
> *Шекспиръ.* «День короля».

Въ воскресенье, о которомъ идетъ рѣчь, Праттъ отправился, какъ обыкновенно, въ молельню своего прихода, но вмѣсто того, чтобы оставаться тамъ и выслушать проповѣдь, которую говорятъ послѣ полудня, онъ сѣлъ въ телѣжку и воротился домой.

Довольно красивый двухъ-этажный домъ, выстроенный, по обычаямъ графства Сюффолкскаго, изъ дерева, на краю луга и богатаго плодоваго сада, въ которомъ замѣтны были четыре длинные ряда прекраснаго орѣшника, былъ жилищемъ Пратта.

Марія стояла на крыльцѣ и, казалось, ждала съ нетерпѣніемъ своего дядю. Онъ передалъ возжи негру, который не былъ уже невольникомъ, но, происходя отъ давнишнихъ невольниковъ Пратта, согласился поселиться подлѣ фермы, на которой онъ работалъ за половинную цѣну.

— Ну,—сказалъ Праттъ, подходя къ своей племянницѣ,— каково ему теперь?

— О, дядюшка, я считаю невозможнымъ, чтобы онъ выздоровѣлъ, и прошу васъ послать въ портъ за докторомъ Сэджемъ.

Марія хотѣла сказать къ Сагъ-Гарбурскому порту, въ которомъ докторъ, названный ею, пользовался заслуженной извѣстностью.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, корабль, который, безъ сомнѣнія, плылъ въ Нью-Іоркъ, высадилъ на Ойстеръ-Пондскій берегъ стараго и одержимаго неизлѣчимою болѣзнью матроса.

Онъ родился на островѣ, который назывался Мартасъ-Виньярдомъ, виноградникомъ Марты, и, по обычаю молодыхъ людей этого острова, оставилъ его, достигши двѣнадцатилѣтняго возраста и почти пятьдесятъ лѣтъ не былъ на родинѣ. Этотъ матросъ, по имени Томасъ Дагге, чувствуя неизлѣчимую болѣзнь, возвращался умереть на родину и высадился на Ойстеръ-Пондскомъ берегу въ ста миляхъ отъ его родного острова, до котораго онъ еще надѣялся имѣть время доѣхать.

Дагге, какъ прозывался онъ, былъ бѣденъ, по его признанію, неизвѣстенъ и безъ друзей. Однако же, у него былъ довольно тяжелый чемоданъ, похожій на тѣ, которые употребляютъ матросы на купеческихъ корабляхъ. Казалось, что онъ сдѣлалъ столько же путешествій, какъ и его владѣлецъ, который успѣлъ спасти его изъ трехъ кораблекрушеній. Но когда онъ открылъ этотъ чемоданъ, то содержаніе его оказалось небольшой цѣнности.

По высадкѣ на берегъ, этотъ человѣкъ условился съ одною вдовою, близкою сосѣдкою Пратта, и нанялъ у ней себѣ квартиру до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи возвратиться въ Виньярдъ. Дагге много прогуливался и старался поправиться.

Когда еще могъ ходить, онъ встрѣтился съ Праттомъ, и какъ это не казалось невѣроятнымъ его племянницѣ, но между Праттомъ и этимъ чужеземцемъ завязалась пріязнь, чтобы не сказать искренняя дружба. Праттъ обыкновенно старался не заводить тѣсной связи съ людьми бѣдными, а вдова Уайтъ часто говорила всѣмъ, что у ея жильца нѣтъ и гроша мѣднаго. Но у него были вещи, необходимыя для моряковъ, и по этому случаю онъ обратился къ Росвелю Гардинеру или Гарнеру, какъ его называли, молодому моряку, извѣстному въ Ойстеръ-Пондѣ, бывавшему не только на китовой ловлѣ, но и на охотахъ за тюленями, и который въ настоящее время находился на шкунѣ Пратта въ качествѣ капитана или начальника. Благодаря посредству Гарнера, эти вещи, которыя уже не могли быть полезны Дагге, были отосланы и проданы съ выгодою для матроса въ Сагъ-Гарбурѣ.

Какъ удивились всѣ, когда узнали, что Праттъ купилъ и спустилъ новый корабль. Между тѣмъ какъ всѣ сосѣди терялись въ догадкахъ о причинѣ, заставившей Пратта въ его года сдѣлаться арматоромъ, Марія приписывала это какому-то тайному и могущественному вліянію, которое получилъ надъ нимъ больной чужестранецъ. Праттъ проводилъ теперь половину своего времени въ разговорахъ съ Дагге, и нѣсколько разъ, когда племянница относила ему кушанія, она находила его разсматривающимъ вмѣстѣ съ Праттомъ одну или двѣ старыя морскія карты. Но лишь только она входила, то они перемѣняли разговоръ и никогда не позволяли вдовѣ Уайтъ присутствовать при этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ.

Праттъ не только купилъ шкуну и приказалъ спустить въ море, но и отдалъ ее въ распоряженіе молодого Гарнера. Гарнеръ, которому было двадцать шесть лѣтъ, родился въ Ойстеръ-Пондѣ и происходилъ отъ одной изъ лучшихъ фамилій страны, поселеніе которой на островѣ относилось къ 1639 году. Эта фамилія очень размножилась и раздѣлилась на множество вѣтвей, но въ новой странѣ имя Гарнера служило честью для всѣхъ, кто носилъ его, и хотя Росвель Гарнеръ былъ не богатъ и сирота безъ отца и матери, какъ Марія, но своему имени былъ обязанъ истиннымъ уваженіемъ. Вышедши пятнадцати лѣтъ изъ провинціальной школы, онъ поступилъ на корабль и сдѣлался вторымъ на китоловномъ суднѣ. Можно подумать, каково

было его счастье, когда Праттъ пригласилъ его въ капитаны своей шкуны, которую уже назвали «Морскимъ Львомъ».

Марія Праттъ слѣдила за развитіемъ этого дѣла, то съ печалью, то съ удовольствіемъ, но всегда съ любопытствомъ. Она ощущала сильную горесть, видя, что эта любовь къ деньгамъ, которою былъ одержимъ ея дядя обнаружилась въ послѣдніе годы его жизни, уже приходившей къ концу. Удовольствіе, которое почувствовала Марія Праттъ, наша героиня, было очень естественно. Не возвысился ли Росвель Гарнеръ? Но въ глазахъ Маріи Праттъ, у которой вѣра въ Искупителя міра была сильна и горяча, густое облако покрывало всю эту славу и подымалось между нею и Гарнеромъ: онъ не вѣрилъ и не сознавалъ вполнѣ божественности Искупителя міра.

Вотъ почему уже два года Марія Праттъ не принимала руки Гарнера, хотя любила его и, сопротивляясь столь же сильной, какъ и искренней страсти молодого моряка, боролась съ собственнымъ своимъ сердцемъ, въ которомъ столь же сильная любовь женщины сражалась съ глубокимъ чувствомъ святой религіозной обязанности.

Но Марія радовалась, видя Гарнера, получившимъ начальство надъ «Морскимъ Львомъ». Она не знала, къ какому берегу должно было отправиться маленькое судно, шкуна въ 140 тоннъ, но каково бы ни было назначеніе, она будетъ сопутствовать ему своими мыслями и молитвами. Вотъ что чувствовала Марія и что тайно говорила себѣ самой.

Самъ же Праттъ не противился соединенію обоихъ молодыхъ людей, и даже нѣкоторые изъ Ойстеръ-Понда думали, что Праттъ вѣрилъ въ будущность Гарнера, которому онъ, послѣ своей смерти, оставитъ все свое имѣніе и племянницу.

Когда его племянница предложила ему послать за докторомъ Сэджемъ, то онъ не совсѣмъ согласился на это, не столько по поводу издержекъ, но по болѣе важной причинѣ. Чтобы сказать все, ему не хотѣлось сближать Дагге съ кѣмъ бы то ни было, потому что этотъ послѣдній открылъ ему тайны, которымъ онъ приписывалъ большую важность, хотя тотъ до сихъ поръ скрывалъ отъ него первую и самую главную.

Однако же, какое-то чувство стыда заставило Пратта послушаться своей племянницы и послать за докторомъ.

— Надо, Марія, сдѣлать большой объѣздъ, чтобы достиг-

нуть порта, — тихо сказалъ дядя послѣ довольно долгаго молчанія.

— Корабли уходятъ и возвращаются въ нѣсколько часовъ.

— Да, да, корабли; но позволено ли, дитя, употреблять корабли въ день субботній?

— Я думаю, сударь, что всегда позволено дѣлать добро, даже и въ праздники.

— Да, если увѣрены, что изъ этого выйдетъ что-нибудь хорошее. Всѣмъ извѣстно, что Сэджъ превосходный докторъ, но половина денегъ, которыя даютъ людямъ этого же званія, составляютъ потерянныя деньги.

— Но я думаю, что наша обязанность помогать несчастнымъ, и я боюсь, что Дагге не проживетъ и недѣли, — сказала Марія,—и не желала бы думать, что онъ умретъ, не могши сказать, что мы для его спасенія сдѣлали все для насъ возможное.

— Мы такъ далеко отъ порта, что было бы безполезнымъ послать туда кого-нибудь, и деньги, которыя бы дали ему, были бы также потерянными.

— Я увѣрена, что Росвель Гарнеръ согласится туда отправиться, и при томъ онъ не попросилъ бы денегъ.

— Да, это правда, я долженъ то же сказать о Гарнерѣ, что этотъ молодой человѣкъ самый разсудительный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, и я съ удовольствіемъ возлагаю на него всѣ свои порученія, потому что я люблю имѣть дѣло съ нимъ.

Марія знала это очень хорошо. Праттъ нѣсколько разъ пользовался снисходительностью молодого человѣка и получалъ отъ него добровольныя услуги, за которыя слѣдовало бы платить. Молодая дѣвушка, вспоминая о немъ, покраснѣла. Покраснѣла ли она за своего дядю? Или мысль о томъ, что Росвелль одолжалъ ея дядю, смѣшалась съ смущеніемъ, которое она чувствовала?

— Итакъ, сударь,—сказала черезъ нѣсколько минутъ племянница,—мы можемъ послать за Росвелемъ.

— Тѣ, которыхъ посылаютъ за докторомъ, спѣшатъ, и я увѣренъ, что Гарнеръ сочтетъ необходимымъ нанять лошадей, чтобы переѣхать Шельтеръ-Айлэндъ, и потомъ ботъ, чтобы доплыть до порта. Если онъ не найдетъ бота, то ему, можетъ быть, нужна будетъ лошадь, чтобы доскакать до входа въ губу. Съ пятью долларами едва ли это сдѣлаешь.

— Если бы понадобилось пять долларовъ, такъ Росвель скорѣе отдастъ ихъ изъ своего кошелька, нежели попроситъ другого помочь въ дѣлѣ благотворительности. Но нѣтъ нужды въ лошади, вельботъ стоитъ подлѣ берега, и онъ можетъ имъ воспользоваться.

— Это правда, я и позабылъ о вельботѣ. Такъ какъ вельботъ есть, то привести доктора сюда можно довольно скоро, и я думаю, что имущества Дагге будетъ достаточно для уплаты за посѣщеніе доктора.

Въ эту минуту Марія опечалилась еще болѣе, стала печальнѣе, чѣмъ была при приходѣ своего дяди, и, увидѣвши подходившаго Росвеля, она вошла въ домъ, оставивши на крыльцѣ молодого человѣка и Пратта. Послѣ того, какъ этотъ послѣдній сдѣлалъ Росвелю самыя мудрыя наставленія, тотъ поспѣшно отправился къ берегу, чтобы взять судно.

ГЛАВА III.

> Не все то золото, что блеститъ, вы часто это слышите; и не одинъ человѣкъ продалъ свою жизнь, чтобы только посмотрѣть на мою наружность.
>
> *Шекспиръ.* «Венеціанскій купецъ».

Лишь только онъ ушелъ, Праттъ отправился къ скромному жилищу вдовы Уайтъ. Дагге былъ боленъ общей слабостью, но не слишкомъ много страдалъ. Онъ сидѣлъ въ старомъ креслѣ и еще могъ говорить. Онъ не зналъ всей опасности и, можетъ быть, въ эту минуту надѣялся прожить еще много лѣтъ. Праттъ вошелъ въ то самое время, когда вдова шла навѣстить знакомую, жившую по сосѣдству кумушку, съ которой она съ давнихъ поръ имѣла обыкновеніе совѣтоваться. Она увидала Пратта издалека и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы уйти, инстинктивно понимая, что ея присутствіе будетъ лишнимъ при разговорѣ двухъ людей. Что былъ за предметъ этихъ тайныхъ разговоровъ, вдова Уайтъ не могла дать себѣ строгаго отчета. Но по ея разговору съ сосѣдкою можно было видѣть, что она думала.

— Опять Праттъ!—вскричала вдова Уайтъ, спѣша въ комнату, въ которой жила ея пріятельница.—Онъ въ третій разъ

приходитъ ко мнѣ со вчерашняго утра. Это что-нибудь да значитъ!

— О, Бетси, онъ посѣщаетъ больного, вотъ чѣмъ оправдываетъ онъ свои частыя посѣщенія.

— Вы забыли, что нынче суббота,—прибавила вдова Уайтъ.

— Самый лучшій день для добрыхъ дѣлъ, Бетси.

— Я это знаю, но для одного человѣка слишкомъ часто посѣщать больныхъ три раза въ сутки.

И обѣ женщины вошли въ другую комнату, гдѣ мы оставимъ ихъ спорить.

Пока эти двѣ женщины разговаривали, Праттъ увѣдомилъ больного, что онъ послалъ для него за докторомъ.

— Мнѣ ужасно видѣть ваши страданія и не быть въ состояніи помочь имъ. Облегчать страданія души и тѣла, какъ и мученіе совѣсти, не составляетъ ли самую пріятную обязанность христіанина? Да, я послалъ Гарнера въ портъ, и черезъ два или три часа онъ будетъ здѣсь съ докторомъ Сэджемъ.

— По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что буду имѣть средства заплатить за всѣ эти расходы,—сказалъ неувѣренно Дагге, что очень испугало его друга.

Праттъ немного подумалъ и воротился къ предмету, о которомъ онъ обыкновенно говорилъ въ своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ съ Дагге.

— Надо, чтобы вы сами показали мнѣ это мѣсто на картѣ, гдѣ находятся эти острова. Самое лучшее видѣть своими глазами.

— Вы забыли мою клятву, Праттъ. Мы всѣ поклялись на Библіи не объявлять мѣста, гдѣ находятся эти острова до 1820 г. Тогда мы можемъ дѣлать, что намъ угодно. Но карта лежитъ въ моемъ чемоданѣ, и не только острова, но даже берега на ней ясно обозначены, такъ что всякій морякъ можетъ найти ихъ. Пока живъ, я сберегу этотъ чемоданъ. Когда выздоровлю, я взойду на палубу «Морского Льва» и скажу вашему капитану Гарнеру все, что ему нужно знать. Счастье того, кто пристанетъ къ одному изъ этихъ острововъ, будетъ упрочено.

— Да, я объ этомъ-то и думалъ, Дагге. Но какъ я могу быть увѣренъ, что другой корабль не предупредитъ меня?

— Потому что моя тайна принадлежитъ только мнѣ одному. Насъ на бригѣ было семеро. Изъ семи четверо умерло отъ го-

рячки на островахъ, капитанъ упалъ въ море и утонулъ во время шквала. Остались только Джекъ Томсонъ, и я. Думаю, что Джекъ именно тотъ самый человѣкъ, о которомъ назадъ тому съ полгода говорили, какъ объ убитомъ китомъ.

— Джекъ Томсонъ—имя столь общее, что въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ. При томъ же, если предположить, что онъ былъ убитъ китомъ, то прежде этого случая онъ могъ бы разсказать тайну дюжинѣ человѣкъ.

— Въ этомъ ему препятствовала его клятва. Джекъ клялся, какъ и мы всѣ, а онъ человѣкъ неспособный забыть свое слово. Есть еще поводъ думать, что Джекъ не могъ нарушить свою клятву, — сказалъ черезъ нѣсколько минутъ Дагге, — то, что Джекъ никогда не могъ показать широту и долготу, и что онъ не велъ журнала. Не имѣя яснаго указанія, его друзья могутъ искать цѣлый годъ и не найти ни одного острова.

— Вы думаете, что пиратъ не обманулся, говоря вамъ объ этой странѣ и скрытомъ сокровищѣ?—грустно сказалъ Праттъ.

— Я поклялся бы, — отвѣчалъ Дагге, — что онъ сказалъ правду, какъ будто я самъ видѣлъ ящикъ. Они принуждены были уѣхать, иначе они никогда не оставили бы столько золота въ столь пустынной странѣ, но они его тамъ оставили по словамъ умирающаго.

— Умирающаго? Вы хотите сказать пирата, не такъ ли?

— Конечно; мы были посажены въ одну темницу, и у насъ было довольно времени, чтобы переговорить болѣе двадцати разъ, прежде чѣмъ онъ былъ сброшенъ съ своихъ послѣднихъ качелей. Когда узнали, что у меня ничего нѣтъ общаго съ пиратами, я получилъ свободу и возвращался на Виньярдъ въ надеждѣ найти тамъ какой-нибудь корабль, чтобы отправиться отыскивать эти два сокровища, когда меня высадили здѣсь. Что за нужда, что корабль отправится изъ Ойстеръ-Понда или Виньярда?

— Безъ сомнѣнія. Ну, столько же, чтобы васъ убѣдить и успокоить, какъ и по другимъ причинамъ, я купилъ «Морского Льва» и пригласилъ молодого Росвеля Гарнера въ капитаны корабля. Черезъ восемь дней шкуна будетъ готова отправиться, и если все случится, какъ говорите вы, это будетъ хорошее путешествіе. Теперь вамъ остается только одно исполнить: снаб-

ПОЖАЛУЙСТА

дить меня морскою картою, чтобы я хорошенько ее изучилъ прежде отплытія шкуны.

— Не хотите ли вы сами отправиться, Праттъ?—сказалъ съ удивленіемъ матросъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Праттъ.—Я теперь довольно старъ для такого продолжительнаго путешествія. Но я рискую частью моего состоянія, и очень естественно, что желалъ бы взглянуть на эту карту.

— Капитанъ Гарнеръ,—уклончиво отвѣчалъ морякъ,—будетъ имѣть довольно времени для изученія этой карты, пока онъ войдетъ въ какую-нибудь изъ пристаней. Если же, какъ я думаю, мнѣ суждено будетъ плавать вмѣстѣ съ нимъ, то для меня нѣтъ ничего легче, какъ показывать ему дорогу и разстоянія.

Этотъ отвѣтъ произвелъ долгое молчаніе. Бѣдный больной, безъ друзей, среди чужестранцевъ, Дагге скоро понялъ характеръ Пратта и счелъ за лучшее средство заинтересовать того, кто могъ быть ему полезнымъ.

Послѣ долгаго молчанія Праттъ первый нарушилъ тишину.

— Я очень занятъ, — сказалъ онъ, — этимъ богатствомъ. Если бы даже Гарнеръ и успѣлъ его открыть, то эти деньги могутъ имѣть законныхъ владѣльцевъ.

— Имъ трудно было бы доказать свои права, если то, что говорилъ мнѣ пиратъ, правда. Это золото, по его словамъ, собрано по всѣмъ странамъ. И все это было такъ смѣшано и такъ спутано, что даже и молодая дѣвушка не могла бы отличить тутъ отъ другихъ вещей подарка своего возлюбленнаго. Это была добыча трехлѣтняго крейсированія, и большую часть ея промѣняли въ различныхъ портахъ, чтобы заплатить таможеннымъ досмотрщикамъ для того, чтобы они молчали.

— Обдумайте ваши слова, любезный другъ, они не совсѣмъ приличны, сегодня праздникъ.

Дагге повернулъ свою жвачку на языкъ, и его глаза выразили что-то насмѣшливое. Однако, онъ терпѣливо перенесъ выговоръ, сдѣланный ему Праттомъ, не давъ на него никакого отвѣта.

Праттъ послѣ полудня ходилъ два раза въ домикъ вдовы Уайтъ. Когда онъ пришелъ во второй разъ, то увидалъ вельботъ, возвращающійся изъ Шельтеръ-Айлэнда и съ помощью зрительной трубки узналъ доктора Сэджа. Праттъ тотчасъ же

поспѣшилъ воротиться въ домикъ чтобы сказать Дагге нѣчто нетерпящее промедленія.

— Судно плыветъ,—сказалъ онъ, садясь подлѣ него,—и докторъ скоро будетъ здѣсь. Прежде чѣмъ придетъ докторъ Сэджъ, я вамъ, Дагге, дамъ совѣтъ. Если вы будете много говорить, то это можетъ васъ обезпокоить, и вы можете дать ложное понятіе о состояніи вашего здоровья, если вашъ пульсъ будетъ скоро биться отъ продолжительнаго разговора, и кровь бросится въ лицо.

— Я понимаю васъ, господинъ Праттъ, моя тайна и останется моей; никакой докторъ не выманитъ у меня ее болѣе, нежели я сочту нужнымъ сказать.

Вскорѣ послѣ этого вошелъ докторъ Сэджъ. Это былъ человѣкъ образованный, умный и наблюдательный. Какъ искусный практикъ, онъ скоро понялъ состояніе матроса. Праттъ же ни на минуту не оставлялъ его, и ему-то онъ сообщилъ свое мнѣніе о больномъ, когда они отправились домой.

— Этотъ бѣдный человѣкъ близокъ къ своему концу,—сказалъ холодно докторъ,—и медицина нисколько не поможетъ ему. Онъ проживетъ еще мѣсяцъ, хотя я нисколько не удивлюсь, если услышу, что онъ умретъ черезъ часъ.

— Итакъ, вы думаете, что онъ такъ близокъ къ смерти!—вскричалъ Праттъ.—Я надѣялся, что онъ доживетъ до отплытія «Морского Льва», и что путешествіе поправитъ его здоровье.

— Уже ничто не поправитъ его здоровья, вы можете быть въ этомъ увѣрены. Онъ изъ Ойстеръ-Понда?

— Онъ родился гдѣ-то на востокѣ,—отвѣчалъ Праттъ.—У него нѣтъ здѣсь ни друзей, ни знакомыхъ. Я думаю, что его имущества достанетъ на покрытіе всѣхъ его издержекъ.

— Если у него нѣтъ многаго, такъ нечего и говорить объ уплатѣ мнѣ, тотчасъ же,—отвѣчалъ докторъ, который, дѣлая это замѣчаніе, понялъ очень хорошо приведенную причину Пратта.

— Вы всегда добры, докторъ; но Дагге...

— Этотъ человѣкъ называется Дагге?—спросилъ докторъ.

— Я думаю, потому что онъ такъ называетъ самъ себя, хотя никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что говорятъ подобные люди.

— Это правда, праздношатающійся морякъ, какъ я замѣтилъ, большой лжецъ, по крайней мѣрѣ, я находилъ ихъ такими.

Если имя этого человѣка дѣйствительно Дагге, то онъ долженъ быть изъ Виньярда. Тамъ много Дагге.

— Есть Дагге и въ Коннектикутѣ, я увѣренъ.

— Но всѣмъ извѣстно, что тамъ это имя очень уважаемо, а колыбель этого рода есть Виньярдъ. Во взглядѣ этого человѣка есть что-то виньярдское. Я увѣренъ, что онъ давно тамъ не былъ.

Праттъ готовъ былъ задохнуться. Онъ видѣлъ, что ему предстоитъ споръ, котораго онъ болѣе всего опасался; онъ отскочилъ назадъ, какъ будто къ его груди приставили шпагу.

Въ это время Марія вышла на крыльцо встрѣтить своего дядю и доктора. Ей не нужно было спрашивать, потому что выраженіе его физіономіи высказывало все.

— Ему очень худо, любезная Марія,—сказалъ докторъ, садясь на одну изъ скамей,—и я не могу дать никакой надежды. Если у него есть друзья, которыхъ онъ жаждетъ видѣть, если есть дѣла, которыя надо кончить, такъ ему надо сказать правду и притомъ немедля.

— Онъ уже давно не слыхалъ о своихъ друзьяхъ,—прервалъ Праттъ, которымъ страсть до того овладѣла, что онъ позабылъ осторожность и то, чему онъ подвергался, сознаваясь въ томъ, что ему было извѣстно, гдѣ родился больной. Онъ присовокупилъ даже, что тотъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ не былъ въ Виньярдѣ, и во все это время тамъ о немъ не слыхали.

Докторъ замѣтилъ противорѣчіе, въ которомъ находился Праттъ, и это заставило его задуматься, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы это обнаружить.

Напились чаю, и докторъ удалился.

— Надо увѣдомить его друзей,—сказалъ онъ, когда они шли къ берегу, подлѣ котораго стояло судно совершенно готовое къ отъѣзду,—не должно терять ни одного часа. Теперь я думаю корабль «Брилліантъ», капитанъ Смитъ, долженъ отвезти въ Бостонъ грузъ деревяннаго масла и завтра же отправится. Мнѣ стоитъ написать только слово съ этимъ кораблемъ, и я держу десять противъ одного, что онъ остановится около того берега, прежде нежели минуетъ мель, и письмо, адресованное на имя Дагге, не можетъ не дойти къ кому нибудь изъ его родныхъ.

Предложеніе доктора бросило Пратта въ холодный потъ, но онъ не смѣлъ ему противорѣчить. Онъ купилъ «Морского Льва», пригласилъ Росвеля Гарнера и израсходовалъ значительную

сумму денегъ въ надеждѣ запустить руку въ дублоны, уже не говоря о мѣхахъ, когда всѣ эти разсчеты могли уничтожиться вмѣшательствомъ грубыхъ и жадныхъ родныхъ. Оставалось только одно средство, терпѣніе, и Праттъ постарался имъ запастись.

Праттъ проводилъ доктора только до границъ своего фруктоваго сада. Для члена молельни было предосудительно выходить въ субботу, и Праттъ опомнился во-время, чтобы избѣжать толковъ своихъ сосѣдей. Правда, что онъ могъ сдѣлать исключеніе для доктора; но нравоучители, когда они захотятъ пещись о совѣсти ближняго, не останавливаются на этихъ подробностяхъ. Лишь только докторъ ушелъ, какъ Праттъ воротился въ жилище вдовы Уайтъ. Тутъ онъ сдѣлалъ больному новый долгій, утомительный допросъ. Бѣдный Дагге очень усталъ отъ этого разговора, но мнѣніе, высказанное докторомъ Сэджемъ, что близка смерть стараго матроса, и возможность, что пріѣдутъ родные изъ Виньярда, чтобы освѣдомиться о томъ, что могъ оставить отсутствующій, сильно подѣйствовали на умъ Пратта. Если бы ему удалось теперь узнать самое главное, «Морской Левъ» могъ бы выиграть довольно времени у своихъ противниковъ, даже если бы Дагге открылъ тайну, и другой корабль отправился бы въ эту экспедицію. Его собственная шкуна уже готова была отплыть, тогда какъ для снаряженія другого судна нужно было еще время.

Но Дагге оказался не откровеннѣе прежняго. Онъ воротился къ своему первому разсказу объ открытіи острововъ, на которыхъ находились тюлени, и много говорилъ о смирномъ нравѣ и большомъ количествѣ этихъ животныхъ. Человѣкъ могъ ходить среди нихъ, не причиняя имъ ни малѣйшей боязни. Однимъ словомъ, экипажъ, составленный изъ отборныхъ моряковъ, могъ бы ихъ перебить, содрать кожу и собрать жиръ, и это было бы похоже на простое собираніе долларовъ на дорогѣ.

Этотъ разсказъ въ высшей степени возбудилъ алчность Пратта. Никогда еще любовь къ маммону не овладѣвала сердцемъ Пратта съ такимъ деспотизмомъ.

Дагге ничего не скрылъ отъ Пратта, исключая широты и долготы мѣста. Все искусство Пратта, а оно было велико, не могло выманить у моряка этихъ данныхъ, безъ которыхъ всѣ прочія были безполезны, и старикъ, стараясь овладѣть тайною,

получилъ столь же сильную лихорадку, какъ и Дагге, но все было тщетно.

Этотъ разговоръ происходилъ въ тотъ часъ, въ который у больного усиливалась лихорадка. Онъ самъ очень воодушевился, и неосторожность, съ которою онъ предался обольстительному изображенію богатства, много способствовала ухудшенію его болѣзни. Напослѣдокъ, усталость и истощеніе положили конецъ сценѣ, которая сдѣлалась слишкомъ драматическою и уже переходила въ отвратительную.

Самъ же Праттъ, воротившись домой вечеромъ, зналъ очень хорошо, что умъ его далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ онъ долженъ былъ бы быть въ праздникъ, и боялся встрѣтить спокойный взглядъ своей племянницы, благочестіе которой было столь же просто, какъ и искренно. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ нею предаться молитвамъ, которыя обыкновенно читались въ этотъ часъ у него въ домѣ, онъ прогуливался до поздней ночи въ саду. Маммонъ занялъ въ его сердцѣ мѣсто молитвы, но привычка въ немъ была еще столь сильна, что онъ не смѣлъ еще открыто поставить идола въ присутствіи Бога.

ГЛАВА IV.

О! не оплакивайте ихъ, они не страдаютъ болѣе. О! не оплакивайте ихъ, ибо они не плачутъ болѣе; ибо ихъ сонъ глубокъ, хотя ихъ изголовье холодно и твердо на старомъ кладбищѣ.

Байли.

На другой день въ домѣ Пратта всѣ встали очень рано. Въ то время, какъ солнце казалось выходящимъ изъ водъ, Праттъ и Марія встрѣтились на крыльцѣ дома.

— Вотъ вдова Уайтъ, и она кажется очень озабоченною,— тоскливо сказала племянница,—я боюсь, чтобы больному не сдѣлалось хуже.

— Вчера вечеромъ,—сказалъ дядя,—ему было лучше, хотя онъ отъ разговора немного усталъ. Этотъ Дагге большой болтунъ, увѣряю тебя, Марія.

— Онъ не будетъ болѣе болтать,—вскричала вдова Уайтъ, которая подошла довольно близко и могла разслышать послѣднія слова Пратта.—Онъ болѣе не скажетъ ни хорошаго, ни худого.

Праттъ былъ такъ пораженъ этой новостью, что онѣмѣлъ. Что же касается до Маріи, она только выразила свое сожалѣніе о томъ, что больной такъ скоро умеръ, и ему было такъ мало времени для приготовленія къ смерти, что она считала самымъ важнымъ дѣломъ.

Впрочемъ, вдова торопливо передала всѣ подробности происшествія.

Оказалось, что Дагге умеръ ночью, а вдова только за нѣсколько минутъ передъ своимъ приходомъ нашла его холоднымъ и окоченѣвшимъ. Хотя смерть въ эту минуту казалась довольно неожиданною, но нельзя было сомнѣваться въ томъ, что продолжительный разговоръ ускорилъ ее, чего, впрочемъ, никто не зналъ. Непосредственная причина смерти было удушеніе, какъ это часто случается въ послѣдней степени чахотки.

Было бы несправедливо утверждать то, что эта внезапная смерть не произвела никакого впечатлѣнія на чувства Пратта. Въ первую минуту онъ подумалъ о своихъ лѣтахъ, о будущемъ, которое было впереди. Эти размышленія занимали его цѣлые полчаса; но мало-по-малу маммонъ снова вступилъ въ свои права, и страшные образы замѣнились другими, которые онъ нашелъ очень пріятными. Наконецъ, онъ серьезно подумалъ о томъ, чего требовали отъ него обстоятельства.

Такъ какъ въ смерти Дагге не было ничего необыкновеннаго, то не было нужды въ присутствіи властей. Затѣмъ оставалось отдать необходимыя приказанія относительно погребенія и тщательнаго сбереженія имущества умершаго.

Праттъ велѣлъ перенести къ себѣ чемоданъ Дагге, вынувши передъ тѣмъ ключъ изъ кармана его жилета, а потомъ распорядился его погребеніемъ.

Праттъ, при видѣ трупа, провелъ еще тягостные полчаса. Эта безчувственная оболочка лежала тутъ, забытая своимъ безсмертнымъ гостемъ и совершенно равнодушная къ тому, что такъ занимало обоихъ. Выраженіе вѣчности отпечаталось на этихъ отцвѣтшихъ и поблѣднѣвшихъ чертахъ. Если бы было принесено все золото Индіи, Дагге не могъ бы протянуть руки и до него дотронуться.

Тѣло оставалось въ домѣ вдовы Уайтъ и уже на другой день утромъ его отнесли на кладбище и положили въ забы-

томъ углу могилы неизвѣстныхъ, останки которыхъ не пользуются никакою почестью.

Тогда только Праттъ почелъ себя единственнымъ хранителемъ великихъ тайнъ Дагге.

Въ его распоряженіи были морскія карты, и Дагге уже болѣе никому не могъ показать ихъ. Если друзья умершаго узнаютъ объ его смерти и пріѣдутъ за его имуществомъ, то очень вѣроятно что они не найдутъ никакого объясненія касательно острововъ, изобилующихъ тюленями, или богатства, скрытаго пиратомъ.

Онъ сдѣлалъ болѣе, онъ увеличилъ обыкновенную предосторожность и уплатилъ даже изъ своего кошелька долгъ усопшаго вдовѣ Уайтъ, которой отдалъ десять долларовъ. Во избѣжаніе же подозрѣній, которыя могли возымѣть по поводу такой большой щедрости, онъ сказалъ, что обратится къ друзьямъ матроса и въ томъ случаѣ, если они не могутъ заплатить его издержекъ, онъ велитъ продать имущество покойника.

Онъ также заплатилъ за гробъ и могилу, какъ и за довольно значительныя издержки по погребенію.

Чемоданъ былъ перенесенъ въ большой кабинетъ, выходившій въ спальню Пратта. Когда онъ свелъ всѣ счеты, то отправился туда вооруженный ключемъ, который могъ ему открыть, по его мнѣнію, столь великое сокровище.

Для Пратта была какою-то торжественною та минута, въ которую онъ открылъ чемоданъ. Конечно, ему ничего не представилось похожаго на богатство, когда все, что осталось послѣ Дагге, явилось глазамъ Пратта. Часть имущества Дагге была продана для удовлетворенія его расходовъ. То, что осталось въ чемоданѣ, было приноровлено къ теплому климату и носило слѣды долгаго употребленія. Въ немъ были двѣ морскія карты, испачканныя и разорванныя, на которыя Праттъ набросился, какъ ястребъ бросается на свою добычу.

Но въ эту минуту онъ ощутилъ такую дрожь, что былъ принужденъ сѣсть въ кресло и немного отдохнуть.

Развертывая первую карту, Праттъ увидалъ, что это была карта южнаго полушарія. На ней ясно было обозначено нѣсколькими чернильными точками три или четыре острова съ широтою...° и долготою...°, написанными по краямъ. Мы не назовемъ здѣсь цифръ, находящихся на картѣ, потому что это

открытіе еще и теперь важно для тѣхъ, которые владѣютъ тайною, и разскажемъ повѣсть только съ этими исключеніями.

Праттъ едва дышалъ, увѣрившись въ этомъ важномъ обстоятельствѣ, и его руки такъ тряслись, что карта, такъ сказать, хлопала между его пальцами. Потомъ онъ прибѣгнулъ къ средству, которое вполнѣ обрисовало его характеръ: онъ вписалъ широту и долготу въ записную книжку, которую всегда носилъ съ собой; потомъ сѣлъ и очень тщательно выскоблилъ перочиннымъ ножикомъ на морской картѣ обозначеніе острововъ и цифры, которыя на ней находились. Окончивши это, онъ почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ большой тяжести. Но это было еще не все.

Морскія карты, назначенныя для шкуны, лежали на столѣ въ его комнатѣ. Онъ начертилъ на одной изъ этихъ картъ, какъ только могъ лучше, острова тюленей, которые онъ соскоблилъ съ карты Дагге. Также онъ написалъ тамъ тѣ цифры, которыя какъ сказано, мы не можемъ открыть.

Потомъ онъ открылъ вторую карту: то была карта Западной Индіи съ особенными на ней отмѣтками нѣкоторыхъ мѣстностей. Одна изъ этихъ мѣстностей такъ была обозначена, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что она принадлежала пиратамъ.

Самая мѣстность была обозначена карандашемъ, который легко было вытереть резинкой. Сверхъ того, Праттъ выскребъ ножичкомъ то мѣсто, на которомъ были обозначены пункты, и затѣмъ могъ быть увѣренъ въ томъ, что никакой глазъ не откроетъ того, что онъ сдѣлалъ. Обозначивши эту мѣстность на своей картѣ Западной Индіи, онъ положилъ морскія карты Дагге въ чемоданъ и закрылъ его. Онъ уже написалъ на бумагѣ всѣ подробности, которыя слышалъ отъ самаго Дагге, и полагалъ, что теперь обладетъ всѣми свѣдѣніями, которыя могли сдѣлать его самымъ богатымъ человѣкомъ графства Сюффолкъ.

Когда онъ встрѣтился со своею племянницею, то Марія была удивлена веселости своего дяди, такъ скоро послѣ похоронъ.

Это произошло отъ того, что у него было легко на сердцѣ. Дагге, ведя его шагъ за шагомъ къ своей цѣли, упорно отказывался разсказать эти частности, которыя никакъ пельзя было открыть, и незнаніе которыхъ дѣлало безполезными всѣ предварительные расходы, которые сдѣлалъ Праттъ. Но смерть Дагге

подняла завѣсу, и Праттъ считалъ себя единственнымъ обладателемъ тайны.

Тотчасъ же послѣ открытія широты и долготы на морскихъ картахъ Праттъ отправился на берегъ, желая нетерпѣливо видѣть, какъ Росвель Гарнеръ доканчивалъ оснащеніе «Морского Льва».

Молодой человѣкъ работалъ изо всѣхъ силъ вмѣстѣ съ матросами, которыхъ онъ уже нанялъ. Шкуна была спущена на воду, и по временамъ деревенская телѣжка или двухколеска, запряженная быками, привозила на набережную съѣстные припасы, которые складывали въ магазинъ. Клади не было, потому что корабль, отправляющійся на охоту за тюленями, нуждается только въ соли и съѣстныхъ припасахъ. Однимъ словомъ, работа шла быстро, и капитанъ Гарнеръ объявилъ нетерпѣливому хозяину, что черезъ недѣлю корабль будетъ готовъ отправиться.

— Я успѣлъ пригласить офицера, въ которомъ нуждался,— продолжалъ Росвель Гарнеръ,—и онъ теперь въ Бонингтонѣ, гдѣ отыскиваетъ людей для экипажа. Намъ нужно полдюжины моряковъ, на которыхъ мы могли бы положиться, а затѣмъ мы возьмемъ кого-нибудь изъ нашихъ сосѣдей, еще новичковъ.

— Ну,—весело сказалъ Праттъ,—у васъ будетъ много рекрутъ; они стоятъ дешевле и при томъ приносятъ больше выгодъ своимъ владѣльцамъ. Что же, капитанъ Гарнеръ, дѣла въ вашихъ рукахъ идутъ очень хорошо, я оставлю васъ, а послѣ обѣда скажу вамъ нѣсколько словъ наединѣ.

Черезъ часъ или два Праттъ и его племянница сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ двумя другими особами.

Рыба въ здѣшнихъ мѣстахъ составляетъ главную ежедневную пищу тѣхъ, которые живутъ подлѣ морскихъ береговъ.

Гости, собравшіеся у Пратта, кромѣ его самого, были Марія, Росвель Гардинеръ и пасторъ Уитль. Рыба была превкусная, и всѣ хвалили Марію за умѣніе ее приготовлять. Но Марія была печальна. Она еще не освободилась отъ грустнаго впечатлѣнія, которое поселили въ ней недавняя смерть Дагге и погребеніе его. Къ этому присоединилась мысль о близкомъ путешествіи Росвеля Гардинера, о состояніи его ума и образа мыслей касательно религіозныхъ вѣрованій въ минуту предпріятія опасной экспедиціи.

Она нѣсколько разъ высказывала свое желаніе пастору,

чтобы онъ поговорилъ съ Росвелемъ. Пасторъ обѣщалъ, но поступалъ такъ же, какъ и его прихожане, которые забывали платить ему: онъ никогда не вспоминалъ объ этомъ.

Росвель же Гардинеръ оставался въ своемъ невѣріи, или, что одно и то же, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мнѣній, которыя противорѣчили всему, что церковь проповѣдывала со временъ Апостольскихъ. По крайней мѣрѣ такъ думала Марія; также думаемъ и мы. Росвель Гардинеръ пилъ одну только воду, что очень рѣдко бываетъ между моряками, тогда какъ другіе гости пили и воду, и ромъ.

— Я очень жалѣлъ, что моя послѣдняя поѣздка въ Коннектикутъ не позволила мнѣ увидѣть бѣдняка, котораго такъ скоро вынесли изъ дома вдовы Уайтъ,—замѣтилъ пасторъ.—Мнѣ говорили, что больной родился на востокѣ.

— Такъ думаетъ докторъ Седжъ,—отвѣчалъ Праттъ;—капитанъ Гарнеръ предложилъ съѣздить за докторомъ въ моей шлюпкѣ (и Праттъ сдѣлалъ удареніе на притяжательномъ мѣстоименіи). Но можно ли помочь моряку, у котораго страдаютъ легкія!

— Этотъ бѣднякъ былъ морякъ, а я и не зналъ, чѣмъ онъ занимался. Онъ не изъ Ойстеръ-Понда?

— Нѣтъ, у насъ здѣсь нѣтъ никого по фамиліи Дагге, принадлежащей Виньярду. Большая часть Дагге—моряки, и этотъ человѣкъ занимался тѣмъ же, хотя я отъ него ничего не слыхалъ и заключаю это только изъ нѣкоторыхъ словъ, вырвавшихся у него въ разговорѣ.—Праттъ думалъ, что такимъ образомъ, не затрудняясь, можетъ скрыть истину, въ томъ мнѣніи, что никто не присутствовалъ при его тайныхъ разговорахъ съ Дагге. Но предполагать, что вдова Уайтъ не принимала никакого участія въ разговорѣ, происходившемъ подъ ея кровлею, значило не знать ея характера. Это было совсѣмъ иначе: любопытная женщина не только старалась подслушивать, но даже провертѣла дыру, которая служила ей обсерваторіею, откуда могла слушать и видѣть все, что происходило между Праттомъ и ея постояльцемъ.

— Бетингъ Джой пришелъ съ берега и желаетъ видѣть хозяина,—сказалъ старый негръ, который прежде былъ невольникомъ, а теперь поддерживалъ свою жизнь, работая для дома.

— Бетингъ Джой! Я надѣюсь, что онъ не пришелъ за рыбой,

ПОЖАЛУЙСТА

которую мы съѣли, потому что немного поздно,—сказалъ смѣясь Росвель.

— Я отдалъ за нее Джою полъ-доллара, вы видѣли какъ я платилъ, капитанъ Гарнеръ?

— Я думаю, сударь, что онъ пришелъ не за этимъ. Джой привелъ незнакомаго, котораго высадилъ на берегъ. Но вотъ и онъ, сударь.

— Незнакомаго? Что онъ за человѣкъ?

Было приказано принять его, и Марія, лишь только увидѣла его, какъ тихо встала и пошла за прибором, чтобы и онъ поѣлъ рыбы.

ГЛАВА V.

> Чужеземецъ! Я бѣжалъ изъ обители скорби, чтобы упасть передъ гробницей Коннохъ Морана; я нашелъ, что шлемъ моего начальника и его лукъ еще висятъ на нашей стѣнѣ.
>
> *Кемпбелль.*

— Земноводное!—замѣтилъ въ сторону Росвель Гардинеръ, обращаясь къ Маріи при входѣ незнакомца съ Бетингъ Джоемъ.

Послѣдній пришелъ только выпить стаканъ воды съ ромомъ, и лишь только негръ поднесъ его ему, какъ онъ вытеръ ротъ ладонью, поклонился и ушелъ. Что касается до незнакомца, то выраженіе, которое позволилъ себѣ Росвель Гардинеръ, было очень многозначительно. Оно заслуживаетъ краткаго объясненія. Слово «земноводное» было прилагаемо къ большому числу моряковъ китолововъ, охотниковъ за тюленями, живущихъ на восточной сторонѣ Лонгъ-Айлэнда, на Виньярдѣ, въ окрестностяхъ Бонингтона, и, можетъ быть, близъ Нью-Бедфорда.

Люди, къ которымъ особенно могло идти это прозваніе, были матросы, не будучи моряками въ точномъ смыслѣ этого слова.

Незнакомца, по обыкновенію, пригласили за столъ. Онъ безъ церемоніи принялъ приглашеніе, и Марія, по его аппетиту, должна была подумать, что онъ доволенъ ея повареннымъ искусствомъ. Незнакомецъ нанесъ послѣдній ударъ рыбѣ, и послѣ того на блюдѣ осталось очень мало. Потомъ онъ выпилъ стаканъ воды съ ромомъ и выказалъ намѣреніе приступить къ дѣлу, по которому пришелъ. До сихъ поръ онъ ничѣмъ не объяс-

нялъ причины своего посѣщенія, заставляя Пратта теряться въ догадкахъ.

— Рыба хороша,—холодно сказалъ незнакомецъ, считая себя вправѣ сказать свое мнѣніе по этому поводу,—но въ Виньярдѣ мы не бѣдны въ этомъ отношеніи.

— Въ Виньярдѣ?—прервалъ Праттъ, не слушая того, что незнакомецъ могъ сказать далѣе.

— Да, сударь, въ Виньярдѣ, потому что я принужденъ былъ прибыть оттуда. Можетъ быть я долженъ объявить вамъ, кто я такой: я прибылъ съ Виньярда, и зовутъ меня Дагге.

Праттъ, который въ это время намазывалъ масло на хлѣбъ, уронилъ ножъ на тарелку.

Дагге и Виньярдъ были два слова, которыя роковымъ образомъ прозвучали въ его ушахъ. Возможно ли, чтобы докторъ Сэджъ имѣлъ время такъ скоро послать извѣстіе въ Виньярдъ! И это «земноводное» сосѣдняго острова не пришло ли похитить у него его сокровище? Притомъ Праттъ былъ такъ смущенъ, что никакъ не могъ сознать своего положенія. Онъ даже думалъ, что все истраченное имъ на оснащеніе «Морского Льва» потеряно, и что онъ можетъ дать отчетъ передъ судомъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ отобралъ отъ умирающаго.

Однако, немного подумавъ, онъ превозмогъ свою слабость и, слегка наклоняя голову, поклонился незнакомцу, какъ будто хотѣлъ сказать ему,—добро пожаловать!

Никто, кромѣ Пратта, не зналъ мыслей, его занимавшихъ, и черезъ нѣсколько минутъ незнакомецъ объяснилъ причину своего посѣщенія.

— Дагге очень многочисленны въ Виньярдѣ, — сказалъ онъ,—и если вы назовете кого-нибудь, то весьма не легко узнать, къ какому семейству онъ принадлежитъ. Нѣсколько недѣль назадъ тому одинъ изъ нашихъ кораблей воротился изъ Гольмъ-Голя и сообщилъ намъ, что онъ встрѣтилъ бригъ, идущій изъ Нью-Гавена, который его увѣдомилъ, что экипажъ высадилъ на Ойстеръ-Попдскій берегъ моряка, по имени Томаса Дагге, виньярдца, который возвращался послѣ пятидесятилѣтняго отсутствія. Это извѣстіе распространилось по всему острову и надѣлало много шума между всѣми Дагге. Много виньярдцевъ шатается по свѣту, и нѣкоторые изъ нихъ возвращаются на островъ умирать. Такъ какъ большая часть ихъ приноситъ съ собою что-нибудь, то ихъ возвращеніе всегда считаютъ хорошимъ признакомъ. Пого-

ворившись съ стариками, мы рѣшили, что Томасъ Дагге былъ братъ моего отца, который отплылъ назадъ тому около пятидесяти лѣтъ, и о которомъ не было никакого извѣстія. Только объ одномъ этомъ лицѣ мы не можемъ дать себѣ отчета, и мои родные послали меня для розысканія его.

— Я очень жалѣю, господинъ Дагге, что вы прибыли довольно поздно,—тихо сказалъ Праттъ, какъ будто боялся опечалить незнакомца.—Если бы вы пріѣхали на прошлой недѣлѣ, то могли бы еще видѣть вашего родственника и поговорить съ нимъ, а если бы вы пріѣхали нынче утромъ, то присутствовали бы при его погребеніи. Онъ прибылъ къ намъ неизвѣстно откуда, и мы старались подражать самарянину. Я думаю, что для него было сдѣлано все, что мы могли для него сдѣлать въ Ойстеръ-Пондѣ, а докторъ Сэджъ изъ Сагъ-Гарбура лечилъ его въ послѣдней болѣзни. Вы, безъ сомнѣнія, знаете доктора Сэджа?

— Я знаю его по наслышкѣ и увѣренъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ. Такъ какъ тендеръ, о которомъ я уже сказалъ, плылъ подлѣ брига во время штиля, то оба капитана долго разговаривали, и виньярдецъ увѣдомилъ насъ о близкой смерти нашего родственника. Мы хорошо знали, что никакое человѣческое знаніе не могло спасти его. Такъ какъ мой дядя приглашалъ столь извѣстнаго доктора, живущаго довольно далеко, то я предполагаю, что нашъ родственникъ долженъ оставить кое-что.

Этотъ вопросъ былъ очень естественъ, и, къ счастію, у Пратта отвѣтъ былъ готовъ.

— Моряки, которыхъ корабли приходятъ изъ далекихъ странъ и пристаютъ къ нашимъ берегамъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—рѣдко бываютъ обременены временными благами. Если у человѣка ихъ ремесла есть состояніе, то онъ пристаетъ къ берегу какого-нибудь большого порта и тамъ беретъ карету, которая отвозитъ его къ первой гостинницѣ.

— Я надѣюсь,—сказалъ племянникъ,—что мой родственникъ никому не былъ въ тягость.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Праттъ.—Сначала онъ продавалъ нѣкоторыя принадлежащія ему вещи и такимъ образомъ жилъ. Такъ какъ Провидѣніе ввело его въ жилище бѣдной вдовы, то я думалъ, что сдѣлаю угодное друзьямъ умершаго — и всѣ знаютъ это—если разочтусь съ ней. Нынче утромъ я сдѣлалъ это, и она дала мнѣ квитанцію, какъ вы видите,—прибавилъ онъ, показывая иностранцу бумагу.—Чтобы сколько-нибудь огра-

дить свои издержки, я велѣлъ перенести къ себѣ чемоданъ умершаго, и онъ теперь наверху, готовый къ осмотру. Онъ легокъ, и я не думаю, чтобы въ немъ было много золота или серебра.

По правдѣ сказать, виньярденъ казался довольно разочарованнымъ. Было такъ естественно, что человѣкъ, отсутствовавшій въ теченіе пятидесяти лѣтъ, возвратился съ плодами своихъ работъ, а потому онъ могъ ждать лучшихъ результатовъ своего путешествія въ Ойстеръ-Пондъ. Но не это было главнымъ предметомъ его посѣщенія, какъ мы увидимъ далѣе.

Племянникъ Дагге, имѣя въ виду другую главную цѣль, продолжалъ дѣлать косвенные вопросы и получать не менѣе уклончивые и благоразумные отвѣты. Это одна изъ особенностей осторожнаго племени, къ которому принадлежали и тотъ, и другой: когда у нихъ говорится о дѣлахъ, то не произносится ни одного слова, не взвѣсивши всѣхъ заключеній, которыя могли бы вывести изъ него, и чрезъ четверть часа разговора, въ которомъ вся исторія чемодана была разсказана, было рѣшено приступить немедленно къ осмотру оставшагося имущества послѣ Дагге. Всѣ, не исключая и Маріи, собрались въ комнатѣ Пратта, посреди которой поставили чемоданъ.

Глаза всѣхъ были устремлены на этотъ чемоданъ, потому что каждый, исключая Пратта, предполагалъ, что въ немъ было что-нибудь. Напротивъ, вдова Уайтъ могла бы сказать, что въ немъ есть, потому что она разъ двѣнадцать въ немъ перешарила, хотя, надобно правду сказать, не вынула изъ него и иголки. Ее заставило дѣлать такъ не жадность, а любопытство. Правда, что добрая женщина безпокоилась собственно за себя насчетъ тѣхъ денегъ, которыя получала отъ моряка, и которыя доходили до одного доллара и пятидесяти центовъ въ недѣлю. Она не только пересмотрѣла всѣ эти вещи, находившіяся, въ чемоданѣ, но даже перечитала всѣ бумаги, которыя были въ немъ, и полдюжину писемъ, въ немъ заключавшихся, о которыхъ сдѣлала свои догадки. Изъ всѣхъ этихъ розысковъ добрая женщина ничего не узнала. Только одна вещь ускользнула отъ ея осмотра, это маленькій ящичекъ, крѣпко запертый. Ей очень хотѣлось бы посмотрѣть, что находилось въ немъ, и даже были минуты, въ которыя она пожертвовала бы пальцемъ, чтобы открыть его.

— Вотъ ключъ,—сказалъ Праттъ, вынимая его изъ столо-

ваго ящика, какъ будто онъ былъ тамъ до сихъ поръ старательно оберегаемъ.

— Я думаю, что онъ отопретъ замокъ. Мнѣ помнится, что я видѣлъ, какъ Дагге самъ отпиралъ имъ одинъ или два раза.

Росвель Гардинеръ, самый младшій изъ собравшихся, взялъ ключъ и отперъ чемоданъ. Всѣ, кромѣ Пратта, были обмануты видомъ, который имъ всѣмъ представился. Чемоданъ не только былъ вполовину пустъ, но и предметы, въ немъ заключавшіеся, были самые простые: то была одежда моряка, видѣвшаго лучшіе дни, но которая могла принадлежать только матросу.

— Въ немъ нѣтъ совершенно ничего, что могло бы вознаградить путешествіе изъ Виньярда въ Ойстеръ-Пондъ, — сухо сказалъ Росвель Гардинеръ.—Что дѣлать со всѣмъ этимъ, господинъ Праттъ?

— Самое лучшее вынуть изъ чемодана всѣ вещи, одну за другой и порознь пересмотрѣть ихъ. Такъ какъ мы уже начали это, то и будемъ продолжать.

Молодой человѣкъ повиновался и, вынимая каждую вещь изъ чемодана, называлъ ее, а потомъ передавалъ ее тому, кто себя считалъ наслѣдникомъ матроса. Новопришедшій бросалъ испытующій взглядъ на каждое платье и прежде чѣмъ складывалъ его на полъ, благоразумно опускалъ руку въ каждый карманъ, чтобы увѣриться, что онъ былъ пустъ.

Долго онъ ничего не находилъ, но въ одномъ карманѣ, наконецъ, нашелъ небольшой ключъ.

Такъ какъ въ чемоданѣ былъ маленькій ящикъ, о которомъ мы уже говорили, и такъ какъ въ этомъ ящикѣ былъ только одинъ замокъ, то племянникъ Дагге, не говоря ни слова, спряталъ ключъ.

— Оказалось, что умершій не очень занимался временными благами,—сказалъ пасторъ Уитль, который былъ немного обманутъ въ своемъ ожиданіи.—Это много значитъ при оставленіи здѣшней жизни.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ,—сказалъ Гардинеръ,—что ему не было бы хуже, если бы онъ побольше наслаждался.

— Ваши мысли о нравственномъ и матеріальномъ состояніи, которое должно желать человѣку, приближающемуся къ своему концу, могутъ быть не слишкомъ мудры, капитанъ Гарнеръ,—сказалъ пасторъ.—Море не родина философовъ.

Молодой моряк покраснѣлъ, посмотрѣлъ на Марію и сталъ

довольно тихо свистать. Онъ на минуту забылъ полученный имъ выговоръ и смѣясь продолжалъ свой осмотръ.

— Ну,—прибавилъ онъ,—вотъ имущество бѣдняка Джека. Я не думаю, капитанъ Дагге, чтобы вы взяли на себя трудъ перевезти эти вещи въ Виньярдъ.

— Я также не вижу въ этомъ нужды, хотя друзья и родные могутъ придать этимъ вещамъ цѣну, чуждую для посторонникъ. Но я тамъ вижу двѣ морскія карты, не потрудитесь ли вы передать мнѣ ихъ? Онѣ для моряка еще могутъ имѣть какую-нибудь цѣну, потому что старые матросы дѣлаютъ на нихъ отмѣтки, которыя дороже самихъ картъ.

Хотя это было сказано самымъ простымъ и самымъ естественнымъ голосомъ, но внушило Пратту большое безпокойство, потому что онъ ничѣмъ еще не былъ разувѣренъ въ важности того, кого отнынѣ мы будемъ называть Дагге, и который, разложивши карту на постели, началъ внимательно ее разсматривать.

Карта была та, на которой находилось южное полушаріе, и на которой Праттъ съ такимъ стараніемъ выскоблилъ острова, изобилующіе тюленями. Ясно было, что виньярдецъ чего-то искалъ и не могъ найти, и что онъ сильно обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на карту, можно сказать, что онъ изучалъ всѣ дыры и трещины, которыхъ было много, потому что бумага была стара и разорвана. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и незнакомецъ пересталъ очень заниматься имуществомъ своего родственника.

— Это старая карта, относящаяся къ 1802 году,—сказалъ Дагге,—нынче она недорого стоитъ. Наши охотники за тюленями такъ далеко заплываютъ на югъ, что у нихъ теперь есть лучшія свѣдѣнія.

— Вашъ дядюшка,—хладнокровно сказалъ Праттъ,—былъ старый матросъ и очень легко могъ предпочитать старыя карты.

— Тогда надобно, чтобы онъ позабылъ первоначальное воспитаніе, которое даютъ въ Виньярдѣ. Тамъ нѣтъ ни одной женщины, которая бы не знала, что послѣдняя карта всегда лучше первой. Я признаюсь, что для меня здѣсь есть какое-то недоразумѣніе, потому что хозяинъ судна сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ хозяина брига, что на картахъ стараго моряка можно найти довольно важныя подробности.

Праттъ затрясся. Онъ видѣлъ въ этомъ доказательство тому, что умершій говорилъ о своей тайнѣ другимъ. Для человѣка, ка-

ковъ былъ Дагге, было очень естественно хвалиться своими картами, такъ что Праттъ предвидѣлъ, что съ этой стороны будутъ затрудненія. Однако, онъ счелъ за лучшее молчать. Незнакомецъ, который, казалось, мало думалъ о старыхъ рубашкахъ и старомъ платьѣ, принялся опять разсматривать карту и довольно близко отъ того мѣста, гдѣ были обозначены острова тюленей, вычищенные съ такимъ страніемъ.

— Я никакъ не могу понять, чтобы человѣкъ, пользовавшійся столько времени картою, не сдѣлалъ бы на ней никакихъ отмѣтокъ,—сказалъ капитанъ Дагге.

Капитанъ Дагге, казалось, жаловался съ упрекомъ.

— Вотъ подводные камни среди моря, — продолжалъ Дагге,—тамъ, гдѣ я увѣренъ, вода кишитъ рыбою; тутъ должны бы быть и острова. Что вы думаете объ этомъ, капитанъ Гарнеръ?—сказалъ Дагге, кладя палецъ на то мѣсто, гдѣ еще утромъ Праттъ такъ старательно выскоблилъ острова.—По крайней мѣрѣ не замѣтите ли вы того, что это мѣсто было тщательно обозначено, и потомъ часто къ нему возвращались, хотя замѣтокъ тутъ не видно.

— Это мели,—отвѣчалъ смѣясь Гарнеръ,—посмотрите онѣ подлѣ широты ...° и долготы ...°. Тамъ не можетъ быть извѣстной земли, потому что и самъ капитанъ Кукъ не заходилъ такъ далеко на югъ.

— Вы часто бывали въ морѣ, капитанъ Гарнеръ?—спросилъ съ любопытствомъ Дагге.

— Я кормлюсь этимъ ремесломъ,—откровенно отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Впрочемъ, я не занимаюсь морскими картами, онѣ могутъ служить тогда только, когда корабль въ дорогѣ. Что касается до китовъ и тюленей, то желающіе найти ихъ теперь, должны только искать, какъ я уже сказалъ моему хозяину. Говорятъ, что нѣкогда кораблю стоило только поднять паруса, чтобы бросить гарпунъ, но эти времена, капитанъ Дагге, прошли и надо искать китовъ въ открытомъ морѣ, какъ денегъ на берегу.

— Корабль, который я видѣлъ подлѣ берега, не назначенъ ли для китовой ловли? Онъ немного малъ для китовой ловли, корабли подобнаго размѣра годятся для ловли у береговъ.

— Попробовавши и мы узнаемъ, къ чему онъ годенъ,— уклончиво сказалъ Гардинеръ.—Что вы думаете объ экспедиціи на Новую Землю?

Виньярдецъ бросилъ нетерпѣливый взглядъ, который значилъ: «Скажите это морякамъ!» и развернулъ вторую карту, которую до того еще не разсматривалъ.

— Конечно,—прошепталъ онъ тихо, но довольно громко, такъ что Праттъ, котораго уши были очень внимательны, услыхалъ это,—вотъ карта Западной Индіи и всѣхъ мѣстностей, на ней находящихся.

Эти слова, сказанныя Дагге, объяснили Пратту, что иностранецъ кое-что зналъ, и его безпокойство отъ того увеличилось. Теперь онъ убѣдился, что благодаря хозяевамъ судна и брига, родные Дагге имѣли свѣдѣнія, на основаніи которыхъ надѣялись составить свое счастіе. До какой степени справедливы догадки? Этого онъ никакъ не могъ отгадать. Но онъ зналъ, что подробности были сообщены, и что племянникъ Дагге прибылъ въ Ойстеръ-Пондъ для тщательнаго изученія морскихъ картъ.

Онъ радовался, что успѣлъ во время вычистить необходимыя замѣтки, находившіяся на картахъ.

— Капитанъ Гарнеръ,—сказалъ виньярдецъ, держа карту къ свѣту;—посмотрите, пожалуйста, здѣсь. Не кажется ли вамъ, что на этой сторонѣ были какія-то замѣтки, и что вычистили слова, находившіяся на картѣ.

Въ это время Праттъ смотрѣлъ черезъ плечо Росвеля Гардинера и былъ очень счастливъ, что могъ увѣриться въ томъ, что незнакомецъ положилъ палецъ на точку, бывшую на сотни миль отъ того мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, находилось сокровище пирата.

— Странно, чтобы такой старый морякъ, пользуясь такъ долго одною картою, не оставилъ бы на ней никакихъ замѣтокъ,—повторилъ незнакомецъ, удивленіе и досада котораго были замѣтны.—Всѣ мои карты покрыты замѣтками, какъ будто я хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ книгу для моего собственнаго употребленія.

— Склонности и привычки различны,—равнодушно отвѣчалъ Росвель Гардинеръ.—Есть мореходцы, которые постоянно отыскиваютъ утесы и не перестаютъ записывать ихъ на своихъ морскихъ картахъ; но я никогда не видалъ, чтобы они получили отъ этого какой-нибудь результатъ.

— Что вы скажете о замѣчаніи охотника за тюленями, обозначившаго на своей картѣ островъ, на которомъ тюлени ходятъ

толпами по берегу, какъ стадо свиней? Назовете ли вы такіе карты сокровищемъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло,—отвѣчалъ смѣясь Гардинеръ,—хотя я и не думаю, чтобы въ этомъ чемоданѣ можно было найти подобное сокровище.

— Я не вижу, господинъ Праттъ, необходимости болѣе утруждать васъ. Мой дядя былъ не очень богатъ, это ясно, и если я желалъ имѣть болѣе, чѣмъ оказалось, такъ потому, что я самъ не богатъ. Если же умершій оставилъ какіе-нибудь долги, такъ я готовъ заплатить ихъ.

Вопросъ былъ сдѣланъ очень вяло, такъ что Праттъ сначала не зналъ, что и сказать. Онъ подумалъ о своихъ шести долларахъ, и его скупость одержала верхъ надъ его благоразуміемъ.

— Безъ сомнѣнія, доктору Сэджу надобно бы было заплатить, но вашъ дядя, пока онъ жилъ, самъ уплачивалъ свои расходы. Я думалъ, что вдова, заботившаяся о немъ, имѣетъ право на что-нибудь лишнее, и нынче утромъ я далъ ей десять долларовъ, которые вы можете, по вашему желанію, отдать мнѣ или нѣтъ.

Капитанъ Дагге тотчасъ же отдалъ эту сумму Пратту. Потомъ онъ положилъ карты на мѣсто и, не открывая маленькаго ящичка, находящагося въ чемоданѣ, заперъ этотъ чемоданъ и положилъ ключъ въ карманъ, говоря, что увезетъ все это, чтобы избавить Пратта отъ всякаго безпокойства. Сдѣлавши это, онъ спросилъ адресъ вдовы Уайтъ, съ которой онъ пожелалъ поговорить прежде чѣмъ оставить Ойстеръ-Пондъ.

Вдова Уайтъ приняла капитана Дагге съ явнымъ удовольствіемъ, потому что собственное ея удовольствіе преимущественно заключалось въ передачѣ и полученіи новостей.

— Я увѣренъ, что жизнь съ моимъ дядею была для васъ пріятна,—сказалъ племянникъ.—Виньярдцы люди простые.

— Это правда, капитанъ Дагге, и если бы Праттъ не приходилъ его мучить и обращать его умъ къ житейскимъ помысламъ, то онъ былъ бы такъ хорошо приготовленъ, какъ ни одинъ больной, котораго я когда-либо видѣла. Совсѣмъ было другое во время посѣщенія Пратта.

— А Праттъ часто приходилъ сюда читать и молиться вмѣстѣ съ больнымъ?

— Онъ, молиться? Я не думаю, чтобы во всѣ свои посѣ-

щенія онъ сказалъ бы хотя одно слово о молитвѣ. Когда они бывали вмѣстѣ, такъ все говорили объ островахъ и тюленяхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ племянникъ.—Да что же они могли говорить о подобномъ предметѣ? Острова и тюлени совершенно чуждый разговоръ для умирающаго.

— Я знаю это,—отвѣчала вдова,—и, слушая ихъ, хорошо это понимала: но что могла сдѣлать тутъ бѣдная женщина?

— Поэтому этотъ разговоръ происходилъ при васъ, въ вашемъ присутствіи, сударыня?

— Совсѣмъ нѣтъ. Они говорили, а я слушала, что они говорили, какъ это случается, если бываешь недалеко отъ разговаривающихъ.

Незнакомецъ не настаивалъ. Онъ самъ родился въ странѣ «подслушальщиковъ». Островъ, лишенный всякаго сообщенія съ остальною землею, и двѣ трети жителей котораго никогда не бываютъ дома, долженъ обладать въ совершенствѣ искусствомъ сплетень, которое равно подслушиванію у дверей.

— Да,—сказалъ онъ,—есть вещи, которыя узнаются самъ не знаешь какъ. Итакъ, они разговаривали объ островахъ и тюленяхъ?

На этотъ вопросъ вдова отвѣчала со всѣми подробностями, которыя могла только припомнить. По мѣрѣ того, какъ она разсказывала о тайныхъ совѣщаніяхъ Пратта съ старымъ матросомъ, вниманіе незнакомца увеличивалось,—а она ничего не пропустила изъ того, что слышала, прибавивши еще слишкомъ много того, чего не слыхала.

Капитанъ Дагге привыкъ къ подобнымъ разсказамъ и зналъ степень довѣрія, которой они заслуживали. Онъ слушалъ, вѣря только половинѣ того, что ему разсказывали и, благодаря своей опытности, успѣлъ отдѣлить въ разсказѣ этой женщины вѣроятное отъ невѣроятнаго. Но то обстоятельство, что вдова Уайтъ не была при самыхъ главныхъ разговорахъ, сообщило ея повѣствованію туманность. Вообще капитанъ Дагге не сомнѣвался въ томъ, что Праттъ зналъ о существованіи острововъ. Покупка и снаряженіе «Морского Льва» могли достаточно убѣдить человѣка съ его умомъ, что дѣло идетъ объ экспедиціи за тюленями.

Свиданіе капитана Дагге и вдовы продолжалось болѣе часа и они разстались другъ съ другомъ въ самыхъ лучшихъ отно-

ПОЖ ...ЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

шеніяхъ. Правда, что капитанъ ничего не далъ вдовѣ, но онъ полагалъ, что совсѣмъ расквитался, отдавши Пратту деньги, которыя тотъ израсходовалъ: за то онъ слушалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, а это у большихъ говоруновъ составляетъ примѣрную заслугу. И при прощаніи они условились писать другъ другу.

Въ этотъ же день капитанъ Дагге отослалъ чемоданъ своего дяди въ Сагъ-Гарбуръ, а за нимъ отправился и самъ. Онъ также употребилъ часъ или два на разузнаванія о состояніи оснащенія «Морского Льва» и о времени его отплытія.

Объ этомъ снаряженіи въ Сагъ-Гарбурѣ много говорили.

Ночью суровый мореходъ, наполовину хлѣбопашецъ, сѣлъ въ свою китоловную шлюпку и одинъ отправился на Виньярдъ. Это для него ничего не значило, потому что онъ въ этой шлюпкѣ часто презиралъ опасности моря, когда плылъ за лоцмана передъ кораблями, идущими въ портъ.

ГЛАВА VI.

Спускай свое судно, матросъ Добрый христіанинъ, пусть Богъ тебѣ помогаетъ. Бери въ руки руль. и пусть добрые ангелы ведутъ тебя. Распускай паруса благоразумно; надвигаются бури; слѣдуй настойчиво по своему пути, христіанинъ, по своему пути къ отечеству!

Мистриссъ Соути.

Посѣщеніе капитана Дагге дѣйствительно ускорило оснащеніе «Морского Льва». Праттъ зналъ слишкомъ хорошо характеръ островитянъ моряковъ, а потому не могъ не обратить вниманія на такой важный случай. Онъ ничего не зналъ, что могли сказать виньярдцамъ объ его важныхъ тайнахъ, но не сомнѣвался въ томъ, что они довольно о нихъ знаютъ, и что посѣщеніе капитана Дагге ускоритъ ихъ отправленіе къ южнымъ морямъ.

Филиппъ Газаръ, морской офицеръ, получилъ приказаніе не терять времени, и люди, уже набранные для путешествія, начали переплывать проливъ и показываться на палубѣ шкуны. Что касается до корабля, то на немъ было все необходимое, и Праттъ началъ обнаруживать нетерпѣніе въ томъ, что еще не прибыли самые опытные моряки, два или три человѣка, кото-

рыхъ отыскивалъ Филиппъ Газаръ и которыхъ хотѣлъ имѣть капитанъ Гардинеръ.

Достойный арматоръ совсѣмъ не подозрѣвалъ того, что виньярдцы подкупили этихъ людей и мѣшали имъ закончить сношенія съ Филиппомъ Газаромъ, желая тѣмъ выиграть время для оснащенія другого «Морского Льва», котораго они почти уже съ мѣсяцъ оснащивали. Они купили этотъ корабль въ Нью-Бедфордѣ, желая воспользоваться тѣми неполными свѣдѣніями, которыя они получили отъ капитановъ брига и шкуны. Сходство имени было дѣло случайное или, точнѣе сказать, оно было внушено общимъ характеромъ предпріятія.

Послѣ нѣсколькихъ дней отсрочки Газаръ прислалъ изъ Бонингтона человѣка, по имени Уотсона, слывшаго за опытнаго охотника за тюленями. Этотъ рекрутъ показался прекраснымъ, и за отсутствіемъ двухъ своихъ товарищей, которые занимались наборкою людей, Росвель Гардинеръ, для котораго начальствованіе было еще дѣломъ новымъ, часто совѣтывался съ этимъ опытнымъ моракомъ. Для Пратта было большое счастіе, что онъ не открылъ ни одной изъ своихъ двухъ тайнъ молодому капитану. Гардинеръ, безъ сомнѣнія, зналъ, что шкуна должна идти на охоту за тюленями, морскими львами и другими подобными животными, но ему еще ничего не было сказано объ открытіяхъ Дагге.

Мы сказали, что для Пратта было большое счастіе, что онъ былъ такъ благоразуменъ, потому что Уотсонъ не имѣлъ никакого намѣренія отправиться изъ Ойстеръ-Понда и поступилъ уже на службу другого «Морского Льва», котораго купили въ Нью-Бедфордѣ и оснащеніе котораго тогда заканчивали. Однимъ словомъ, Уотсонъ былъ шпіонъ, подосланный виньярдцами для удостовѣренія въ намѣреніяхъ арматора шкуны и для того, чтобы вкрасться въ довѣренность Гардинера и точнѣе развѣдать о состояніи дѣлъ.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла въ Ойстеръ-Пондѣ въ слѣдующую недѣлю послѣ посѣщенія капитана Дагге. Теперь шкуна была совершенно готова къ отплытію, и капитанъ Гардинеръ начиналъ поговаривать объ оставленіи берега. Опытные люди, которыхъ онъ ждалъ, еще не прибыли, и молодой начальникъ выказывалъ большое нетерпѣніе.

— Я не знаю, что дѣлаютъ Газаръ и Гринъ!—кричалъ однажды своему арматору Росвель Гардинеръ съ кормы, на ко-

торой стоялъ, тогда какъ Праттъ былъ на берегу, а Уотсонъ работалъ на вахтѣ. Они такъ долго живутъ на землѣ, что могли бы набрать двѣнадцать человѣкъ, а намъ недостаетъ еще только двухъ, и въ томъ случаѣ если этотъ дастъ обязательство, котораго онъ еще не подписывалъ. Кстати, Уотсонъ, скоро мы увидимъ твой почеркъ?

— Я неучъ, капитанъ Гарнеръ, и мнѣ нужно много времени на то, чтобы только подписать свое имя.

— Да, да, ты осторожный молодецъ и тѣмъ ты мнѣ еще болѣе нравишься. Но у тебя было достаточно времени для рѣшенія.

— Капитанъ Гарнеръ,—сказалъ Праттъ, слышавшій весь этотъ разговоръ,—надо бы узнать хочетъ ли этотъ человѣкъ поступить на шкуну или нѣтъ?

— Я наймусь сейчасъ же, — сказалъ Уотсонъ столь же смѣло, какъ и откровенно, но только я долженъ знать прежде то, на что я пускаюсь. Если бы мнѣ сказали къ какимъ островамъ отправится корабль, такъ это могло бы дать мнѣ рѣшимость.

Этотъ вопросъ шпіона былъ предложенъ искусно, хотя и терялъ свою силу вслѣдствіе благоразумія, по которому Праттъ не сообщилъ своей тайны даже капитану своей шкуны. Если бы Гардинеръ дѣйствительно зналъ, куда шелъ, то желаніе, которое имѣлъ онъ нанять столь опытнаго человѣка, какъ Уотсонъ, могло бы исторгнуть у него какое-нибудь безразсудное замѣчаніе; но, ничего не зная самъ, онъ принужденъ былъ отвѣтить то, что счелъ лучшимъ.

— Ты спрашиваешь, куда мы идемъ? Мы идемъ на охоту за тюленями и будемъ отыскивать ихъ вездѣ, гдѣ только ихъ можно найти.

— Да, да, сударь,—сказалъ смѣясь Уотсонъ,—ни тамъ, ни тутъ, вотъ и все.

— Капитанъ Гарнеръ,—важно сказалъ Праттъ,—это похоже на шутку и надо либо нанять этого человѣка, или взять на его мѣсто кого-нибудь другого. Сойдите на берегъ, сударь, я дома хочу поговорить съ вами о дѣлахъ.

Важный тонъ Пратта удивилъ равнымъ образомъ и капитана и моряка. Что касается до перваго, то онъ прежде чѣмъ отправиться въ домъ Пратта, гдѣ ожидалъ встрѣтить Марію, сошелъ съ кормы и надѣлъ черный галстукъ. Въ то время какъ

капитанъ Гардинеръ дѣлалъ эти перемѣны въ своемъ туалетѣ, Уотсонъ спустился съ вантъ, и когда молодой капитанъ спѣшилъ дойти до дома Пратта, Уотсонъ былъ уже на палубѣ и звалъ Бетинга Джоя, который ловилъ недалеко отъ берега рыбу. Черезъ нѣсколько минутъ Уотсонъ сидѣлъ въ лодкѣ Джоя, вмѣстѣ со своимъ мѣшкомъ—онъ не привезъ чемодана—и направлялся къ порту. Въ тотъ же день онъ отплылъ на китоловномъ ботѣ, его дожидавшемся, и везъ въ Гольмъ-Голь извѣстіе, что «Морской Левъ» будетъ готовъ къ отплытію на слѣдующей недѣлѣ.

Въ продолженіе этого времени «Морской Левъ» изъ Гольмъ-Голя кончалъ свои приготовленія съ неутомимой дѣятельностью и было вѣроятно, что онъ могъ отправиться такъ же скоро, какъ и его противникъ.

Возвратимся въ Ойстеръ-Пондъ.

Праттъ взошелъ на крыльцо своего дома прежде Росвеля Гардинера. Затворивши дверь и заперши ее, къ великому удивленію Росвеля, ключемъ, старикъ важно посмотрѣлъ на молодого моряка, давая ему такимъ образомъ понять, что будетъ говорить съ нимъ о предметѣ большой важности.

Гарнеръ не зналъ, что и подумать, но надѣялся на то, что Марія будетъ главнымъ предметомъ этого разговора.

— Сначала, капитанъ Гардинеръ,—прибавилъ старикъ,—прошу васъ произнести клятву.

— Клятву, господинъ Праттъ! Это что-то новое въ охотѣ за тюленями.

— Да, сударь, клятву, которая, послѣ произнесенія ея надъ библіею, должна быть сохраняема свято и нерушимо. Эту клятву полагаю я условіемъ во всѣхъ дѣлахъ, происходящихъ между нами, капитанъ Гардинеръ.

— Что до этого, то я дамъ двѣ клятвы, если нужно.

— Хорошо. Я прошу васъ, Росвель Гардинеръ, поклясться надъ этою священной книгой, что вы никому не сообщите тѣхъ тайнъ, которыя я вамъ открою, иначе какъ при условіяхъ, которыя я самъ вамъ предпишу; что вы не воспользуетесь ими для чьихъ-либо выгодъ и останетесь во всемъ вѣрны принятымъ обязательствамъ.

Росвель Гардинеръ, очень удивленный, поцѣловалъ книгу, любопытствуя узнать, что будетъ далѣе. Праттъ положилъ священную книгу на столъ, открылъ ящикъ и вынулъ изъ него двѣ карты, тѣ самыя, на которыхъ написалъ замѣчанія Дагге.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

— Капитанъ Гарнеръ,—сказалъ Праттъ, раскладывая на постели карту Южнаго Океана,—вы меня знаете очень давно и навѣрное удивляетесь тому, что я въ мои лѣта занялся въ первый разъ вооруженіемъ корабля.

— Я надѣялся,—сказалъ Росвель Гардинеръ,—что въ томъ, что вы хотѣли сказать мнѣ, будетъ нѣсколько словъ о Маріи.

— Предметъ, о которомъ я намѣренъ говорить съ вами,—сказалъ Праттъ,—будетъ любопытнѣе полусотни Марій. Что же касается до моей племянницы, Гарнеръ, то если она согласна, то Богъ да благословитъ васъ. Но посмотрите на эту карту... глядите внимательно и скажите мнѣ, не найдете ли вы на ней чего-нибудь новаго или замѣчательнаго.

— Она напоминаетъ мнѣ время давно прошедшее; вотъ острова, которые я посѣщалъ и которые я знаю. Но что это такое? Острова, нарисованные карандашомъ съ цифрами широты и долготы? Кто сказалъ, что тамъ есть земля, господинъ Праттъ, если я только могу предложить вамъ подобный вопросъ?

— Я говорю, что это хорошіе острова для охотниковъ за тюленями. Эти острова, Гарнеръ, могутъ составить ваше счастіе, а также и мое. Что за дѣло до того, почему я отправляю «Морского Льва» именно туда? Наполните его слоновымъ жиромъ, костью, кожами и приведите назадъ какъ можно скорѣе.

— О, если въ самомъ дѣлѣ тамъ есть острова, то я не сомнѣваюсь въ этомъ. Но это могутъ быть ложные острова, которые моряку показались только въ туманѣ. Океанъ наполненъ подобными островами.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, это настоящая земля, какъ я слышалъ отъ человѣка, который ходилъ по ней.

— Эта широта слишкомъ высока для того, чтобы къ ней спускаться. Самъ Кукъ не заходилъ такъ далеко.

— Не говорите о Кукѣ, онъ былъ королевскій морякъ, тогда какъ мой охотникъ за тюленями американецъ, а что онъ одинъ разъ видѣлъ, то американецъ долженъ найти. Вотъ острова, ихъ три, вы найдете ихъ, и на ихъ берегахъ будетъ столько же животныхъ, сколько раковинъ на берегу.

— Я надѣюсь, если тамъ есть земля и если вы рискуете шкуною, то я постараюсь отыскать ихъ. Но все-таки я попрошу васъ написать мнѣ приказаніе плыть такъ далеко.

— У васъ будетъ все, что только человѣкъ можетъ требо-

вать. На этотъ счетъ между нами не можетъ быть затрудненія: я самъ отвѣчаю за ту опасность, которой подвергаю шкуну, и только частнымъ образомъ прошу васъ поберечь ее. Итакъ, отправляйтесь къ этимъ островамъ и наполняйте шкуну. Но, Гарнеръ, это еще не все. Тотчасъ же, какъ шкуна будетъ полна, вы отправитесь къ югу и выйдете изъ льдовъ какъ можно скорѣе.

— Именно это я сдѣлалъ бы и тогда, если бы вы мнѣ этого и не говорили.

Праттъ развернулъ вторую карту, которая заняла на постели мѣсто первой.

— Вотъ,—закричалъ онъ голосомъ, въ которомъ было что-то торжественное,—истинная цѣль путешествія!

— Этотъ берегъ, но, господинъ Праттъ, это сѣверная широта... °, и вы заставляете меня брать самую дальнюю дорогу, если говорите, что я долженъ идти на югъ для того, чтобы дойти туда.

— Хорошо имѣть двѣ струны на своемъ лукѣ, и когда вы узнаете то, что вы должны привезти изъ этой страны, такъ поймете и то, почему я посылаю васъ на югъ прежде, чѣмъ вы воротитесь сюда съ вашей кладью.

— Тамъ можно найти только черепахъ,—сказалъ, смѣясь, Росвель Гардинеръ.—На этихъ берегахъ не растетъ ничего, кромѣ незначительнаго кустарника, и тамъ водятся черепахи.

— Гарнеръ,—сказалъ торжественнымъ голосомъ Праттъ,—этотъ островъ, кажущійся намъ такъ незначительнымъ, содержитъ сокровище. Назадъ тому уже очень давно, пираты положили его тамъ, и теперь только я одинъ владѣю этой тайной.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на Пратта съ удивленіемъ, какъ будто онъ сомнѣвался въ томъ, что Праттъ былъ въ своемъ умѣ.

Онъ хорошо зналъ его слабую сторону и былъ готовъ предполагать, что Праттъ такъ много думалъ о деньгахъ, что, наконецъ, помѣшался. Потомъ онъ вспомнилъ умершаго матроса, безчисленныя свиданія, которыя у него были съ Праттомъ, вниманіе, которое послѣдній ему всегда оказывалъ, покупку и неожиданное и внезапное снаряженіе шкуны и понялъ все.

— Дагге сказалъ вамъ это, господинъ Праттъ,—замѣтилъ Гардинеръ,—и не онъ ли говорилъ вамъ объ островахъ морскихъ тюленей?

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY

— Допуская, что это такъ, почему же Дагге не могъ этого сказать, какъ и всякій другой человѣкъ?

— Я полагаю, господинъ Праттъ, что вы не надѣетесь извлечь большихъ выгодъ изъ этой части путешествія?

— Тутъ-то, Гарнеръ, я и надѣюсь на самыя большія выгоды, и вы сами согласитесь съ этимъ, когда узнаете всю исторію.

Праттъ послѣ этого разсказалъ всѣ подробности сообщенія, сдѣланнаго пиратомъ Дагге, какъ тотъ самъ ему разсказывалъ.

Сначала молодой человѣкъ слушалъ разсказъ съ нетерпѣливостью, потомъ съ любопытствомъ, наконецъ, съ увѣренностью, что все это справедливѣе, чѣмъ онъ прежде предполагалъ.

— Этотъ разсказъ очень необыкновененъ!—вскричалъ Гардинеръ.—Это самая необыкновенная исторія изъ всѣхъ, мною слышанныхъ! Возможно ли, чтобы такъ долго и давно не вспоминали о такомъ множествѣ серебра и золота?

— Три пирата зарыли его, боясь это довѣрить экипажу своего корабля. Они сказали, что хотятъ ловить черепахъ, какъ и вы сами скажете, и въ то время какъ матросы занимались этимъ, пираты отдалились отъ берега и положили это сокровище въ трещину одного прибрежнаго утеса, какъ я уже сказалъ вамъ. О, это такъ вѣрно, что не можетъ быть неправдой.

Росвель видѣлъ, что надежды старика были слишкомъ велики, и что имъ противиться нельзя, потому что вся его скупость вполнѣ разыгралась.

— При нѣкоторой опытности можно очень легко придать лжи видъ правды. Но этотъ Дагге сказалъ ли, какъ велики тѣ деньги, которыя, по его словамъ, оставлены пиратами на этомъ берегѣ?

— Да,—сказалъ Праттъ, и вся его низкая и скупая душа, казалось, заблистала въ его глазахъ при этомъ отвѣтѣ.—По разсказу пиратовъ, въ этомъ сокровищѣ не можетъ быть менѣе тридцати тысячъ долларовъ въ видѣ дублоновъ, чеканенныхъ на королевскомъ монетномъ дворѣ, дублоновъ, нормальнаго вѣса, по шестнадцати унцій въ фунтѣ.

— Грузъ «Морского Льва», если онъ будетъ хорошъ, будетъ стоить вдвое, если только найдемъ животныхъ, за которыми надо охотиться.

— Это возможно, но подумайте, Гарнеръ, здѣсь дѣло идетъ о золотѣ, чеканенномъ и блестящемъ.

Росвель увидѣлъ, что при подобной и столь сильно возбужденной жадности, всѣ доводы будутъ безполезны.

Въ день, слѣдующій за этимъ разговоромъ, «Морской Левъ» удалился отъ берега, и съ шкуною возможно было сообщаться только посредствомъ лодки. Внезапное исчезновеніе Уотсона могло ускорить это перемѣщеніе. Черезъ три дня шкуна подняла якорь и поплыла. Она прошла черезъ узкій, но глубокій проливъ, отдѣляющій Шельтеръ-Айлэндъ отъ Ойстеръ-Понда, оставляя воды Пеконикъ-Бея. Однако, шкуна была еще не совсѣмъ готова и бросила якорь въ Гардинеръ-Бей, на большой дорогѣ ко всѣмъ портамъ страны.

ГЛАВА VII.

> Идите къ свѣту. И гнусный грѣхъ не осквернитъ васъ болѣе; кровь Спасителя Міра, Господа, сотретъ всѣ пятна.
>
> *Бернардъ Бартонъ.*

Едва только прошло съ часъ времени, какъ «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда бросилъ якорь въ Гардинеръ-Бей, какъ шлюпка, идущая съ запада, подошла къ нему. Такъ какъ вѣтеръ былъ довольно тихъ, то слѣдующій разговоръ завязался между командиромъ шлюпки и Росвелемъ Гардинеромъ, прежде чѣмъ шлюпка не вышла изъ голоса.

— Это «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда»?—смѣло спросилъ командиръ шлюпки.

— Да,—отвѣчалъ Гардинеръ важнымъ тономъ моряка.

— Нѣтъ ли на этомъ кораблѣ Уотсона Виньярда?

— Онъ былъ на палубѣ цѣлую недѣлю, потомъ вдругъ оставилъ насъ. Такъ какъ онъ еще не подписалъ обязательства, то я не могу сказать, что онъ бѣжалъ.

— Такъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе?—сказалъ другой, какъ будто удивленный новостью, которую онъ не ожидалъ услышать.—Ваша шкуна отправится завтра, капитанъ Гарнеръ?

— Послѣзавтра,—отвѣчалъ Росвель Гардинеръ съ своею обычной откровенностью, не подозрѣвая, что говорилъ съ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ его соперникамъ.—Если бы только Уотсонъ остался со мною, то я бы показалъ ему море, въ которое никогда не кидали лота.

— Да, да, онъ вѣтренъ, но надежный охотникъ за морскими слонами. Итакъ, вы думаете отправиться послѣзавтра?

— Если мои товарищи воротятся съ берега. Они писали мнѣ вчера, что набрали людей и ожидаютъ судна для отправки. Я здѣсь подожду ихъ и возьму на бортъ, чтобы имъ не плыть напрасно до самаго порта.

— Это много сократитъ ихъ дорогу. Можетъ быть это они плывутъ въ лодкѣ?

Росвель Гардинеръ тотчасъ же поднялся на верхніе ванты и въ самомъ дѣлѣ увидалъ, что какое-то судно направляется въ прямой линіи къ кораблю и находится не болѣе какъ въ полумилѣ. Ему подали зрительную трубку, и онъ скоро увѣдомилъ свой экипажъ, что господинъ Газаръ и второй офицеръ находились на суднѣ съ двумя моряками и что онъ полагаетъ, что теперь у него всѣ необходимые ему люди. Командиръ шлюпки не проронилъ ни одного слова.

— Вы скоро отправитесь къ югу, капитанъ Гарнеръ, — сказалъ еще этотъ достойный человѣкъ, какъ будто для того, чтобы его поздравить,—вотъ охотники, которые помогутъ вамъ.

— Я очень радъ этому, потому что нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ ждать, если самъ готовъ отплыть. Мой хозяинъ также торопится.

— Желаю вамъ, капитанъ Гардинеръ, счастливаго пути. Это дальнее путешествіе, особенно если корабль получилъ столь далекое назначеніе на югъ.

— А почему вы, мой другъ, знаете, что таково мое назначеніе? Вы меня не спрашивали, куда я отправлюсь на охоту за тюленями, а у людей, занимающихся подобнымъ промысломъ, нѣтъ обыкновенія разглашать повсюду свою программу.

— Все это такъ, но у меня есть свои соображенія по этому предмету. Теперь, какъ вы уже въ скоромъ времени отправляетесь, то я вамъ дамъ одинъ совѣтъ. Если вы встрѣтите товарища въ путешествіи, такъ не ссорьтесь съ нимъ, а скорѣе старайтесь сойтись и считайте за счастіе то, чему вы не можете воспрепятствовать.

Люди, бывшіе въ шлюпкѣ, засмѣялись на эти слова, тогда какъ находящіеся на шкунѣ были ими удивлены. Это была загадка для Росвеля Гардинера и его людей, и онъ, сходя съ вантъ и отдавая приказаніе принять людей на судно, прошепталъ сквозь зубы, что незнакомецъ дуракъ.

— Этотъ малый изъ Гольмъ-Голя, — сказалъ командиръ шкуны,—а виньярдцы воображаютъ, что они лучшіе матросы въ свѣтѣ, можетъ быть, потому, что ихъ островъ самый далекій въ морѣ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною по сю сторону Монтаука.

Скоро шлюпкі исчезла. Командиръ ея былъ родственникъ тѣмъ, которые были заинтересованы вооруженіемъ «Морского Льва» — соперника, и онъ рѣшился собрать эти свѣдѣнія, столь важныя для виньярдца, потому что въ Виньярдѣ не только весьма занимались островами, изобилующими тюленями, но также и скрытымъ сокровищемъ.

Однако, у этихъ хитрыхъ и твердыхъ островитянъ были данныя болѣе опредѣленныя, нежели это можно усмотрѣть изъ нашего разсказа.

Припомнимъ, что въ чемоданѣ былъ небольшой ящичекъ, котораго Праттъ не осмотрѣлъ. Этотъ ящичекъ заключалъ въ себѣ старый разорванный журналъ не только послѣдняго путешествія, но даже одного или двухъ предшествующихъ переѣздовъ умершаго. Съ помощью изученія и сближенія различныхъ переѣздовъ, которые, казалось, не имѣли никакого между собою соотношенія, владѣлецъ по наслѣдству маленькаго ящика понялъ обѣ великія тайны своего дяди. Въ чемоданѣ было также много клочковъ бумаги, на которыхъ было нарисовано нѣсколько грубыхъ картъ острововъ и странъ, о которыхъ шло дѣло, съ обозначеніемъ ихъ соотношенія къ сосѣднимъ островамъ, но безъ долготы и широты.

Вдобавокъ къ этимъ яснымъ доказательствамъ тому, что слухъ, достигшій до Виньярда, былъ не безъ основанія, тамъ было еще неоконченное письмо, писанное умершимъ и адресованное въ видѣ завѣщанія ко всѣмъ лицамъ, носящимъ фамилію Дагге, которые могли только найтись на Виньярдѣ. Человѣкъ, въ руки котораго попалось это письмо, и называвшійся Дагге, сначала его прочиталъ, потомъ тщательно перечиталъ и положилъ его въ записную карманную книжку, которую имѣлъ обыкновеніе носить съ собою. По какимъ правамъ это письмо, содержаніе котораго относилось ко многимъ, сдѣлалось собственностью единственнаго лица, этого мы не будемъ разсказывать. Однако, это было такъ, и никто, изъ принявшихъ участіе въ оснащеніи «Морского Льва» изъ Гольмъ-Голя, не зналъ о существованіи этого документа, исключая его владѣльца. Онъ нѣ-

сколько разъ его разсматривалъ, и свѣдѣнія, тамъ находившіяся, показались ему важными.

Росвель Гардинеръ не обманулся относительно людей, находившихся на суднѣ. Это были Филиппъ Газаръ, первый его офицеръ, и Тимъ Гринъ второй, также два охотника за тюленями, которыхъ они наняли съ большимъ трудомъ.

Экипажъ Росвеля Гардинера былъ полонъ, и онъ былъ почти готовъ къ отплытію. Росвелю только оставалось воротиться въ портъ, получилъ отпускъ кораблю, немного поговорить съ своимъ хозяиномъ, подолѣе—съ Маріею и отправиться къ полюсу, если льды позволятъ ему итти на югъ.

Экипажъ «Морского Льва» состоялъ теперь изъ шестнадцати лицъ, числа достаточнаго для предпринятаго путешествія. Всѣ люди были природные американцы и большая часть ихъ принадлежала старому графству Сюффолкъ. Они почти что всѣ были молоды, дѣятельны и отъ нихъ можно было ожидать самой исправной службы.

ГЛАВА VIII.

Я люблю тебя, океанъ, и радостью моей молодости было носиться на твоей груди; ребенкомъ я презиралъ твои опасности; онѣ были моимъ наслажденіемъ.

Байронъ.

Солнце уже зашло, когда Росвель Гардинеръ воротился на корабль, простившись съ Маріею. Марія дала своему возлюбленному Библію и просила его иногда совѣтываться съ нею. Эта книга была принята съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ была предложена, и положена имъ въ сундучокъ, въ которомъ находилось съ сотню другихъ книгъ.

Съ приближеніемъ времени поднятія якоря, нервное безпокойство Пратта передавалось молодому капитану. Каждую минуту онъ приходилъ къ Росвелю, чтобы дать какой-нибудь совѣтъ и спросить о чемъ-нибудь. Можно было сказать, что въ послѣднюю минуту старикъ не имѣлъ силъ разстаться съ кораблемъ, своею собственностью, или потерять его изъ вида. Это было слишкомъ непріятно Росвелю Гардинеру, искренно расположенному ко всему, носящему имя Пратта.

— Вы не позабудете острововъ, капитанъ Гарнеръ,—гово-

рилъ старикъ,—и не подъѣдете къ нимъ слишкомъ близко. Говорятъ, что въ этихъ высокихъ широтахъ приливъ моря бываетъ ужасенъ, и что онъ скачетъ, какъ лошадь; увѣряютъ, что моряки садятся на мель прежде, чѣмъ узнаютъ, гдѣ находятся.

— Да, да, сударь, я припомню это,—отвѣчалъ Гарнеръ, наскучивъ слушать приказанія въ томъ, что трудно забыть.—Я хорошо знаю приливы и отливы и плавалъ въ этихъ моряхъ. Ну, господинъ Газаръ, скоро мы поднимемъ якорь?

— Мы готовы, сударь, отправиться и дожидаемъ только приказанія.

— Отправимся, сударь, и прощай Америка, по крайней мѣрѣ эта часть Америки.

— Подлѣ этихъ береговъ,—прибавилъ Праттъ, не могшій рѣшиться оставить корабль,—увѣряютъ, что плаваніе опасно, и что надо смотрѣть въ оба, чтобы избѣжать опасностей, угрожающихъ кораблю; поберегите корабль, Гарнеръ.

— Вездѣ есть опасности для моряка, который спитъ; но кто смотритъ во всѣ глаза, тому нечего бояться.

Едва только шкуна оставила берегъ, какъ ея паруса надулись, и она прошла мимо низкой и песчаной полосы земли подъ небольшимъ юго-западнымъ вѣтромъ и при началѣ отлива.

Навѣрное можно было сказать, что никогда корабль не отправлялся подъ лучшими предзнаменованіями. Праттъ оставался на бортѣ до тѣхъ поръ, пока Бетингъ Джой, который долженъ былъ служить ему гребцомъ, не напомнилъ ему, что при возвращеніи придется бороться съ вѣтромъ и съ отливомъ, и что необходимо было все его знаніе для введенія въ надлежащее время китоловнаго бота въ Ойстеръ-Пондъ. Арматоръ такъ понуждаемый Бетингомъ Джоемъ, разстался съ своимъ нѣжнолюбимымъ кораблемъ, отдавая молодому Гардинеру столько послѣднихъ приказаній, какъ будто тотъ шелъ на явную смерть. У Росвеля также была къ нему просьба, и она относилась къ Маріи.

— Повторите Маріи, господинъ Праттъ,—сказалъ молодой человѣкъ, отводя его къ сторонѣ, что я надѣюсь на ея обѣщаніе и буду думать о ней подъ знойнымъ солнцемъ экватора и посреди льдовъ южнаго полюса.

— Да, да, это такъ должно быть,—сказалъ Праттъ съ какою-то кротостью.—Мнѣ нравится ваше постоянство, Гарнеръ, и надѣюсь, что молодая дѣвушка, наконецъ, уступитъ, и вы будете

моимъ драгоцѣннымъ племянникомъ. Женщинъ болѣе всего плѣняютъ деньги. Наполните шкуну кожами и жиромъ и привезите сокровище, и будьте увѣрены въ томъ, что Марія будетъ вашею женою, какъ будто уже самъ пасторъ васъ благословилъ.

Таково было мнѣніе Пратта о своей племянницѣ и о прочихъ женщинахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ вспоминалъ объ этой рѣчи, какъ о самой мастерской, а Росвель позабылъ ее черезъ полчаса, потому что понималъ характеръ Маріи лучше ея дяди.

Теперь «Морской Левъ» прервалъ послѣднюю связь съ землею. На немъ не было лоцмана, совершенно ненужнаго въ этихъ моряхъ; кораблю только надо было какъ можно болѣе держаться къ Лонгъ-Айлэнду, огибая восточную сторону острова. Скоро пропалъ изъ вида Гардинеръ-Айлэндъ, и затѣмъ только одна нравственная связь осталась между смѣльчаками и ихъ отечествомъ. Правда, что Коннектикутъ, потомъ Родъ-Айлэндъ были еще видны съ одной стороны, и небольшая часть Нью-Іорка съ другой; но съ увеличеніемъ сумерекъ и эта послѣдняя связь исчезла. Монтаукскій маякъ въ продолженіе многихъ часовъ былъ единственнымъ свѣтиломъ предпріимчивыхъ моряковъ, которые прошли подлѣ него около полуночи и тогда находились уже, дѣйствительно, на большихъ волнахъ Атлантическаго океана. Можно было сказать, что въ эту минуту корабль въ первый разъ подымаетъ паруса.

«Морской Левъ» хорошо маневрировалъ. Онъ былъ выстроенъ съ намѣреніемъ сдѣлать его удобнымъ для экипажа и легкимъ на ходу.

Такъ какъ вѣтеръ былъ юго-западный, то шкуна, миновавъ Монтаукскій маякъ, поплыла на юго-востокъ. Погода казалась постоянной и не было никакого признака къ перемѣнѣ ея, а потому Гардинеръ сошелъ въ каюту, передавши начальство вахтенному офицеру съ приказаніемъ, позвать его при восходѣ солнца. Скоро усталость оказала свое вліяніе на молодого человѣка, и онъ заснулъ такъ крѣпко, какъ будто бы не оставлялъ на цѣлые два года любимую особу.

Капитанъ «Морского Льва» былъ разбуженъ въ назначенный имъ часъ. Пяти минутъ было достаточно для всхода на палубу, гдѣ онъ нашелъ все, такъ какъ оставилъ, за исключеніемъ самой шкуны. Въ теченіе шести часовъ, которые онъ

провелъ въ своей каютѣ, его корабль сдѣлалъ почти сорокъ миль. Земли было уже не видать, потому что берегъ Америки былъ очень низокъ и не представлялъ ничего выдающагося для глазъ.

Первымъ дѣломъ моряка бываетъ при выходѣ на палубу, посмотрѣть откуда дуетъ вѣтеръ, а потомъ онъ взглядываетъ на паруса. Иногда онъ перемѣняетъ порядокъ своего наблюденія и смотритъ сначала на паруса, а потомъ на облака. Росвель Гардинеръ бросилъ свой первый взглядъ на югъ и на западъ и увидалъ, что вѣтеръ обѣщалъ усилиться. Потомъ, взглянувши вверхъ остался довольнымъ ходомъ корабля. Далѣе онъ обратился ко второму судовому офицеру, которому поручилъ начальство съ словами, въ которыхъ выражалось радушіе и даже вѣжливость.

— Славная погода, сударь, для прощанія съ Америкою,— сказалъ Росвель.—Намъ предстоитъ большая дорога, господинъ Гринъ, но за то у насъ и надежный корабль. Мы теперь совершенно въ открытомъ морѣ. На западѣ не видно ничего, даже каботажнаго судна. Время слишкомъ раннее для судна, отправившагося съ послѣднимъ отливомъ и слишкомъ поздно для поднявшаго якорь въ предшествующій отливъ. Никогда я еще не видалъ эти воды столь пустыми и даже безъ одинокаго паруса на горизонтѣ.

— Да, да, сударь, можно сказать, что нѣтъ ничего на горизонтѣ. Однако, вотъ судно подъ вѣтромъ, которому, кажется, хочется поспорить съ нами въ скорости... Тамъ, сударь, немного назадъ... и мнѣ кажется, что это шкуна и почти однихъ размѣровъ съ нашею, и если вы, капитанъ Гарнеръ, возьмете зрительную трубку, то увидите, что у него не только наша оснастка, но даже и одинаковые паруса.

— Вы правы, господинъ Гринъ,—отвѣчалъ посмотрѣвши Росвель,—это шкуна и почти въ столько же тоннъ, какъ и наша и даже съ совершенно такими же парусами. Давно ли она идетъ такъ?

— Назадъ тому нѣсколько часовъ она показалася изъ-за Блокъ-Айлэнда. Весь вопросъ для меня состоитъ въ томъ, чтобы узнать, откуда идетъ она? Корабль изъ Бонингтона естественно прошелъ бы подъ вѣтромъ Блокъ-Айлэнда, а изъ Нью-Порта или съ острова Провидѣнія не шелъ бы такъ далеко по вѣтру. Эта

шкуна мучила меня съ самаго разсвѣта, и я совсѣмъ не понимаю того, какъ она очутилась въ этихъ водахъ, и все мое знаніе при этомъ становится въ тупикъ.

— Можно подумать что она ошиблась въ дорогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ Гарнеръ, этотъ «гуляка» идетъ на югъ, какъ и мы, но только непонятно, почему онъ теперь находится такъ далеко отъ вѣтра и, можно сказать, такъ близко къ вѣтру. Если бы онъ направился къ юго-востоку изъ какого-нибудь сосѣдняго порта, то остановился бы подлѣ Но-Мансъ-Лэнда, а онъ на прямой линіи съ Блокъ-Айлэндомъ.

— Можетъ быть онъ идетъ изъ Нью-Лондона и отправляясь въ Западную Индію пожелалъ обогнуть островъ. Но все это ничего не значитъ.

— Это значитъ тоже, капитанъ Гарнеръ, что ходить вокругъ дома и не входить въ дверь, которая передъ нами. Но кораблей подобнаго рода не было ни въ Бонингтонѣ, ни въ Нью-Лондонѣ, какъ это мнѣ извѣстно, потому что не болѣе двухъ сутокъ назадъ, я былъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ.

— Въ такомъ случаѣ и для меня этотъ корабль становится столь же непонятнымъ, какъ и для васъ, но его очень легко увидать поближе.

И Росвель тотчасъ же отдалъ приказаніе, чтобы маневрировали въ другомъ направленіи.

Въ полдень корабли были одинъ отъ другого такъ близко, что можно было разговаривать, и на этомъ разстояніи экипажи обѣихъ кораблей могли молча наблюдать другъ друга. По размѣру между двумя кораблями не было никакого видимаго различія, а въ подробностяхъ было замѣчательное сходство.

— Этотъ корабль, — сказалъ Росвель Гарнеръ, когда онъ былъ на разстояніи мили отъ новопришельца,—не пойдетъ въ Западную Индію; у него на палубѣ находится одинъ ботъ, а назади два. Можетъ быть не назначенъ ли онъ, какъ и нашъ, на охоту за тюленями?

— Я думаю, что вы правы, сударь,—отвѣчалъ Газаръ, первый морской офицеръ, вышедшій въ эту минуту на палубу.—Капитанъ, если я не ошибаюсь, похожъ на охотника за тюленями. Однако, довольно необыкновенно, капитанъ Гарнеръ, что два корабля, идущіе къ другому концу свѣта, встрѣчаются такимъ образомъ на морѣ.

— Напротивъ, не будетъ ничего необыкновеннаго, если вспомнить, что теперь настоящее время для отъѣзда всѣхъ кораблей, имѣющихъ намѣреніе еще нынѣшнимъ лѣтомъ достичь до мыса Горна. Мы будемъ тамъ въ декабрѣ, и я полагаю, что капитанъ той шкуны знаетъ это столько же хорошо, какъ и я.

— Капитанъ, — сказалъ Стимсонъ, старый морякъ, — на носу этого корабля виднѣется голова животнаго, если я могу различить это на такомъ разстояніи.

— Ты правъ, Стефанъ,—вскричалъ Росвель Гардинеръ,—и это животное тюлень, близнецъ «Морского Льва» который у насъ на бугспритѣ. Кстати, что сдѣлалось со шкуною, которую ты видѣлъ?

— Я слышалъ, сударь, что ее купили какіе-то виньярдцы и отвели въ Гольмъ-Голь. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что съ нею будетъ, но я встрѣтился съ господиномъ Гриномъ и нанялся.

— И надѣюсь, что ты ничего не потеряешь, мой другъ,—сказалъ капитанъ.—Такъ ты думаешь, что это судно выстроено въ Нью-Бедфордѣ и снаряжено виньярдцами?

— Точно такъ, сударь, я его теперь совершенно узналъ.

— Дайте мнѣ рупоръ, господинъ Гринъ, мы скоро будемъ близко и можемъ его окликнуть.

Росвель Гардинеръ подождалъ нѣсколько минутъ, пока шкуны не подошли ближе одна къ другой, и хотѣлъ было окликнуть, какъ вновь прибывшій первый привѣтствовалъ «Морского Льва». Во время разговора оба корабля сошлись такъ близко, что съ обѣихъ сторонъ отняли рупоры и стали просто разговаривать.

— Ого, шкуна!—были первыя слова новопришельца.

— Голя!—было отвѣтомъ.

— Что за шкуна?

— «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда, отправляется къ югу и снаряженъ для охоты за тюленями, какъ вы можете судить по нашему экипажу.

— Когда вы оставили Ойстеръ-Пондъ, и здоровъ ли господинъ Праттъ?

— Мы подняли паруса вчера послѣ полудня, съ первымъ отливомъ, и господинъ Праттъ оставилъ насъ въ ту минуту, какъ только мы подняли якорь. Онъ былъ здоровъ и полонъ надежды на успѣхъ экспедиціи. Что это за шкуна?

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY

— «Морской Левъ» изъ Гольмъ-Голя, идетъ на югъ и снаряженъ для охоты за тюленями, какъ вы можете это видѣть по нашему экипажу. Кто начальствуетъ вашею шкупою?

— Капитанъ Росвель Гарнеръ, а вашею?

— Капитанъ Дагге.

Въ эту минуту онъ совсѣмъ показался.

— Я имѣлъ удовольствіе,—прибавилъ онъ,—видѣть васъ въ Ойстеръ-Пондѣ въ то время, какъ пріѣзжалъ туда за наслѣдствомъ послѣ моего дяди; вы вѣрно это помните, капитанъ Гарнеръ; это было такъ недавно, и вы, конечно, не позабыли моего посѣщенія?

— Совсѣмъ нѣтъ, капитанъ Дагге, хотя тогда я и не думалъ, что вы также собираетесь совершить путешествіе на югъ. Когда вы оставили Гольмъ-Голь, сударь?

— Третьяго дня, послѣ полудня. Мы отправились около пяти часовъ.

— Каковъ былъ вѣтеръ, сударь?

— Юго-западный и юго-восточный; вотъ уже три дня какъ не было въ немъ перемѣны.

Росвель Гардинеръ прошепталъ что-то сквозь зубы, но не счелъ за нужное объяснить мысли, родившейся тогда въ его умѣ.

— Да, да,—присовокупилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ,—вѣтеръ цѣлую недѣлю былъ одинъ и тотъ же, но я думаю, что скоро будетъ перемѣна. Въ воздухѣ есть что-то, предвѣщающее восточный вѣтеръ.

— Что же, пусть будетъ и такъ. Шедши такъ, какъ мы теперь идемъ, мы можемъ пройти передъ Гаттерасомъ съ восточнымъ вѣтромъ. А тамъ около береговъ дуютъ южные вѣтры, которые слѣдуютъ за вами въ продолженіе двухъ или трехсотъ миль.

— Юго-восточный вѣтеръ, если онъ очень силенъ, можетъ отбросить насъ къ песчанымъ мелямъ, что мнѣ очень не нравится, сударь. Лишь только я покидаю землю, то я люблю придерживаться восточнаго теченія.

— Это очень справедливо, капитанъ Гардинеръ

— Весьма справедливо, сударь. Было бы лучше держаться внѣ потока, если это можно.

— Что же, сударь, такъ какъ у насъ одинаковая цѣль путешествія, то я считаю себя счастливымъ, что встрѣтился съ

вами, и не вижу причины, почему бы намъ не сдѣлаться добрыми сосѣдями и почему бы намъ не играть, если нечего будетъ дѣлать. Ваша шкуна мнѣ такъ понравилась, что я постарался сколько возможно построить свою по образцу ея, и вы видите, что моя совершенно одинаково раскрашена

— Я это замѣтилъ, капитанъ Дагге, и вы можете сказать, что носы нашихъ кораблей одинаковы.

— Да, да, когда я былъ въ Ойстеръ-Пондѣ, то мнѣ сказали имя рѣзчика, сдѣлавшаго вашего льва, и я приказалъ ему сдѣлать близнеца. Если бы два корабля находились на одномъ рейдѣ, то я не думаю, чтобы ихъ можно было различить.

— Это правда, сударь. Нѣтъ ли у васъ на палубѣ человѣка по имени Уотсона?

— Да, да, сударь, это мой второй морской офицеръ. Я васъ понимаю, капитанъ Гардинеръ, вы правы; это тотъ, который былъ на вашей палубѣ; но мнѣ нуженъ былъ второй морской офицеръ, и онъ согласился перейти съ высшимъ званіемъ на мой корабль.

Это объясненіе удовлетворило тѣхъ, которые его слышали, хотя въ немъ была только половина правды. Надо объяснить все. Уотсонъ былъ напятъ, какъ второй морской офицеръ, на шкуну Дагге, прежде чѣмъ онъ видѣлъ Росвеля Гардинера, и получилъ порученіе наблюдать за снаряженіемъ шкуны въ Ойстеръ-Пондѣ, какъ мы уже сказали. Однако, было такъ естественно, что человѣкъ принялъ предложенное ему повышеніе, что даже самъ Гардинеръ былъ менѣе прежняго расположенъ порицать Уотсона. Но разговоръ продолжался.

— Вы намъ ничего не говорили о снаряженіи этой шкуны,— сказалъ Росвель Гардинеръ,—когда вы были въ Ойстеръ-Пондѣ.

— Я былъ занятъ дѣлами моего бѣднаго дяди, капитанъ Гарнеръ. Смерть—общее наше назначеніе, но она намъ кажется гораздо печальнѣе, если поражаетъ нашихъ друзей.

Несмотря на естественный топъ капитана Дагге, Росвель Гардинеръ былъ не безъ подозрѣній. Это снаряженіе другого корабля заставило его задуматься, и онъ готовъ былъ вѣрить тому, что Дагге кое-что зналъ о цѣли экспедиціи.

Сначала Гардинеръ не слишкомъ вѣрилъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ старымъ морякомъ, приписывая большую часть его разсказовъ матросской тактикѣ и желанію придать себѣ важность. Но теперь, видя, что одинъ изъ членовъ семейства этого

матроса снарядился для подобнаго же предпріятія, онъ измѣнилъ свое мнѣніе о побудительной причинѣ этого предпріятія.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ обѣ шкуны шли вмѣстѣ и съ равною скоростью. Ничего необыкновеннаго не было въ томъ, что два корабля, выстроенные для одного рода предпріятій, имѣли большое сходство; но очень рѣдко можно видѣть два корабля почти что съ одинаковымъ ходомъ. Если и было какое-различіе, то въ пользу «Морского Льва» изъ Виньярда, который послѣ полудня обогналъ своего противника.

Къ вечеру вѣтеръ стихъ, и Росвель Гардинеръ, размѣнявшись обыкновенными между моряками привѣтствіями, велѣлъ спустить въ море шлюпку и отправился посѣтить капитана другой шкуны.

Капитанъ Дагге принялъ своего гостя съ замѣчательною утонченностью. Подали грогъ, и оба выпили по стакану. Оба капитана пили за свой взаимный успѣхъ и размѣнялись замѣчаніями по поводу морскихъ львовъ и слоновъ и о способѣ ловить этихъ животныхъ. Гардинеръ даже дружески пожалъ руку Уостона, хотя этотъ послѣдній и былъ почти бѣглецомъ.

Океанъ имѣетъ много сходства съ вѣчностью и часто располагаетъ моряковъ смотрѣть на товарищей съ братскими чувствами, соотвѣтствующими ихъ обоюдному положенію.

Росвель Гардинеръ имѣлъ сердце по существу доброе и былъ расположенъ думать о другихъ благосклонно. Поэтому его прощеніе съ Уотсономъ было столь же дружественно и столь же искренно, какъ и съ самимъ капитаномъ Дагге.

ГЛАВА IX.

Теки, океанъ, къ лазури темной и глубокой, теки! Десятки тысячъ кораблей безслѣдно бороздятъ твои волны; человѣкъ отмѣчаетъ землю слѣдами развалинъ; его могущество останавливается на твоемъ берегу.

Байронъ.

Въ этотъ вечеръ солнце зашло за облака, хотя на востокѣ горизонтъ былъ относительно ясный.

Росвель, вышедши на другой день утромъ на палубу, нашелъ погоду совершенно измѣнившеюся. Буря, такъ долго приготовлявшаяся, наконецъ, наступала, и вѣтеръ былъ теперь юго-восточный.

Газаръ маневрировалъ согласно этому. «Морской Левъ» изъ Виньярда подражалъ каждому движенію своего противника и плылъ подъ тѣми же парусами. Въ это время разстояніе между кораблями было еще меньше, и только ойстеръ-пондскій находился немного подъ вѣтромъ. Однако, шкуна имѣла нѣкоторый перевѣсъ въ ходу, когда вѣтеръ былъ свѣжъ, а море зыбко.

Вѣтеръ постепенно увеличивался и заставилъ уменьшить паруса шкунъ. Хотя ходъ кораблей сдѣлался менѣе быстръ, но думали, что будетъ гораздо лучше уменьшить нѣсколько узловъ, нежели остановиться, а въ результатѣ шли, скорѣе придерживаясь вѣтра, нежели при другомъ маневрѣ.

Разъ или два корабли были готовы разлучиться; разстояніе между ними дѣлалось такимъ значительнымъ, что для нихъ казалось невозможнымъ итти вмѣстѣ; потомъ вслѣдствіе искуснаго маневра обѣ шкуны перемѣняли мѣсто и ближе подходили одна къ другой. Въ это время никто не могъ опредѣленно сказать, какъ происходили эти перемѣны, хотя большая часть находившихся на палубѣ понимали ихъ причины. Но Росвель Гардинеръ скоро убѣдился въ томъ, что капитанъ Дагге соединился съ нимъ по разсчету, потому что всякій разъ, какъ этотъ послѣдній находился довольно далеко отъ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда, то всегда старался подойти къ нему тотчасъ же, какъ только это было возможно.

Росвель Гардинеръ вечеромъ третьяго дня, съ котораго начался вѣтеръ, полагалъ, что онъ находится въ тридцати двухъ-трехъ морскихъ миляхъ отъ берега.

— Я хотѣлъ бы знать мнѣніе самого Дагге,—сказалъ молодой капитанъ тогда, какъ день кончался, и начиналъ бурный вечеръ.—Мнѣ не нравится погода, а потому я не хотѣлъ бы оставаться въ открытомъ морѣ, но я не подойду къ берегу и не укроюсь отъ опасности, если другая шкуна не сдѣластъ того же.

Здѣсь Росвель Гардинеръ выказалъ слабость, основаніе нашихъ ошибокъ. Онъ не хотѣлъ быть побѣжденнымъ своимъ противникомъ даже въ безразсудности. А погода была столь бурная, что вѣтеръ рвалъ паруса и надо было по возможности убавить ихъ. Когда наступилъ день, и туманъ исчезъ, показалась земля. Посовѣтовавшись съ своими морскими картами и взглянувши на берегъ, Росвель Гардинеръ увѣрился, что онъ былъ подъ вѣтромъ острова Курритука, и такимъ образомъ находился

около шести градусовъ на юго-востокѣ отъ порта, изъ котораго онъ вышелъ, и почти около четырехъ къ западу.

Тогда нашъ молодой человѣкъ понялъ, какую сдѣлалъ ошибку, позволяя овладѣть собою глупой страсти соперничества, и жалѣлъ, что прошедшимъ вечеромъ не пошелъ по другой дорогѣ. Теперь онъ не зналъ, на что ему рѣшиться.

Около десяти часовъ вѣтеръ, постоянно дуя съ востока немного къ сѣверу, еще усилился. Утромъ офицеры, находившіеся на палубѣ обоихъ кораблей, воспользовались нѣсколькими минутами тишины, довольно хорошо видѣли землю и могли дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ взаимномъ положеніи. Всякая мысль о соперничествѣ исчезла. Каждый корабль маневрировалъ съ единственнымъ желаніемъ своего спасенія. Большіе паруса были ослаблены, и экипажи обоихъ кораблей, напрягая всѣ силы, боролись съ вѣтромъ и приливомъ.

— Большая мачта гнется, какъ китовый усъ,—сказалъ Газаръ, когда испытали этотъ новый маневръ въ теченіе десяти минутъ.—Она прыгаетъ какъ лягушка, которая спѣшитъ броситься въ лужу.

— Надо, чтобы шкуна выдержала эту борьбу или стала на мель,—хладнокровно отвѣчалъ Гардинеръ, хотя самъ очень безпокоился.—Даже если бы Праттъ простилъ мнѣ погибель своей шкуны, то я никогда не прощу этого самому себѣ.

— Если шкуна погибнетъ, капитанъ Гардинеръ, то останется очень мало людей изъ экипажа, чтобы чувствовать угрызенія совѣсти или радость. Посмотрите на этотъ берегъ, сударь, теперь, когда онъ представляется нашимъ взглядамъ и можно различить его наибольшее протяженіе. Я никогда не видалъ земли, на которой было бы легче погибнуть.

Весь берегъ былъ низокъ и виднѣлась непрерывная линія подводныхъ камней, высовывавшихся свѣтлыми остріями, что не оставляло никакого сомнѣнія въ опасности, которой они угрожали. Были минуты, когда цѣлые столбы воды поднимались въ воздухъ, а пѣна съ нихъ падала на землю. Въ это время лица моряковъ стали угрюмыми, потому что они хорошо поняли степень угрожавшей имъ опасности.

Тайная надежда Гардинера была найти проходъ, ведущій въ Курритукъ, проходъ, который былъ тогда открытъ и который послѣ былъ занесенъ пескомъ.

Гардинеръ зналъ, что плылъ по опаснѣйшей части береговъ Америки. Большіе проливы, распространяющіеся между берегами, образованными пескомъ, дѣлали плаваніе столь же труднымъ, какъ отмели, находящіяся на сѣверѣ. Однако, онъ счелъ за лучшее плыть по одному изъ этихъ проливовъ, чѣмъ попасть на подводные камни, которые выдавались наружу. Виньярдскій экипажъ оказывался въ лучшемъ положеніи, потому что шелъ по вѣтру и отстоялъ на длину кабельтова отъ камней, а потому и дальше отъ опасности. Это преимущество не было слишкомъ важно, въ томъ случаѣ, если бы вѣтеръ продолжалъ дуть съ одинаковой силою, потому что спасеніе для обоихъ кораблей было бы невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ было такъ опасно, что имъ невозможно было уступить и одной сажени пространства, ими занимаемаго. Скоро глаза всѣхъ устремились на проходъ; но рѣшились держаться вдалекѣ отъ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда, если этотъ проходъ былъ подъ вѣтромъ.

Теперь очень хорошо была видна линія подводныхъ камней, и съ каждою минутою она приближалась все болѣе и болѣе. Старались найти мѣсто для якоря, къ помощи котораго всегда прибѣгаютъ моряки, прежде чѣмъ сядутъ на мель, хотя на это и не очень надѣялись.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда шкуна глубоко нырнула въ волны и встрѣтила снизу какое-то сопротивленіе, которое ее оттолкнуло, какъ будто она ударилась объ утесъ.

Большая мачта была крѣпка, но не могла быть довольно толстой; одинъ или два дюйма въ діаметрѣ болѣе могли бы спасти ее, но Праттъ купилъ такую изъ экономіи, несмотря на всѣ сдѣланныя ему представленія. Дерево переломилось на два куска и упало въ нѣсколькихъ футахъ отъ палубы, подъ вѣтромъ, увлекши верхнюю часть передней мачты и оставляя такимъ образомъ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда въ положеніи гораздо худшемъ, нежели бы онъ былъ совершенно безъ мачтъ.

Дѣло заключалось въ томъ, что надо было бросить якорь. Къ счастью, Гардинеръ въ этомъ отношеніи все предвидѣлъ. Если бы не взяли этой предосторожности, то навѣрное черезъ десять минутъ шкуна была бы брошена на подводные камни, и для экипажа не было бы никакого спасенія. Разомъ бросили

два небольшихъ якоря и вытравили канаты во всю ихъ длину; корабль поднялся и тотчасъ же обратился къ морю.

Росвель смотрѣлъ, какъ плавала на волнахъ вся масса дерева и снастей, съ удовольствіемъ, котораго не старался скрывать. Онъ ощутилъ истинную радость, когда увидалъ, что шкуна плыветъ подъ вѣтромъ. Также бросили лотъ, чтобы узнать, держали ли якоря. Этотъ несомнѣнный опытъ показалъ, что шкуна каждыя двѣ минуты подавалась впередъ на длину своего корпуса. Единственная оставшаяся надежда была та, что лапы якоря вонзятся въ лучшую почву, нежели какую до того встрѣчали. По вычисленіямъ Росвеля Гардинера, шкуна самое большее черезъ часъ должна быть брошена на подводные камни. «Морской Левъ» изъ Гольмъ-Голя, когда это случилось съ его товарищемъ, былъ подъ вѣтромъ и около полумили на югъ. Даже въ эту самую минуту подводные камни, такъ сказать, шли навстрѣчу шкуны и понуждали ее поворотить. Этотъ маневръ былъ возможенъ при поворачиваніи корабля на югъ, и онъ направился не безъ большихъ усилій къ своему товарищу.

Росвель Гардинеръ стоялъ на кормѣ своего корабля, слѣдя съ безпокойствомъ за дрейфомъ другой шкуны, по мѣрѣ того какъ она приближалась, борясь съ волнами почти столь же бѣлыми, какъ подводные камни, неизбѣжно угрожавшіе кораблямъ. Корабль, стоявшій на якорѣ, хотя и подвигался, но такъ медленно, что его собственный ходъ еще яснѣе обнаруживалъ скорое и постоянное приближеніе «Морского Льва» изъ Виньярда къ опасности, въ которой не было ничего сомнительнаго. Сначала Гардинеръ думалъ, что Дагге столкнется съ носомъ его корабля, и трепеталъ за свои канаты, которые по временамъ показывались поверхъ воды, какъ желѣзные прутья, на протяженіи тридцати или сорока саженъ, но шкуна виньярдцевъ бѣжала съ такою скоростью подъ вѣтромъ, что не могла принести этой новой опасности своему товарищу.

Когда менѣе кабельтова разстоянія оставалось между двумя кораблями, оба капитана, опираясь одной рукой за что попало, а другой придерживая свои шляпы на головѣ, съ минуту потоворили, въ то время какъ шкуны были въ ближайшемъ разстояніи.

— Ваши якоря держатъ?—сказалъ Дагге, начавшій первый говорить, какъ будто онъ думалъ, что его судьба зависѣла отъ отвѣта на его вопросъ.

— Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что нѣтъ. Каждыя двѣ минуты мы подвигаемся на всю длину корабля. Это отдалитъ критическую минуту на часъ или на два. Взгляните, какая за нами борозда.

Въ самомъ дѣлѣ берегъ имѣлъ что-то ужасающее. Лишь только носъ «Морского Льва» изъ Виньярда очутился подлѣ кормы «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда, Гардинеръ примѣтилъ, что виньярдская шкуна, идя подъ вѣтромъ со скоростью всегда ровною, описывала косвенную линію.

— Богъ да благословитъ васъ... Богъ да благословитъ васъ! — вскричалъ Росвель Гардинеръ, дѣлая ему рукою знакъ прощанія въ полной увѣренности, что капитанъ виньярдцевъ и онъ болѣе не встрѣтятся на этомъ свѣтѣ.—Пережившіе увѣдомятъ объ участи жертвъ. Когда наступитъ кризисъ, я прикажу, если будетъ можно, спустить шлюпки.

Дагге не отвѣчалъ. Всякій отвѣтъ былъ безполезенъ, потому что никакой человѣческій голосъ не могъ господствовать надъ столь сильнымъ вѣтромъ и быть услышаннымъ на разстояніи, сдѣлавшемся довольно значительнымъ.

— Эта шкуна разобьется о камни черезъ полчаса,—сказалъ Газаръ, находившійся подлѣ молодого Гардинера.—Отчего онъ не бросаетъ якоря? Только одно Божественное Провидѣніе можетъ спасти его.

— И Божественное Провидѣніе его спасетъ!—вскричалъ Росвель Гардинеръ.—Видѣли ли вы это, господинъ Газаръ?

Это замѣчаніе нашего молодого капитана въ самомъ дѣлѣ было очень важно. Вѣтеръ уменьшился такъ внезапно, что лоскуты парусовъ, бывшіе на другой шкунѣ, повисли во всю длину мачтъ. Сначала наши моряки думали, что морскія волны, все время подымавшія корабль, теперь нѣсколько стихли, но происшедшая перемѣна была для нихъ слишкомъ очевидна и не оставляла никакого сомнѣнія. Вѣтеръ съ минуту опять дулъ еще съ прежнею яростью, но потомъ снова стихъ. Гардинеръ бросился къ лоту, чтобы получить понятіе объ этомъ дѣйствіи относительно собственнаго корабля. Шкуна болѣе не тащила своего якоря.

— Богъ помогаетъ намъ,—вскричалъ молодой капитанъ,—да будетъ всегда благословенно Его святое имя!

— И имя Его Сына!—отвѣчалъ чей-то голосъ.

Не загибайте книг при чтеніи.

Несмотря на сильное душевное волненіе, Росвель Гардинеръ обернулся, чтобы видѣть, откуда были эти слова. Самый старый изъ матросовъ, находившихся на палубѣ, Стимсонъ, произнесъ эти слова. Благоговѣніе, съ которымъ они были произнесены, произвело на молодого человѣка болѣе дѣйствія, нежели самыя слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ благоговѣніи было что-то болѣе необыкновенное для матроса, нежели слова, имъ произнесенныя. Гораздо позже Гардинеръ не забылъ этого случая, который не остался безъ послѣдствій.

— Я думаю, сударь,—вскричалъ Газаръ,—что вѣтеръ перемѣнился! Часто случается даже подлѣ нашихъ береговъ, что юго-восточный вѣтеръ вдругъ перемѣняется на сѣверо-восточный. Я надѣюсь, что это не будетъ слишкомъ поздно для спасенія виньярдской шкуны, хотя она бѣжитъ къ подводнымъ камнямъ съ ужасной скоростью.

— Посмотрите на ея фоковой парусъ... Опять тишина,— сказалъ Гардинеръ.—Говорю вамъ, Газаръ, что вѣтеръ перемѣнится, а это только и можетъ спасти насъ отъ этихъ подводныхъ камней.

— Эта перемѣна случится только по милосердію Всемогущаго Бога и Его Сына, — прибавилъ Стимсонъ съ жаромъ, хотя говорилъ очень тихо.

Росвель ощутилъ то же удивленіе, которое уже почувствовалъ, и на нѣсколько минутъ забылъ бурю. Вѣтеръ стихъ, хотя колебаніе волнъ еще угрожало другой шкунѣ, увлекая ее къ подводнымъ камнямъ, хотя и съ меньшей скоростью.

— Почему она не бросаетъ якорь?—вскричалъ Гарнеръ, безпокоясь за другой корабль, потому что онъ не боялся за свой. — Если онъ не броситъ якорь, то сядетъ на мель или разобьется о подводные камни.

— Онъ, кажется, объ этомъ не думаетъ,—отвѣчалъ засмѣявшійся Газаръ. — Посмотрите, у него спимаютъ марсель, и вы можете замѣтить, что подымаютъ большой парусъ.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что Дагге былъ не болѣе расположенъ воспользоваться своими парусами, нежели канатами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ всѣ паруса и старался отплыть отъ земли. Потомъ вѣтеръ совершенно пересталъ, и на пространствѣ полумили Гардинеръ и его товарищи услышали шумъ бившихся о мачты парусовъ. Потомъ паруса надулись съ другой стороны, и вѣтеръ подулъ съ земли. Носъ шкуны тотчасъ

же оборотился къ морю, и лотъ, висѣвшій на его сторонѣ, показалъ, что онъ слѣдовалъ по настоящему направленію. Эта внезапная перемѣна погоды, иногда пагубная, иногда спасительная, всегда ведетъ за собою столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій воздуха.

— Теперь,—сказалъ Газаръ,—будетъ навѣрное сѣверо-западный вѣтеръ.

Черезъ десять минутъ подулъ довольно сильный вѣтеръ по направленію, почти совершенно противоположному тому, по которому онъ дулъ до сихъ поръ. «Морской Левъ» изъ Виньярда удалился отъ земли, разсѣкая волны, текшія изъ океана, тогда какъ «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда старался попасть подъ вѣтеръ и, казалось, находился между двумя противоположными силами.

Гардинеръ думалъ, что другая шкуна уйдетъ, но вмѣсто того капитанъ Дагге подошелъ къ обезмачтованному кораблю и бросилъ якорь. Этотъ знакъ истиннаго братства былъ слишкомъ ясенъ и не нуждался въ объясненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, виньярдцы имѣли намѣреніе остаться подлѣ своего товарища до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ опасности. Сѣверо-западный вѣтеръ не позволилъ никакого сношенія между экипажами до слѣдующаго утра. Сила вѣтра была не велика, и волны, почти что сгладившіяся, едва виднѣлись у береговъ.

На подводныхъ камняхъ замѣтна была только бѣлая пѣна, но она уже болѣе не пугала. Поправили мачты обезмачтованнаго корабля и съ помощью шлюпокъ отыскали всѣ паруса и большое число снастей.

ГЛАВА X.

Облако исчезнетъ съ твоего чела, грусти не будетъ въ твоемъ голосѣ; но тамъ, гдѣ твоя улыбка для него, наши сердца напрасно будутъ ее искать.

Мистриссъ Гименсъ.

На другой день утромъ, лишь только можно было спустить шлюпки въ море, капитанъ Дагге подошелъ къ «Морскому Льву» изъ Ойстеръ-Понда. Его приняли самымъ дружескимъ образомъ, а его услуги столь же свободно, какъ въ другихъ обстоятельствахъ, могли быть ему самому предложены.

Въ этомъ была характерная смѣсь христіанскаго чувства и человѣческаго расчета. Если христіанскія обязанности, требуемыя религіею, нерѣдко пренебрегаются пуританскими выходцами, то можно сказать съ такою же справедливостью, что они никогда не теряютъ изъ вида своей частной выгоды. Дагге имѣлъ двѣ побудительныя причины предложить свои услуги Гардинеру: онъ хотѣлъ въ одно время исполнить нравственныя обязанности и остаться подлѣ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда. Онъ опасался того, что этотъ корабль одинъ найдетъ тотъ островъ, о которомъ и самъ Дагге имѣлъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, недостаточныхъ, однако, для полной увѣренности въ томъ, что онъ его отыщетъ.

Шлюпки Дагге помогли спасти паруса и спасти. Потомъ его люди работали, чтобы привести въ надлежащее состояніе часть мачтъ, и въ полдень оба корабля находились далеко отъ берега на юго-востокъ.

Въ эту ночь они прошли мысъ Гаттерасъ. Въ слѣдующую ночь они обогнули мысъ Лукъ-Оутъ, прекрасную точку поворота для кораблей, идущихъ на сѣверъ, и пришли въ Портъ-Бофоръ на другой день утромъ при восходѣ солнца. Въ это время стихъ сѣверо-западный вѣтеръ, и обѣ шкуны, при небольшомъ южномъ вѣтрѣ, вошли въ этотъ портъ, въ которомъ было именно столько воды, чтобъ имъ обоимъ помѣститься.

Это было единственное мѣсто по всему берегу, гдѣ они могли остановиться, и, можетъ быть, также единственный портъ, гдѣ Росвель Гардинеръ могъ получить матеріалы, въ которыхъ нуждалась его шкуна.

Бофоръ довольно замѣчательный портъ, которому не достаетъ немного болѣе глубины, что заставило шкуны подождать до начала прилива. Это обстоятельство и дало Росвелю время отправиться на бортъ другого корабля и отблагодарить Дагге и его добрыхъ офицеровъ.

— Навѣрное, капитанъ Дагге, вы не думаете войти въ этотъ портъ,—сказалъ нашъ герой.—По моей милости вы и такъ долго простояли. Если я найду мачты, о которыхъ мнѣ говорилъ лоцманъ, то черезъ двое сутокъ буду въ морѣ, и мы встрѣтимся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подлѣ мыса Горна.

— Гардинеръ, я вамъ вотъ что скажу,—отвѣчалъ виньярдецъ, предлагая ромъ своему сотоварищу;—я человѣкъ простой

и никогда не стараюсь дѣлать шума, но люблю собратство. Мы оба избѣжали большую опасность и спаслись отъ кораблекрушенія. Если вмѣстѣ проходишь подобныя испытанія, то не знаю, но мнѣ кажется ужаснымъ оставить васъ здѣсь до случая увидѣть васъ съ столькими же руками и ногами, какъ и я самъ. Вотъ мое мнѣніе, Гарнеръ, и я не берусь сказать утвердительно, что оно лучшее. Выбирайте.

— Это доброе мнѣніе, капитанъ Дагге, сердце мое говоритъ мнѣ, что вы правы, и благодарю васъ за этотъ знакъ дружбы. Но вы не должны забывать, что въ этомъ мірѣ есть арматоры. Я долженъ буду отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ моему, конечно, и вамъ тоже необходимо отдать отчетъ вашимъ. Теперь прекрасный попутный вѣтеръ, который гонитъ васъ въ открытое море, и, пройдя къ югу отъ Бермудскихъ острововъ, вы можете сократить вашу дорогу.

— Я пришелъ сюда, Гарнеръ, чтобы быть въ обществѣ, и мы были не совсѣмъ свободны въ выборѣ, въ чемъ вы признаетесь, потому что мы не могли миновать отмели того берега. Я не считалъ бы нашего положенія очень дурнымъ, если бы вы не были обезмачтованы. Это будетъ стоить двѣсти или триста долларовъ и заставитъ вашего арматора поворчать, но отъ этого человѣкъ не умираетъ. Я остаюсь съ вами, и вы можете объяснить это Пратту въ письмѣ, которое вы напишете ему, когда мы выйдемъ.

— Ну, я очень благодаренъ вамъ за вашу доброту и постараюсь припомнить ее, когда представится случай за нее отблагодарить.

Росвель Гардиперъ думалъ, что никогда еще не встрѣчалъ столь великодушнаго экипажа, какъ экипажъ «Морского Льва» изъ Гольмъ-Голя.

Китоловныя суда и охотники за тюленями ничего не платятъ своимъ экипажамъ деньгами, какъ другіе корабли. Успѣхъ экспедиціи столь зависитъ отъ этихъ экипажей, что обыкновенно стараются непосредственно заинтересовать ихъ. Вслѣдствіе этого всѣ люди, находящіеся на палубѣ, нанимаются за извѣстную часть, которую они получаютъ въ будущемъ грузѣ. Арматоръ оплачивается такимъ же образомъ, т. е. за корабль и оснащеніе обыкновенно полагается двѣ трети прибыли, а офицеры и экипажъ получаютъ остальное. Эти условія измѣняются, смотря по

увеличенію цѣны на продукты отъ китовой ловли или охоты за тюленями, а также отъ увеличенія издержекъ на вооруженіе судна. Изъ этого слѣдуетъ то, что капитанъ Дагге и его экипажъ, теряя время подлѣ обезмачтованнаго корабля, теряли свою собственную прибыль.

Какъ бы то ни было, Гардинеръ съ помощью виньярдскаго экипажа немедленно сдѣлалъ необходимыя для его судна поправки, и послѣ полудня второго дня по входѣ онъ уже могъ поднять паруса, и шкуна его находилась въ лучшемъ состояніи, нежели когда онъ оставилъ Ойстеръ-Пондъ.

Электрическихъ телеграфовъ въ это время не существовало. Если бы Морсъ сдѣлалъ это великое открытіе ранѣе тридцатью годами, то Росвель Гардинеръ могъ бы снестись съ своимъ арматоромъ и получить отъ него отвѣтъ прежде, нежели бы поднялъ паруса, несмотря ни на какое разстояніе, ихъ раздѣлявшее. Теперь же онъ принужденъ былъ ограничиться только написаніемъ письма, которое черезъ недѣлю Марія отдала своему дядѣ по возвращеніи его изъ небольшого путешествія.

— Вотъ къ вамъ письмо, дядюшка,—сказала Марія, стараясь преодолѣть свое смущеніе, хотя краснѣла отъ мысли при интересѣ, который это письмо могло имѣть для нея,—оно пришло изъ порта; Бетингъ-Джой принесъ его передъ вашимъ пріѣздомъ.

— Письмо съ почтовымъ клеймомъ: Бофоръ. Отъ кого можетъ быть это письмо? Пятьдесятъ центовъ за провозъ!

— Это служитъ доказательствомъ, сударь, что Бофоръ очень далеко, а письмо страховое. Я думаю, что оно отъ Росвеля.

Если бы племянница выстрѣлила изъ пушки надъ ухомъ своего дяди, то онъ не смутился бы болѣе. Онъ поблѣднѣлъ и вмѣсто того, чтобы сорвать печать, къ чему уже былъ готовъ, колебался, боясь развернуть письмо.

— Что это значитъ?—закричалъ Праттъ, останавливаясь, чтобы вздохнуть.—Почеркъ Гардинера. Да это правда. Если этотъ неблагоразумный молодой человѣкъ разбилъ мою шкуну, то я никогда не прощу ему въ этомъ свѣтѣ, хотя и буду принужденъ это сдѣлать на томъ.

— Дядюшка, нѣтъ надобности понимать все съ дурной стороны. На морѣ часто посылаютъ письма со встрѣчными кораблями, и я увѣрена, что Росвель такъ и сдѣлалъ.

— Только не онъ, не онъ, безпечный молодой человѣкъ! Онъ

разбилъ мою шкуну, и все мое богатство въ рукахъ грабителей, живущихъ кораблекрушеніями, и которые вреднѣе крысъ, живущихъ въ лабазахъ. Бофоръ. Н. С. Да, тамъ находится одинъ изъ Багамскихъ острововъ; а Н. С. значитъ, островъ Новаго Провидѣнія. Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Но Н. С. не можетъ означать островъ Новаго Провидѣнія, въ такомъ случаѣ было бы Н. П., дядюшка.

— Н. С. или Н. П. такъ похожи по звуку, что я и не знаю, что и подумать объ этомъ. Возьми письмо и читай. Какъ оно велико. Въ немъ долженъ быть какой-нибудь протестъ или какая-нибудь записка.

Марія взяла письмо и дрожащими руками развернула его. Она скоро увидала, что письмо написано къ ней.

— Что въ немъ, Марія? Что въ немъ, дитя мое? Не опасайся сказать мнѣ,—прибавилъ Праттъ тихимъ и ослабѣвшимъ голосомъ.—Я надѣюсь, что сумѣю снести несчастіе съ мужествомъ христіанина. Нѣтъ ли въ письмѣ одной изъ тѣхъ штемпелеванныхъ бумагъ пагубнаго предзнаменованія, которыя употребляютъ нотаріусы, если требуютъ деньги?

Марія покраснѣла и въ это время казалась прекрасною.

— Это письмо ко мнѣ, я увѣряю васъ, дядюшка, и ничего болѣе; также есть и къ вамъ, и оно въ моемъ.

— Ну, ну, къ счастью, что тутъ нѣтъ ничего худшаго. Что же, откуда было писано это письмо? Обозначены ли широта и долгота?

Краска Маріи исчезла, и она вся поблѣднѣла, когда пробѣжала первыя строки письма; потомъ она вооружилась всею своею рѣшительностью и начала разсказывать своему дядѣ содержаніе письма.

— Несчастіе случилось съ бѣднымъ Росвелемъ,—сказала она дрожащимъ голосомъ въ сильномъ смущеніи,—хотя это несчастіе и не было въ половину столько великимъ, какимъ могло быть. Письмо писано въ Бофорѣ, въ Сѣверной Каролинѣ, гдѣ остановилась шкуна, чтобы запастись новыми мачтами, утраченными при мысѣ Гаттерасъ.

— Гаттерасъ!—со стономъ прервалъ Праттъ.—Что тамъ дѣлаетъ мой корабль?

— По правдѣ, я этого не знаю, но я лучше прочту вамъ содержаніе письма Росвеля, и вы узнаете подробности.

Въ самомъ дѣлѣ, Марія прочла письмо своему дядѣ. Гарди-

перъ ничего не скрылъ и откровенно признался въ ошибкѣ, имъ сдѣланной. Онъ подробно говорилъ о «Морскомъ Львѣ» изъ Гольмъ-Голя и выражалъ свое мнѣніе, что капитанъ Датге зналъ о существованіи острововъ морскихъ тюленей, не зная, впрочемъ, ихъ широты и долготы. Что же касается до берега, гдѣ было скрыто сокровище, то Росвель умалчивалъ, потому что ему казалось, что Датге ничего не зналъ объ этой части экспедиціи. Наконецъ, Гардинеръ выражалъ глубокую благодарность за добровольную услугу, которую оказали ему Датге и его экипажъ.

— Добровольная услуга! — вскричалъ Праттъ съ глухимъ ворчаніемъ.—Какъ будто подобный человѣкъ можетъ работать даромъ!

— Росвель, дядюшка, пишетъ намъ, что капитанъ Датге велъ себя такимъ образомъ, и что онъ согласился ничего не требовать за то, что онъ пришелъ съ нимъ въ Бофоръ, и за то, что сдѣлалъ въ бытность свою тамъ. Я, во имя христіанской любви къ ближнему, хочу надѣяться, что корабли подобнымъ образомъ оказываютъ другъ другу взаимную помощь.

— Но не безъ платы за спасеніе груза—при кораблекрушеніи, не безъ платы за спасеніе груза! Любовь къ ближнему дѣло прекрасное, и наша обязанность—оказывать ее во всѣхъ случаяхъ, но плата за спасеніе груза при кораблекрушеніи имѣетъ свою часть въ любви къ ближнему. Я боюсь, что эта шкуна разоритъ меня, и въ моей старости я буду принужденъ питаться городской милостынею.

— Этого не можетъ быть, дядюшка, потому что вы ничего не должны за вашъ корабль, и всѣ ваши фермы, всѣ ваши другія собственности никому не должны, и я не понимаю, какимъ образомъ шкуна можетъ разорить васъ.

— Да, я погибъ,—сказалъ Праттъ, ударяя ногой по полу въ состояніи нервнаго раздраженія,—погибъ столько же, сколько покойный отецъ Росвеля Гардинера, который могъ быть самымъ богатымъ человѣкомъ между Ойстеръ-Пондомъ и Райверъ-Хедомъ, если бы онъ не былъ одержимъ духомъ спекуляціи! Мнѣ помнится, что я видѣлъ его болѣе богатымъ, нежели я, а онъ умеръ почти въ нищетѣ. Да, да, я это вижу, эта шкуна разоритъ меня!

— Но Росвель прислалъ счетъ всему имъ издержанному и сдѣлалъ на васъ переводъ уплаты. Весь итогъ равняется ста шестидесяти шести долларамъ и десяти центамъ.

— Но это не плата за спасеніе груза при кораблекрушеніи. Дальше будетъ требованіе платы за спасеніе груза арматорамъ и экипажу «Морского Льва» изъ Гольмъ-Голя. Я это знаю, дитя мое, знаю, что это будетъ. Гардинеръ разорилъ меня, и я сойду въ могилу нищимъ, какъ умеръ его отецъ!

— Если бы это и было такъ, дядюшка, такъ я одна страдала бы вмѣстѣ съ вами и употребила бы всѣ мои усилія, чтобы не предаться горести. Но вотъ еще бумага, которую Росвель, безъ сомнѣнія, по ошибкѣ вложилъ въ мое письмо. Посмотрите, дядюшка: это свидѣтельство, подписанное капитаномъ Датге и его экипажемъ и удостовѣряющее, что они, по чувству добраго расположенія, пришли въ Бофоръ и не требуютъ никакой платы за спасеніе груза при кораблекрушеніи. Вотъ бумага, дядюшка, вы можете прочесть ее сами.

Праттъ не читалъ бумагу, а пожиралъ ее. Это свидѣтельство такъ его успокоило, что онъ не только самъ съ большимъ вниманіемъ прочелъ письмо Гардинера, но даже простилъ ему издержки, которыя причинили ему поправки, требуемыя аваріею корабля.

Слезы, пролитыя Маріею надъ письмомъ Росвеля, были въ одно и то же время и горьки, и сладки, потому что рѣшеніе ея нисколько не перемѣнилось, и хотя она любила Росвеля, но положила никогда не быть женою того, чей Богъ не будетъ ея Богомъ.

Однако, это письмо, котораго она вовсе не ожидала, доставило ей очень пріятное утѣшеніе. Росвель писалъ, какъ и всегда, просто, естественно, онъ ничего не скрывалъ и выказывался такимъ, каковъ былъ.

Газеты увѣдомили о прибытіи въ Бофоръ двухъ «Морскихъ Львовъ»—близнецовъ, для исправленія тамъ своихъ поврежденій. Марія вырѣзала эту статью изъ газеты и вложила въ письмо, которое она получила отъ Росвеля. Въ слѣдующему году не было ни одного дня, въ который бы она не читала и не перечитывала письма и статьи...

Между тѣмъ оба «Морскіе Льва» подняли паруса. Гардинеръ и Датге не совсѣмъ соглашались въ направленіи, которое должно было принять.

Гардинеръ совѣтовалъ итти на югъ къ Бермудскимъ остро-

вамъ, а Дагге думалъ, что должно отправиться къ востоку и сѣверу отъ этихъ острововъ. Гардинеръ нетерпѣливо желалъ загладить свою ошибку и сократить дорогу; Дагге разсуждалъ гораздо хладнокровнѣе и принималъ въ разсчетъ вѣтеръ и главную цѣль путешествія.

ГЛАВА XI.

Лоснящаяся кожа, развѣвающаяся грива, дрожащіе члены и пышущія ноздри и крѣпкія жилы рысака, старались преодолѣть подъемъ на противоположный берегъ.

Байронъ. «Мазепа».

Росвель Гардинеръ почувствовалъ, что онъ дышалъ гораздо свободнѣе, когда потерялъ изъ виду Сюммерскую группу. Теперь онъ совершенно оставлялъ Америку и надѣялся не видать ее, пока не встрѣтитъ хорошо извѣстнаго утеса, показывающаго дорогу къ самому лучшему порту въ свѣтѣ, порту Ріо-Жанейро.

Съ нашими обоими «Морскими Львами» не случилось никакого событія до пересѣченія ими экватора, которое бы заслуживало быть разсказаннымъ. На шестнадцатый день послѣ отплытія изъ Монтаука они встрѣтили китолова, оставившаго Ріо на прошедшей недѣлѣ; онъ тамъ былъ для продажи сала. Гардинеръ послалъ съ этимъ кораблемъ письма, а такъ какъ онъ теперь уже могъ сказать Пратту, что будетъ въ Ріо даже прежде назначеннаго срока, то надѣялся этимъ успокоить старика.

Въ то время, какъ обѣ шкуны шли на разстояніи кабельтова, Газаръ примѣтилъ внезапное и необыкновенное волненіе на палубѣ «Морского Льва» изъ Виньярда.

— Смерчъ!—закричалъ Газаръ Стимсону, когда этотъ неожиданный случай нарушилъ спокойствіе переѣзда.—Кто-нибудь упалъ съ другой шкуны, или экипажъ замѣтилъ смерчъ.

— Смерчъ! Смерчъ!—вскричалъ въ отвѣтъ Стимсонъ.—А сверхъ того и китъ.

Это было такъ. Находившіеся въ каютахъ выбѣжали на палубу, а бывшіе на мачтахъ спустились съ нихъ съ быстротою молніи. Капитанъ Гардинеръ выскочилъ изъ своей каюты однимъ прыжкомъ и въ одну минуту былъ въ китоловной шлюпкѣ.

Хотя ни одна изъ шкунъ не была совершенно оснащена, какъ китоловное судно, однако, обѣ были снабжены пиками и гарпунами.

Четыре шлюпки, по двѣ съ каждой шкуны, находились въ одно время въ водѣ. Дагге стоялъ на рулѣ одной, а Росвель на рулѣ другой.

Скоро шлюпки обоихъ капитановъ находились рядомъ и такъ близко, что можно было говорить. На всѣхъ лицахъ можно было замѣтить выраженіе страшнаго соперничества. Это была борьба на смерть: и ни на одномъ лицѣ не было видно ни малѣйшей улыбки. Лица всѣхъ были важны, рѣшительны; каждая рука дѣлала все усиліе, на которое только была способна. Матросы гребли превосходно, привыкши къ употребленію въ морѣ своихъ длинныхъ веселъ, и черезъ десять минутъ уже находились въ милѣ отъ обѣихъ шкунъ.

— Какъ это устроить, Гарнеръ?—кричалъ капитанъ виньярдцевъ.—Будемъ ли работать сообща, или каждая шкуна займется для себя?

Это было сказано дружескимъ тономъ, но съ большою хитростью.

Къ счастью для Гардинера, благоразумная мысль явилась въ его умѣ въ то время, какъ онъ хотѣлъ говорить, и заставила его обдумать свой отвѣтъ.

— Я думаю,—отвѣчалъ Росвель Гардинеръ,—что будетъ лучше, если каждый корабль станетъ работать для своихъ арматоровъ.

Вода вздымалась вокругъ нихъ, и только однѣ шкуны, шедшія противъ пассатнаго вѣтра, представлялись ихъ бдительному и безпокойному взгляду. Двадцать разъ имъ представлялось, что они видятъ черноватую спину или голову предмета, котораго они искали, но то была волна, скоро исчезавшая въ океанѣ.

Наконецъ, Гардинеръ замѣтилъ то, что его опытный глазъ хорошо зналъ: это былъ хвостъ или скорѣе оконечность хвоста огромнаго кита, находившагося отъ него не болѣе какъ на четверть мили и, по мѣсту занимаемому этимъ животнымъ, на равномъ разстояніи отъ Дагге.

Казалось, что оба замѣтили своего непріятеля въ одно время, потому что обѣ шлюпки устремились, какъ будто они сами были одушевлены: щука или акула не могли бы броситься на свою добычу съ большею скоростью, какъ эти двѣ шлюпки. Скоро увидали все стадо, плывшее противъ вѣтра: огромный китъ съ полдюжиною молодыхъ китовъ, столпившихся подлѣ ихъ матери или игравшихъ между собою. Скоро мать безпечно подплыла къ

нимъ и дала сосать одному, при чемъ и другіе послѣдовали этому примѣру, а китъ, сопровождавшій это стадо, пересталъ плыть по вѣтру и съ снисходительностью старой кормилицы сталъ кружиться около нихъ. Въ эту любопытную минуту шлюпки вдругъ вплыли въ середину этого стада.

Если бы въ нашихъ смѣльчакахъ было менѣе желанія соперничества, такъ они были бы осторожнѣе. На кита, который долженъ защищать своихъ маленькихъ, также опасно нападать, какъ и на другихъ животныхъ. Но здѣсь никто не думалъ объ опасности, которой подвергался, и только виньярдская шкуна спорила со шкуною изъ Ойстеръ-Понда, одинъ «Морской Левъ» съ другимъ.

Росвель бросился въ середину стада и направилъ свою шлюпку къ боку кита, который могъ дать, по крайней мѣрѣ, сто боченковъ жира. Лишь только это огромное животное почувствовало гарпунъ, брошенный въ заднюю его оконечность, у хвоста, то бросилось вглубь океана съ такою быстротою, что съ поверхности волнъ поднялся какъ будто дымъ.

Въ случаѣ, о которомъ говорится, китъ, на котораго напалъ Гардинеръ, опустившись на глубину трехъ или четырехъ сотъ саженъ, выплылъ на поверхность, вздохнулъ и тихо возвратился къ стаду. Какъ скоро гарпунъ былъ брошенъ, то въ расположеніи экипажа оказалась перемѣна. Лишь только кормчій или гарпунщикъ бросилъ свое желѣзо, какъ китоловы называютъ гарпунъ, то помѣнялся мѣстомъ съ Росвелемъ, который оставилъ руль и схватилъ пику, оружіе, которое употребляютъ для довершенія побѣды. Экипажъ вложилъ рукоятки своихъ веселъ въ петли, оставляя весла на воздухѣ, такъ что они находились совершенно внѣ воды.

Видѣть, что животное возвращается къ тому мѣсту, гдѣ его ранили, было дѣломъ столь необыкновеннымъ, что Росвель не могъ дать себѣ отчета въ дѣйствіяхъ кита. Сначала онъ предполагалъ, что животное хочетъ сражаться съ нимъ и напасть на него своими страшными челюстями, но оказалось, что это движеніе происходило или отъ каприза, или отъ страха, потому что, подойдя на сто метровъ къ шлюпкѣ, китъ поворотился и поплылъ по вѣтру, разсѣкая волны своимъ ужаснымъ хвостомъ.

Китъ при погонѣ не уходилъ еще съ тою скоростью, къ которой былъ способенъ, хотя эта скорость превосходила шесть узловъ.

Иногда она уменьшалась и во многихъ случаяхъ доходила только до половины той, которую мы указали. Во время одного изъ такихъ отдыховъ шлюпка подходила все болѣе и болѣе къ киту и, наконецъ, находилась въ пятидесяти футахъ отъ его ужаснаго хвоста. Дожидались только благопріятнаго случая, чтобы бросить копье.

Стимсонъ самый лучшій и старый морякъ на шкунѣ, тотъ, который далъ своему капитану совѣтъ о должномъ почтеніи Божеству, исполнялъ должность кормчаго, исполнивши предъ тѣмъ должность гарпунщика; теперь къ нему-то Гардиперъ, преслѣдуя кита въ теченіе двухъ часовъ, обращалъ свои замѣчанія.

— Этотъ гуляка,—сказалъ капитанъ, говоря о морскомъ чудовищѣ,—безъ сомнѣнія, еще долго протащитъ насъ,—и онъ покачивалъ копьемъ въ рукѣ, стоя въ шлюпкѣ, — я нанесъ бы ему ударъ, если бы не опасался его хвоста.

Въ эту минуту китъ пересталъ плыть и, поднимая свой огромный хвостъ, ударилъ пять или шесть разъ по поверхности воды и произвелъ шумъ, который былъ слышенъ за полумилю, не говоря уже о пѣнѣ, наполнившей атмосферу.

Лишь только его хвостъ показался въ воздухѣ, то отпустили канатъ, державшій гарпунъ, что увеличило пространство между шлюпкою и китомъ до ста футовъ. Ничто не могло лучше выказать неустрашимаго характера китолововъ, какъ зрѣлище, представляемое въ эту минуту Росвелемъ Гардинеромъ и его товарищами. Среди океана, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ своего корабля и не имѣя въ виду никакого другого судна, они терпѣливо сидѣли, ожидая минуты, въ которую морской исполинъ уменьшитъ свой ходъ, чтобы подойти къ нему и захватить свою добычу.

Китъ все еще ударялъ своимъ ужаснымъ хвостомъ, какъ крикъ, который поднялся среди людей, составлявшихъ его экипажъ, поразилъ слухъ Росвеля, который, оборотившись, увидѣлъ Дагге, занятаго преслѣдованіемъ небольшого кита, плывшаго съ большою скоростью, влача за собою шлюпку Дагге.

Сначала Росвель думалъ, что онъ будетъ принужденъ отказаться отъ своего кита, потому что другое животное плыло прямо къ его собственной лодкѣ. Но, вѣроятно, испуганное большими ударами, которыми самый большой китъ продолжалъ волновать океанъ, животное, которое было очень невелико, отскочило вовремя, чтобы избѣжать угрожавшаго столкновенія, хотя сначала

оно сдѣлало обширный кругъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился страшный великанъ его породы. Эта новая эволюція была другою причиною страха. Если бы небольшой китъ продолжалъ дѣлать большіе круги, то надо было опасаться того, что шнуръ Дагге затронетъ лодку Гардинера и произведетъ толчокъ, который могъ быть пагубнымъ для всего экипажа. Для отвращенія опасности Росвель приказалъ людямъ своей шлюпки держать ихъ ножи наготовѣ.

Еще не знали, какой будетъ результатъ для обѣихъ лодокъ отъ этого кругообразнаго движенія, потому что, прежде чѣмъ они могли сблизиться, бичевка Дагге попала въ ротъ кита Гардинера и, нажимая на углы его челюстей, заставила чудовище сдѣлать движеніе съ такою силою, что онъ вырвалъ гарпунъ изъ тѣла маленькаго кита. Бѣгъ сдѣлался такъ быстръ, что Росвель былъ принужденъ вытравить канатъ, къ которому былъ прикрѣпленъ его гарпунъ, и его китъ опустился въ неизмѣримую глубину. Однако, Дагге рѣшилъ возможно долѣе не рѣзать своего каната.

Черезъ пять минутъ большой китъ выплылъ на поверхность океана, чтобы вздохнуть.

Такъ какъ обѣ шлюпки вытравили много каната, пока китъ плылъ, то находились теперь въ четверти мили отъ животнаго и плыли въ пятидесяти футахъ одна за другою. Если духъ соперничества уже былъ на палубахъ обоихъ экипажей, то теперь онъ дошелъ до того, что могъ окончиться насиліемъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, знаете, капитанъ Дагге, что этотъ китъ мой,—сказалъ Гарнеръ.—Я его гарпунилъ и преслѣдовалъ, дожидаясь только благопріятнаго случая для нападенія на него копьемъ, какъ вашъ китъ бросился между мною и этимъ животнымъ, и вы загарпунили моего кита непонятнымъ образомъ и, навѣрное, противно всѣмъ правиламъ китовой ловли.

— Я ничего не знаю. Я гарпунилъ кита, капитанъ Гарнеръ, и держу самъ кита. Мнѣ надо доказать прежде, чѣмъ я откажусь отъ этой твари, что я на нее не имѣю никакого права.

Гардинеръ очень хорошо зналъ, съ какимъ человѣкомъ имѣлъ дѣло, а потому не сталъ терять времени въ пустыхъ препирательствахъ. Рѣшившись при случаѣ поддержать свое право, онъ приказалъ своимъ людямъ тащить къ себѣ канатъ, потому что движеніе кита стало такъ тихо, что позволяло этотъ маневръ. Экипажъ Дагге сдѣлалъ то же самое, и сильный духъ соперничества

овладѣлъ обоими экипажами, готовыми къ борьбѣ изъ-за того, кто изъ нихъ имѣетъ право овладѣть китомъ.

Лодка Гардинера находилась подлѣ лѣвой стороны животнаго, въ которую онъ вонзилъ свой гарпунъ, а Дагге съ противной стороны,—его канатъ, выходящій изъ челюстей кита, влекъ его къ этой сторонѣ. Оба капитана стояли прямо на своихъ шлюпкахъ, потрясая своимъ копьемъ и ожидая только минуты, чтобы стать поближе и поразить кита.

Въ это время люди экипажа нетерпѣливо ударили въ весла и поспѣшили напасть на кита. Можетъ быть, изъ двухъ капитановъ, Дагге показалъ болѣе хладнокровія, а Росвель былъ болѣе горячъ и смѣлъ. Шлюпка послѣдняго толкнулась въ бокъ кита въ то время, какъ молодой капитанъ вонзилъ свое копье сквозь жиръ, въ жизненные органы животнаго.

Въ ту же минуту Дагге вонзилъ свое копье съ удивительнымъ навыкомъ и нанесъ животному глубокую рану. Послѣ того раздался крикъ «назадъ!». Обѣ шлюпки побѣжали отъ опасности съ наивозможной скоростью; море представляло взгляду только волны пѣны; животное лишь только было ранено и начало мучиться среди волнъ, и оба экипажа ощутили большую радость при видѣ красной крови, перемѣшивающейся съ бѣлыми волнами моря. Минутъ черезъ десять оно перевернулось и умерло.

ГЛАВА XII.

Богъ да хранитъ васъ, сударь! Идете ли вы еще дальше или вы уже на мѣстѣ?—Сударь, мнѣ предстоитъ еще странствовать одну или двѣ недѣли.

Шекспиръ.

Гардинеръ и Дагге встрѣтились лицомъ къ лицу на остовѣ кита. Оба вонзили свои копья въ животъ животнаго и, опершись на древко этого оружія, смотрѣли другъ на друга, какъ люди, рѣшившіеся защищать свои права

— Капитанъ Дагге,—съ живостью сказалъ Росвель,—вы уже давно занимаетесь китовою ловлею, а потому должны знать ея правила. Я первый гарпунилъ эту рыбу и не оставлялъ ее съ тѣхъ поръ, пока поразилъ и пока мое копье не убило ее. Въ такихъ обстоятельствахъ, сударь, я удивляюсь, что человѣкъ, знающій условія, освященныя обычаемъ между китоловами,

полагаетъ, что онъ имѣетъ право напасть на животное, какъ вы это сдѣлали.

— Это въ моемъ характерѣ, Гардинеръ,—былъ отвѣтъ.—Я стѣснилъ себя для васъ, въ то время какъ ваша шкуна была обезмачтована подлѣ мыса Гаттераса, и никогда не оставлю того, что однажды предпринялъ; это я называю характеромъ виньярдцевъ.

— Это пустыя слова,—отвѣчалъ Росвель, бросая суровый взглядъ на людей виньярдской шкуны, которые въ это время улыбались, какъ будто они громко одобряли отвѣтъ своего капитана.—Вы знаете очень хорошо, что не законодательство Виньярда, но законодательство Америки—рѣшаетъ вопросы подобнаго рода. Если бы вы могли пожелать завладѣть моимъ китомъ, чего я не думаю, то вы отвѣтили бы при вашемъ возвращеніи за подобное дѣйствіе, въ которомъ тогда васъ заставятъ раскаяться.

Датте подумалъ и, вѣроятно, приходя понемногу въ свое обычное хладнокровіе, призналъ справедливость замѣчанія Росвеля и неправоту своихъ требованій; однако, казалось, что уступка для него была дѣломъ противоамериканскимъ, и онъ упорствовалъ въ своей ошибкѣ съ такою настойчивостью, какъ будто имѣлъ къ этому какое-нибудь основаніе.

— Если вы гарпунили кита, то и я также гарпунилъ его. Я не слишкомъ вѣрю вашему закону. Если человѣкъ вонзаетъ желѣзо въ кита, то китъ обыкновенно принадлежитъ ему, когда онъ можетъ его убить. Но есть законъ еще выше всѣхъ законовъ китоловныхъ судовъ, это законъ Божественнаго Провидѣнія. Провидѣніе указало намъ на это твореніе для того, чтобы дать намъ надъ нимъ право, и я не вѣрю, чтобы государственное законодательство не покровительствовало бы этому праву. А этотъ китъ заставилъ меня потерять моего, и по этому случаю я требую вознагражденія.

— Вы потеряли вашего кита, потому что онъ обернулся вокругъ моего и не только вырвалъ свой собственный гарпунъ, но даже почти принудилъ меня отказаться отъ моей собственной ловли. Если кто-либо за подобный поступокъ имѣетъ право на вознагражденіе, то это я.

— Я думаю, что мое копье убило «гуляку». Я нанесъ ударъ этому киту раньше; поэтому я предупредилъ васъ и могу

утверждать, что первый пустилъ кровь изъ этой твари. Но послушайте, Гарперъ, вотъ моя рука. Мы до сихъ поръ были друзьями, и я хочу, чтобы мы остались ими, а потому предлагаю вамъ съ сей минуты согласиться все считать общимъ: китовъ и тюленей, а при возвращеніи все раздѣлимъ поровну.

Надо отдать справедливость Росвелю; онъ тотчасъ же понялъ все лукавство этого предложенія, но оно немного утишило его гнѣвъ, заставляя его думать, что Дагге поступалъ такимъ образомъ для того только, чтобы проникнуть въ его тайну, а не съ намѣреніемъ посягать на его права.

— Вы отчасти владѣлецъ вашей шкуны, капитанъ Дагге,— сказалъ Росвель,—тогда какъ я пользуюсь своею только, какъ капитанъ. Вы можете быть уполномочены заключить подобную сдѣлку, а я нѣтъ. Моя обязанность заключается въ пріобрѣтеніи возможно лучшаго груза и скорѣйшемъ доставленіи его Пратту, а я увѣренъ, что ваши виньярдцы позволили вамъ плавать сколько угодно, и относительно возможной для нихъ прибыли они положились на Провидѣніе.

— Этотъ отвѣтъ справедливъ, и онъ мнѣ нравится. Сорокъ или пятьдесятъ боченковъ жира не разссорятъ насъ. Я помогъ вамъ въ портѣ Боforъ и отказался отъ платы за спасеніе груза во время кораблекрушенія, а теперь я помогу вамъ буксировать вашего кита и окончить все это предпріятіе. Можетъ быть, великодушіе доставитъ мнѣ счастіе.

Въ рѣшеніи Дагге было столько же благоразумія, какъ и опытности. Несмотря на остроумныя притязанія, которыя онъ выразилъ относительно кита, онъ хорошо зналъ, что законы рѣшатъ дѣло не въ его пользу, хотя бы въ эту минуту онъ и успѣлъ въ своемъ намѣреніи. И притомъ онъ имѣлъ дѣйствительную надежду, что его умѣренность принесетъ ему счастье въ будущемъ. Суевѣріе играетъ большую роль въ понятіяхъ матроса. До какой степени была оправдана его надежда въ этомъ отношеніи, можно увидать изъ письма, которое Праттъ получилъ отъ капитана своей шкуны.

«Морской Левъ» оставилъ Ойстеръ-Пондъ въ концѣ сентября. Третьяго марта слѣдующаго года Марія стояла подлѣ окна, бросая задумчивый взглядъ на ту часть рейда, въ которой назадъ тому шесть мѣсяцевъ она видѣла корабль Росвеля, исчезающимъ за деревьями острова, посящаго имя его семей-

не перегибать книг при чтеніи.

ства. Погода перемѣнилась и подулъ тихій южный вѣтеръ, показались всѣ признаки весны. Въ первый разъ въ три мѣсяца она открыла это окно, и воздухъ, проникшій въ комнату, былъ пріятенъ и возвѣстилъ новое время года.

— Дядюшка, — сказала она. (Господинъ Праттъ писалъ подлѣ небольшого камина, въ которомъ былъ только одинъ пепелъ,—какъ велико разстояніе между антарктическимъ моремъ и Ойстеръ-Пондомъ?

— Вы могли бы вычислить это сами, дитя мое, а то къ чему же послужила бы плата за ваше воспитаніе?

— Я не знаю, какъ взяться за это, дядюшка,—сказала кроткая Марія,—хотя бы очень желала знать это. Ахъ! Вотъ Бетингъ Джой, онъ несетъ письмо.

Можетъ быть, тайная надежда воодушевила Марію, потому что она побѣжала, какъ молодая лань, навстрѣчу старому моряку.

— Вотъ оно, дядюшка! — вскричала молодая дѣвушка, безсознательно прижимая письмо къ своему сердцу.—Письмо, письмо отъ Росвеля...

Потокъ слезъ облегчилъ столь давно страдавшее сердце, чувства котораго были такъ долго обуздываемы. Въ другое время и при столь очевидномъ свидѣтельствѣ того вліянія, которое молодой человѣкъ произвелъ надъ чувствами его племянницы, Праттъ упрекнулъ бы ея за то безразсудство, по которому она не хотѣла быть женою Росвеля Гардинера; но видъ этого письма изгналъ всѣ другія мысли, и онъ углубился въ единственное размышленіе, размышленіе о судьбѣ своей шкуны.

— Посмотри, Марія, это письмо съ клеймомъ антарктическихъ странъ,—сказалъ дрожащимъ голосомъ Праттъ.

Онъ спросилъ это не столько по невѣдѣнію, какъ по смущенію. Онъ зналъ очень хорошо, что острова, которые долженъ былъ посѣтить «Морской Левъ», необитаемы, и что тамъ не было почтовой конторы, но его мысли были перемѣшаны, и страхъ, который онъ чувствовалъ, заставлялъ его говорить нелѣпости.

— Дядюшка! — вскричала племянница, утиравшая свои слезы и стыдящаяся своей слабости.—Невозможно, чтобы Росвель тамъ, гдѣ онъ теперь, нашелъ бы почтовую контору.

— Но долженъ же быть какой-нибудь штемпель на письмѣ, дитя мое, Бетингъ Джой не самъ же привезъ его сюда.

— Оно штемпелевано только въ Нью-Іоркѣ, сударь... но, да оно идетъ изъ Капа, Сприггса и Бютона, изъ Ріо-Жанейро. Должно быть въ этомъ городѣ его отдали на почту. Не лучше ли будетъ, если я распечатаю письмо и прочту его.

— Да, распечатай письмо, дитя мое,—отвѣчалъ Праттъ.

Марія не дожидалась вторичнаго позволенія и тотчасъ же сорвала печать. Въ этомъ обстоятельствѣ былъ, можетъ быть, результатъ полученнаго ею воспитанія или женскаго инстинкта, но дѣло въ томъ, что молодая дѣвушка, въ то время какъ развертывала письмо, обратилась къ окну и непримѣтно сунула письмо на ея собственное имя въ складки своего платья, такъ что глаза болѣе опытные, нежели ея дяди, были бы обмануты. Лишь только она спрятала свое письмо, другое тотчасъ же отдала своему дядѣ.

— Прочтите его, Марія, сами,—сказалъ этотъ послѣдній упавшимъ голосомъ. — Глаза мои такъ плохи, что я не могу читать.

«Ріо-Жанейро, Бразильская провинція, Южная Америка, 14 ноября 1819 года,—начала читать племянница.

— Читай, Марія, милая дочь моя, читай письмо такъ скоро, какъ только ты можешь, читай скороговоркой.

«Господину Израилю Пратту. Милостивый государь,—продолжала Марія, — обѣ шкуны отправились изъ Бофора, что въ Сѣверной Каролинѣ, какъ я уже увѣдомилъ васъ въ письмѣ, которое вы должны были получить. Погода была всегда хорошая, пока мы прибыли къ южнымъ широтамъ, гдѣ мы были удержаемы почти съ недѣлю. 18 октября мы услыхали на палубѣ крикъ: «водометъ» и очутились недалеко отъ китовъ. Обѣ шкуны спустили свои шлюпки въ море, и я быстро преслѣдовалъ прекраснаго кита, который довольно долго буксировалъ насъ, пока я нанесъ ему ударъ пикой и пустилъ ему кровь. Сначала капитанъ Дагге выразилъ нѣсколько требованій на это животное, потому что его канатъ попалъ въ челюсти кита, но скоро онъ отказался отъ этихъ требованій и помогъ намъ буксировать кита до самаго корабля. Капитанъ Дагге съ своимъ экипажемъ успѣлъ убить изъ этихъ рыбъ трехъ, а господинъ Газаръ убилъ намъ еще одного, довольно большого.

«Я счастливъ тѣмъ, что маленькій китъ далъ пятьдесятъ восемь бочешковъ жира, изъ которыхъ двадцать лучшаго каче-

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY

ства. Дагге изъ своихъ трехъ рыбъ получилъ сто тридцать три боченка, изъ которыхъ большая часть перваго качества, но не столь много, какъ у насъ. Имѣя этотъ жиръ на палубѣ, мы послѣ довольно долгаго плаванія пришли сюда, и я отослалъ, какъ вы можете видѣть это изъ препровождаемой накладной, сто семьдесятъ боченковъ китоваго жира къ вамъ черезъ Фиша и Гренниля изъ Нью-Іорка, на палубѣ брига «Джэсонъ», капитанъ Вильямъ, который отправится 20 числа слѣдующаго мѣсяца, и которому я передаю это письмо...

— Остановись, милая Марія, эта новость тяготитъ меня: она слишкомъ хороша, чтобы быть справедливою,—прервалъ Праттъ, почти столько же взволнованный своимъ счастьемъ, какъ былъ смущенъ своими опасеніями,—перечитай, пожалуйста, Марія, да перечитай по слогамъ.

Марія исполнила желаніе своего дяди, желая сама подробно узнать успѣхъ Росвеля.

— Моя часть составляетъ двѣ трети и даетъ мнѣ прекрасную круглую цифру, 4000 долларовъ.

Праттъ отъ радости потеръ руки, и голосъ къ нему возвратился. Его племянница была удивлена такой веселостью, которая казалась неестественною для ея дяди.

— Четыре тысячи долларовъ, Марія, покроютъ первыя издержки на покупку шкуны, разумѣется, не включая сюда оснащенія, для котораго капитанъ израсходовалъ вдвое болѣе, чѣмъ нужно. Гарнеръ славный молодой человѣкъ и будетъ прекраснымъ мужемъ, какъ я всегда говорилъ, дитя мое. Можетъ быть, онъ немного расточителенъ, но, въ сущности, очень честный молодой человѣкъ.

— Росвель прекрасный молодой человѣкъ,—отвѣчала молодая дѣвушка съ глазами полными слезъ, въ то время какъ ея дядя читалъ похвальное слово молодому человѣку, котораго она любила съ нѣжностью.—Никто не знаетъ его болѣе меня, дядюшка, и никто болѣе меня его не уважаетъ. Но не лучше ли дочитать письмо, его осталось еще довольно много.

— Продолжай, дитя мое, продолжай, но перечти опять ту часть письма, гдѣ говорится о количествѣ жира, которое онъ отослалъ къ Фишу и Гренниlю.

Марія исполнила то, что просилъ у нея дядя, а потомъ продолжала читать письмо.

«Я сильно безпокоюсь, — говорилъ Росвель, — насчетъ того, какъ мнѣ держать себя относительно капитана Дагге. Онъ показалъ мнѣ столько преданности подлѣ мыса Гаттерасъ, что я не хотѣлъ разлучаться съ нимъ ни во время ночи, ни въ дурную погоду, что показалось бы неблагодарнымъ съ моей стороны; я также боюсь, показать ему, что избѣгаю его. Я опасаюсь, что онъ знаетъ о существованіи нашихъ острововъ, хотя сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ точно зналъ ихъ широту и долготу. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что Дагге идетъ съ нами только для того, чтобы узнать то, что ему еще неизвѣстно...»

— Остановись, Марія, остановись немного и дай мнѣ время подумать. Не ужасно ли это, дитя мое?

Племянница, видя дѣйствительно ужасающее отчаяніе дяди, поблѣднѣла, хотя и не знала причинъ этого отчаянія.

Слабымъ голосомъ Праттъ попросилъ свою племянницу передать ему письмо, конецъ котораго онъ постарается прочесть самъ. Хотя каждое слово, писанное Росвелемъ, было очень дорого для Маріи, но милая дѣвушка должна была прочесть еще одно письмо молодого человѣка, которое онъ написалъ къ ней, и котораго она не развертывала еще. Итакъ, она отдала дядѣ письмо, которое тотъ просилъ, и отправилась въ свою комнату, чтобы прочесть свое письмо.

«Милая Марія,—писалъ Росвель, — вашъ дядюшка скажетъ вамъ, что привело насъ въ этотъ портъ. Я отослалъ болѣе чѣмъ на 4000 долларовъ жира и надѣюсь, что мой арматоръ позабудетъ происшествія въ Коррикута въ уваженіе такого хорошаго успѣха. По моему мнѣнію, наше путешествіе будетъ счастливо, и эта часть моей судьбы обезпечена. Дай Богъ, чтобы я могъ быть также увѣренъ въ успѣхѣ и въ томъ, что найду васъ еще болѣе расположенной ко мнѣ при моемъ возвращеніи! Я каждый день читаю вашу Библію, Марія, и часто прошу Бога просвѣтить мой разумъ, если я до сихъ поръ обманывался. Что касается до настоящаго времени, то я не могу льститься ни на какую перемѣну, потому что мои старыя мнѣнія, кажется, во мнѣ еще болѣе укоренились, нежели при моемъ отъѣздѣ...»

Въ это время бѣдная Марія испустила глубокій вздохъ и утерла слезы.

«Однако, Марія, — продолжало письмо, — такъ какъ я имѣю наклонность къ познанію истины, то, навѣрное, не отложу

Библію въ сторону. Я объ этой книгѣ думаю то же, что и вы, и мы расходимся только въ мнѣніяхъ и способѣ ея толкованія. Помолитесь за меня, милая дѣвушка, но я знаю, что вы и безъ того дѣлаете это и будете дѣлать, пока я буду въ отсутствіи».

— Да, правда, Росвель,—прошептала Марія, — пока я жива.

Письмо продолжалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Кромѣ этого желанія, которое выше моей жизни, я нахожусь подъ вліяніемъ сильнаго сомнѣнія, которое внушаетъ мнѣ этотъ Дагге. Во многихъ случаяхъ я не знаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ невозможно остаться съ нимъ, не нарушая моихъ обязанностей къ Пратту, а между тѣмъ и совсѣмъ нелегко отъ него избавиться. Во всѣхъ случаяхъ онъ такъ великодушно помогалъ мнѣ и казался столь расположеннымъ вести себя въ путешествіи, какъ хорошій товарищъ, что, если бы зависѣло только отъ одного меня, то я согласился бы охотиться вмѣстѣ съ нимъ за тюленями и раздѣлить пополамъ нашу добычу. Но теперь это невозможно, и мнѣ должно оставить его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ...

«А теперь, милая Марія...

Но зачѣмъ поднимать намъ завѣсы, покрывающія цѣломудренную любовь Росвеля. Онъ кончалъ свое письмо, выказывая все сердце въ нѣкоторыхъ откровенныхъ и сильныхъ фразахъ. Марія проплакала надъ этими нѣсколькими словами почти цѣлый день, пока ея глаза совершенно не устали.

Черезъ нѣсколько дней Праттъ, къ своей великой радости, получилъ письмо отъ гг. Фиша и Гренниля, которое увѣдомило его о прибытіи жира.

Жиръ былъ проданъ, какъ только можно скорѣе, и старый Праттъ сунулъ часть прибыли въ карманъ въ ожиданіи новаго и полезнѣйшаго употребленія полученному капиталу.

Длинные мѣсяцы, полные тоски, послѣдовали для Маріи за этимъ солнечнымъ лучемъ, освѣтившимъ ея безпокойное въ отсутствіе Росвеля сердце. Весна слѣдовала за зимою, лѣто замѣнило весну, а осень собрала плоды всѣхъ предшествующихъ временъ года, не доставляя извѣстія о нашихъ странствователяхъ. Потомъ зима воротилась во второй разъ, съ того времени какъ «Морской Левъ» поднялъ паруса, и наполнила печальнымъ страхомъ сердца людей, которыхъ моряки оставили въ Ойстеръ-

Пондѣ, въ то время какъ послѣдніе слушали свистъ вѣтровъ, царствующихъ въ это холодное и бурное время года.

Праттъ почти совершенно отказался отъ всякой надежды, а его разстроенное здоровье и то, что смерть казалось ему не слишкомъ далекою, навели на него печаль. Что касается до Маріи, то молодость и здоровье еще ее поддерживали, но она душевно страдала, думая о столь долгомъ и столь необъяснимомъ отсутствіи.

ГЛАВА XIII.

> Въ самомъ дѣлѣ, въ порту корабль короля; въ томъ глубокомъ убѣжище, куда вы звали меня однажды въ полночь.
>
> «Буря»

Послѣднее письмо Росвеля Гардинера было отъ 10 декабря 1819 года, то есть спустя пятнадцать дней по отплытіи его изъ Ріо-Жанейро. Мы встрѣчаемъ шкуну Пратта 18 числа того же мѣсяца или черезъ три недѣли и одинъ день съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ столицу Бразиліи.

Читатель знаетъ, какъ присоединился къ Гардинеру Дагге съ тѣхъ поръ, какъ оба корабля прошли Блокъ-Айлэндъ. Оба «Морскіе Львы» подняли паруса въ Ріо и направили судна къ Штатенъ-Ланду наканунѣ того дня, въ которой мы встрѣтили ойстеръ-пондскую шкуну, и оба корабля были довольно близко одинъ отъ другого, такъ что ихъ капитаны могли разговаривать. Дагге противорѣчилъ тому, чтобы пройти Лемеровъ проливъ. Одинъ изъ его дядей претерпѣлъ тамъ кораблекрушеніе, и онъ считалъ этотъ проходъ самымъ опаснымъ, какой только онъ когда-нибудь встрѣчалъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ, по положенію вѣтра и по приливу, представлялъ нѣкоторыя трудности, которыя надо было побѣдить; но Росвель вѣрилъ благопріятнымъ примѣтамъ Стимсона, который нѣсколько разъ огибалъ этотъ мысъ. Было безвѣтренно, ожидали бури.

Между тѣмъ Дагге настаивалъ на необходимости держаться внѣ Штатенъ-Ланда, что заставляло шкуны сдѣлать большой поворотъ и итти навстрѣчу вѣтрамъ, царствующимъ въ этой странѣ, которые перемѣняются отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Росвель думалъ объ удачѣ и случаѣ, которые представлялись ему для избѣжанія общества Дагге. Поспоривши нѣсколько

времени, онъ попросилъ Дагге итти впередъ, обѣщая ему итти за нимъ.

Погода была туманная, и были минуты, въ которыя вѣтеръ разражался шквалomъ. Онъ увеличился, когда шкуны были подлѣ Штатенъ-Ланда. Дагге, который былъ почти на полмили впередъ, вытерпѣлъ всю силу одного изъ этихъ шквалovъ, выходившаго изъ овраговъ, и удалился еще болѣе отъ земли. Въ это же время туманъ раздѣлилъ оба корабля. Прибавимъ, что солнце зашло, и наступила темная и угрюмая ночь. Дагге ссылался на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ, по которымъ онъ совѣтовалъ миновать Штатенъ-Ландъ. Воспользовавшись всѣмъ этимъ, Росвель направился къ высотамъ Огненной Земли.

Штиль возвѣстилъ ему приливъ, и онъ надѣялся на силу потока, чтобы пройти проливъ. Когда Росвель находился почти среди канала, то увидалъ, что его влечетъ въ проходъ, и лишь только вошелъ въ него, какъ очень быстро поплылъ къ югу. Шквалы мало затрудняли его и еще помогли ему достичь цѣли. На другой день утромъ, онъ находился въ водахъ мыса Горна.

Пройденный проливъ Лемеръ давалъ большое преимущество, и Росвель былъ увѣренъ, что не встрѣтитъ въ этотъ день своего спутника, если бы даже желалъ этого, чего, впрочемъ, онъ и не думалъ желать. Отдѣлавшись отъ пьявки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія позволить ей еще укусить себя. Именно на случай этихъ предосторожностей онъ старался отыскать портъ.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по палубѣ, Росвель воротился къ своему экипажу.

— Ты увѣренъ, Стимсонъ,—сказалъ онъ,— что это мысъ Горнъ?

— Увѣренъ, сударь. Нельзя никакъ обмануться въ подобномъ мѣстѣ, котораго никогда не позабудешь, если хотя однажды его видѣлъ.

— Стимсонъ, я хочу бросить якорь и поручаю тебѣ найти бухту, гдѣ бы мы были въ безопасности.

— Постараюсь, капитанъ Гарнеръ, если позволитъ погода,—отвѣчалъ морякъ съ гордостью и скромною увѣренностью, ручавшейся за его искусство.

Начали дѣлать необходимыя приготовленія, чтобы прича-

лить къ берегу. Рѣшились во-время, потому что вѣтеръ усиливался, и шкуна быстро приближалась къ землѣ. Черезъ полчаса «Морской Левъ» гнулся подъ небольшимъ вѣтромъ и взялъ на гитовы свои паруса.

Море быстро поднималось. Но въ вѣтрѣ было что-то туманное, и чувствовалось, что не должно терять времени. Надо много отважности, чтобы въ подобное время года подойти къ такому берегу, какъ мысъ Горнъ.

По мѣрѣ того, какъ шкуна подходила къ мысу, видъ моря, стремившагося и натыкавшагося на разбитый утесъ, и глухой, производимый имъ шумъ имѣли что-то дѣйствительно ужасное. Каждый былъ задумчивъ и безпокоенъ. Если бы шкуна пристала къ подобному мѣсту, то одной минуты было бы достаточно, чтобы разбить ее въ щепы, и нельзя было надѣяться на то, чтобы спасся хотя бы одинъ человѣкъ изъ всего экипажа. Росвель сильно безпокоился, хотя и сохранялъ свое хладнокровіе.

— Приливы у этихъ береговъ и подъ столь высокими широтами разбиваютъ и большіе корабли, — сказалъ онъ первому своему офицеру.

— Все зависитъ отъ хорошаго маневра,—было отвѣтомъ,— и отъ помощи Провидѣнія. Посмотрите на эту, находящуюся передъ нами точку, капитанъ; хотя мы не совсѣмъ подъ вѣтромъ, но насъ страшно влечетъ къ этому мѣсту берега. Скорость, съ которою это море стремится къ юго-западу, ужасна. Ни одинъ корабль не можетъ итти такъ по вѣтру какъ оно.

Это замѣчаніе Газара было очень справедливо. Маленькая шкуна стремилась на верхъ волнъ, какъ морская птица, а когда она исчезала посреди ихъ, то для того только, чтобы явиться на вершинѣ новой волны и опять пренебречь вѣтромъ. Самою большою опасностью угрожалъ шкунѣ потокъ, потому что это былъ невидимый потокъ, котораго можно было видѣть только послѣдствія; онъ бросалъ небольшой корабль подъ вѣтеръ и по направленію къ утесамъ.

Мысъ Гаттерасъ и его опасности, о которыхъ столько говорятъ, можно было считать пустяками въ сравненіи съ тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находились наши моряки. Мычаніе десяти тысячъ быковъ не сравнилось бы съ глухимъ ревомъ моря, въ то время, когда оно бросалось въ пе-

щеры утесовъ. Потомъ пѣна наполняла воздухъ, какъ изобильный дождь, и были минуты, въ которыя мысъ, хотя онъ былъ въ ужасномъ сосѣдствѣ, скрывался въ этомъ парѣ.

Никто не говорилъ, ибо каждый зналъ, что этотъ кризисъ одинъ изъ тѣхъ, при которыхъ молчаніе является знакомъ благоговѣнія передъ Божествомъ. Нѣкоторые усердно молились, а глаза всѣхъ были устремлены на низкую и каменистую часть, передъ которой надо было пройти для избѣжанія несомнѣнной гибели. Только одно обстоятельство благопріятствовало: знали, что это мѣсто моря глубоко, а этотъ берегъ очень рѣдко представляетъ скрытыя опасности. Разсказы Стимсона и другихъ моряковъ сообщили Росвелю это обстоятельство, которое онъ счелъ очень важнымъ.

Росвель Гардинеръ занялъ свое мѣсто на носу корабля и сдѣлалъ знакъ Стимсону, чтобы тотъ подошелъ къ нему.

— Ты припоминаешь это мѣсто?—спросилъ молодой капитанъ стараго матроса.

— Да, сударь, и если мы успѣемъ обогнуть эти утесы, такъ я введу васъ въ такую якорную стоянку, что вы будете въ совершенной безопасности. Мы плывемъ съ ужасающей скоростью, а потокъ уноситъ насъ.

— Ничего,—спокойно отвѣчалъ Росвель. — Мы приближаемся къ этому утесу ужасно быстро.

— Впередъ, сударь, впередъ—въ этомъ единственное наше спасеніе. Можетъ случиться, что мы разобьемся объ утесы, но можемъ и пройти ихъ.

— Если это случится съ нами, то мы погибнемъ, въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Если мы и обогнемъ этотъ выступъ, то немного подальше есть другой, котораго мы не можемъ избѣжать, я боюсь этого. Посмотри, проливъ открывается передъ нами по мѣрѣ нашего приближенія.

Стимсонъ видѣлъ эту новую опасность и понималъ всю ея величину. Однако, онъ ничего не говорилъ, потому что, говоря правду, онъ въ эту минуту отказался отъ всякой надежды и, погрузившись въ религіозныя чувства, молился. Весь экипажъ очень ясно понималъ всю опасность и, казалось, забылъ ту, которую представлялъ имъ выступъ утеса, къ которому они стремились съ такой удивительной скоростью. Можно было обогнуть этотъ выступъ, и тогда еще оставалась какая-нибудь па-

дежда; по что касается до другого, находившагося въ четверти мили далѣе, то и самый неопытный морякъ видѣлъ, какъ трудно было избѣжать его.

Удивительная тишина царствовала на палубѣ шкуны въ то время, какъ она проходила противъ первыхъ утесовъ. Росвель устремилъ глаза на предметы, находившіеся противъ него, чтобы дать себѣ отчетъ въ скорости движенія.

— Шкуна чувствуетъ противное теченіе, Сэфанъ,—сказалъ онъ столь тихимъ голосомъ, что онъ, казалось, выходилъ изъ глубины его груди,—а судно подъ вѣтромъ.

— Что можетъ обозначать этотъ внезапный поворотъ, сударь? Пусть г. Газаръ подыметъ полные паруса, иначе намъ ничего не останется дѣлать.

Гардинеръ посмотрѣлъ на Газара и увидалъ, что онъ висѣлъ на рулѣ, потому что чувствовалъ большое сопротивленіе. Тогда онъ понялъ истину и вскричалъ:

— Ребята, все идетъ хорошо! Хвала Богу! Мы встрѣтили противное теченіе.

Эти немногія слова объяснили свойство перемѣны.

Спустя десять минутъ, послѣ встрѣчи противнаго теченія, шкуна прошла проливъ. Стимсонъ показалъ себя человѣкомъ, на котораго можно было надѣяться. Онъ искусно провелъ корабль позади острова, на которомъ поднимается мысъ, ввелъ его въ небольшую губу и бросилъ якорь. Въ этомъ мѣстѣ было пятьдесятъ футовъ воды съ грязнымъ дномъ.

Итакъ, вотъ «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда, котораго читатель назадъ тому три мѣсяца видѣлъ подлѣ набережной Пратта, бросилъ якорь въ утесистомъ бассейнѣ позади мыса Горна. Ни одинъ изъ китолововъ не могъ подумать ввести свой корабль въ подобное мѣсто, но ихъ доля бросаться во всѣ каналы и проходы, въ которыхъ до нихъ еще никто не былъ.

Такимъ-то образомъ Стимсонъ успѣлъ открыть этотъ рейдъ. Какое бы ни было движеніе волнъ внѣ, а шкуна наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ. Вѣтеръ дулъ, но такъ укрощался утесами, что только порхалъ между мачтами и снастями.

Этотъ вѣтеръ продолжался три дня и три ночи. На четвертый день была перемѣна, потому что вѣтеръ подулъ съ востока. Росвель воспользовался бы удобнымъ временемъ для выхода изъ губы, если бы не боялся встрѣтить Дагге. Разлучившись съ

столь упорнымъ товарищемъ, было бы съ его стороны большою слабостью итти ему навстрѣчу. Было очень возможно, что Дагге и не подозрѣвалъ того, что имѣли намѣреніе его оставить, а потому сталъ бы искать по сосѣдству своего потеряннаго товарища.

На всякій случай рѣшились остаться въ губѣ однимъ днемъ дольше, тѣмъ болѣе, что Газаръ открылъ нѣкоторые признаки, доказавшіе, что морскіе слоны часто посѣщали довольно близкій островъ. Итакъ, спустили шлюпки на море, и первый морской офицеръ отправился по этому направленію, тогда какъ капитанъ вышелъ на берегъ острова, справедливо заслуживающаго названіе «Эрмита» или пустынника, потому что былъ послѣдній изъ группы.

Онъ взялъ съ собою Стимсона, который несъ зрительную трубку. Вооруженный багромъ, чтобы помочь своимъ усиліямъ, Росвель началъ влѣзать на пирамиду утеса.

Она была какъ будто разрушена и представляла тысячу препятствій. Но чего не можетъ преодолѣть мужество и сила? Послѣ нѣсколькихъ минутъ постоянной борьбы и труднаго восхожденія, въ которомъ они помогали другъ другу, Росвель и Стимсонъ успѣли взойти на вершину пирамиды, имѣвшей видъ неправильной остроконечности. Высота пирамиды была довольно значительна и представляла обширный видъ на сосѣдніе острова и океанъ, казавшійся на югѣ печальнымъ и ужаснымъ. Можетъ быть, земля ни на одной изъ своихъ крайнихъ границъ не имѣетъ столь значительнаго сторожа, какъ эта пирамида. Можно сказать, что она составляетъ послѣднюю возвышенность этого обширнаго материка.

Съ вершины пирамиды видно было, направо—Тихій океанъ, напротивъ — Южный или Антарктическій океанъ, налѣво — Атлантическій океанъ. Нѣсколько минутъ Росвель и Стефанъ молча созерцали этотъ обширный видъ. Пирамида, на которой находились Росвель и Стимсонъ, потеряла свою бѣлую одежду и грозно возвышалась съ своимъ обычнымъ чернымъ цвѣтомъ.

Лишь только нашъ молодой капитанъ охватилъ главныя черты этого величественнаго вида, его глаза стали искать «Морского Льва» изъ Виньярда. Онъ замѣтилъ его въ двухъ миляхъ и въ прямой линіи съ мысомъ. Было ли возможнымъ, чтобы Дагге подозрѣвалъ его маневръ и пришелъ его отыскивать даже въ то мѣсто, гдѣ онъ скрылся? Что касалось до корабля, то нельзя

было обмануться. Росвель съ возвышенія, на которомъ находился, съ зрительной трубкой, безъ труда узналъ его. Стимсонъ посмотрѣлъ на него и сказалъ, что это шкуна. На этомъ обширномъ и уединенномъ морѣ она походила на черную точку.

— Если бы мы вспомнили о нихъ, капитанъ Гарнеръ, — сказалъ Стефанъ,—такъ могли бы принести флагъ, который водрузили бы на этихъ утесахъ, чтобы показать виньярдцамъ, гдѣ мы находимся. Но если этотъ вѣтеръ продолжится такъ, мы всегда можемъ итти имъ навстрѣчу.

— Этого я не имѣлъ желанія дѣлать, Стефанъ, я пришелъ сюда, чтобы нарочно избавиться отъ этой шкуны.

— Вы меня удивляете, сударь. Всегда хорошо имѣть товарища, если корабль находится подъ высокими широтами. Льды подвергаютъ иногда столькимъ испытаніямъ, что я считаю за счастіе, если имѣю товарища на случай кораблекрушенія.

— Все это очень справедливо, но есть причины и для обратныхъ намѣреній. Я слышалъ объ островахъ, на которыхъ изобилуютъ тюлени, а чтобы взять ихъ едва ли также необходимъ товарищъ, какъ на случай кораблекрушенія.

— Это другое дѣло, капитанъ Гарнеръ, никто не обязанъ показывать берега, на которыхъ хочетъ охотиться.

— Теченіе должно быть очень благопріятно для этой шкуны; она идетъ очень скоро. Черезъ полчаса она будетъ противъ мыса Горна. Подождемъ, чтобы видѣть направленіе, которое она возьметъ.

Предсказаніе Гарнера сбылось. Черезъ полчаса «Морской Левъ» изъ Гольмъ-Голя прошелъ подлѣ утесистой пирамиды мыса Горна, отстоя отъ него только на одну милю.

Но Дагге совершенно не думалъ объ этомъ. Онъ искалъ своего товарища по путешествію, котораго надѣялся найти подлѣ мыса. Въ своемъ ожиданіи онъ проплылъ столько на западъ, что могъ убѣдиться въ томъ, что въ этой сторонѣ ничего не видать, а потому онъ отправился къ югу. Росвель былъ доволенъ этимъ, потому что заключилъ изъ того, что Дагге ничего не знаетъ о положеніи острововъ, которыхъ онъ искалъ. Они лежали гораздо далѣе на западъ; при томъ онъ скоро убѣдился въ направленіи, котораго держалась другая шкуна, и поспѣшилъ сойти въ свою шлюпку, чтобы поворотить свой корабль и воспользоваться попутнымъ вѣтромъ.

Черезъ два часа «Морской Левъ» изъ Ойстеръ-Понда пошелъ по проливу, ведущему въ океанъ. Другой корабль изчезъ тогда на югѣ, и Гардинеръ, зная дорогу, которой долженъ былъ слѣдовать, поплылъ на полныхъ парусахъ въ открытое море.

Небольшой корабль скользилъ по волнамъ со скоростью морской птицы. Скоро мысъ Горнъ началъ скрываться вдали по мѣрѣ того, какъ шкуна удалялась. Съ наступленіемъ ночи его уже не было видно, и корабль вошелъ въ Антарктическій океанъ.

ГЛАВА XIV.

Идемъ! Это добрыя мѣста. — Смотрите кругомъ себя. — Видите наслѣдство; идите впередъ, — остановитесь на горѣ; затѣмъ, если можете, будьте спокойны.

Спратъ.

Мы дали бы ложное и преувеличенное понятіе о характерѣ Росвеля Гардинера, если бы сказали, что онъ, проникая въ это обширное пространство Южнаго океана, ощущалъ равнодушіе къ своему назначенію. Состояніе его ума, когда онъ увидалъ мысъ Горнъ, исчезающій, такъ сказать, шагъ за шагомъ въ океанѣ и потомъ совсѣмъ пропавшій, было совершенно противоположно подобному чувству.

Пока у него былъ въ виду «Морской Левъ» изъ Виньярда, этотъ корабль только и занималъ его мысли; но теперь явились передъ нимъ ожидающія его большія и важныя препятствія.

Росвель не думалъ, чтобы было очень вѣроятно, что онъ встрѣтитъ другого «Морского Льва», и это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что острова, которыхъ онъ искалъ, не были въ сосѣдствѣ ни съ какою землею и, слѣдовательно, внѣ обыкновенной дороги охотниковъ за тюленями. Это послѣднее обстоятельство, которое нашъ молодой мореплаватель умѣлъ достаточно оцѣнить, дало ему надежду на то, что онъ будетъ одинъ при завладѣніи сокровищами этихъ острововъ, если онъ отыщетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ скрыла сама природа.

Лишь только наступила ночь, Росвель приказалъ рулевому поворотить корабль на югъ. Это была существенная перемѣна въ направленіи корабля, и если бы вѣтеръ, дувшій до сихъ поръ, продолжался, то шкуна, при разсвѣтѣ, должна была находиться

на значительномъ разстояніи къ востоку отъ той точки, которой она достигла.

Теперь, когда наступила ночь, и прошло довольно времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ другой шкуны, онъ думалъ, что можетъ итти по истинному направленію. Хорошая погода въ этихъ странахъ такъ непродолжительна, что каждый часъ дорогъ, и, безъ крайнихъ причинъ, нельзя пренебрегать главной цѣлью путешествія. Всѣ поняли, что корабль направился по прямой линіи къ странамъ, гдѣ будетъ охота за тюленями.

Никакой существенной перемѣны не было ночью, тогда какъ небольшой «Морской Левъ» продолжалъ плыть къ Южному полюсу.

На третій день подулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Примѣтили сіяніе льдовъ и скоро самые льды, которые начали появляться въ формѣ небольшихъ горъ. Эти плавучіе холмы привлекли взоры всѣхъ, но они таяли отъ волнъ и уже въ половину уменьшились. Теперь непремѣнно надо было терять все ночное время, потому что плавать тогда было очень опасно. Тишина воды довольно ясно возвѣщала близость льдовъ; объ этомъ сказывали не только вычисленія Гардинера, но даже и его собственные глаза убѣждали его въ этомъ.

На пятый день, когда погода немного прояснилась, увидали ледъ, образующій высокія стѣны въ родѣ горъ, очень похожихъ на хребты Альповъ, хотя онѣ тихо колебались на всегда волнующихся водахъ океана. По временамъ густой туманъ закрывалъ весь горизонтъ, и шкуна въ этотъ день была принуждена нѣсколько разъ останавливаться, чтобы не натолкнуться на льдины или ледяныя поля, которыя начали въ большомъ количествѣ появляться на морѣ.

Морскія птицы летали во множествѣ, альбатросы оживляли этотъ видъ, а киты фыркали въ сосѣднихъ водахъ. По многимъ признакамъ Гардинеръ узналъ, что приближались къ землѣ, и началъ надѣяться на открытіе острововъ, обозначенныхъ на картѣ Датте.

Въ это время шкуна отдѣлялась отъ льдовъ разстояніемъ не болѣе одного кабельтова. Гардинеръ думалъ, что онъ находится на западѣ столь далеко, сколько было необходимо, и особенно старался найти проходъ въ разстилавшемся предъ нимъ вдали плавающемъ ледяномъ хаосѣ.

Такъ какъ вѣтеръ гналъ къ сѣверу массы льда, которыя плыли съ той стороны, то онѣ начали мало-по-малу одна отъ другой отставать и отдѣляться, и, наконецъ, Гардинеръ былъ такъ счастливъ, что увидѣлъ проходъ, въ который могъ ввести свою шкуну. Не теряя ни минуты, онъ ввелъ небольшого «Морского Льва» въ проходъ, хотя онъ былъ во сто разъ ужаснѣе Харибды и Сциллы.

Черезъ четыре часа шкуна открыла себѣ дорогу къ юго-востоку на протяженіи двадцати пяти миль. Былъ полдень; воздухъ былъ чище обыкновеннаго, Гардинеръ влѣзъ на большую мачту, чтобы самому обсудить состояніе дѣла.

На сѣверѣ и въ проходѣ, въ который вошелъ корабль, ледъ опять сошелся, и гораздо легче было итти впередъ, нежели возвратиться.

Между тѣмъ Росвель обращалъ свои нетерпѣливые глаза къ востоку и особенно къ юго-востоку. Въ этой части океана и по крайней мѣрѣ въ десяти лье отъ того мѣста, гдѣ онъ находился теперь, онъ надѣялся открыть острова, предметъ своихъ поисковъ, если они дѣйствительно существовали. Среди льдовъ, въ этомъ направленіи было много проходовъ. Одинъ или два раза Росвель принималъ вершину нѣкоторыхъ горъ льда за вершины истинныхъ горъ. Но лучи солнца каждый разъ его разочаровывали, и вершина, казавшаяся ему, по магическому отраженію, темною и печальною, вдругъ освѣщалась, блистая цвѣтами изумруда или дѣвственной бѣлизною,—видъ, очаровывавшій зрителя даже среди опасностей, которыми онъ былъ окруженъ.

Былъ туманъ, хотя и не такой сильный, чтобы закрыть самыя высокія точки. Туманный паръ, не переставшій двигаться и клубиться, какъ вскипѣвшая жидкость, пока былъ плотенъ,—раскрылся, и Росвель вдругъ замѣтилъ гладкую вершину настоящей горы, имѣвшей до тысячи футовъ вышины. Нельзя было ошибиться въ томъ, что это была земля и, безъ всякаго сомнѣнія, самый западный изъ острововъ, обозначенныхъ умершимъ матросомъ. Все удостовѣряло въ этомъ заключеніи. Дагге сказалъ, что одинъ высокій, гористый, полный неровностей, пустой, но довольно большой островъ находился изъ всей группы далѣе на западъ, тогда какъ другіе острова были въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого. Эти послѣдніе были ниже, меньше и представляли только одни голые утесы. Между тѣмъ Дагге утверж-

далъ, что одинъ изъ острововъ былъ вулканъ, который по временамъ извергалъ пламя и отъ котораго несло теплomъ. Но, по его разсказамъ, экипажъ, къ которому онъ принадлежалъ, никогда не посѣщалъ этотъ вулканическій островъ и только издали дивился его ужасамъ.

Сердце Росвеля Гардинера забилось отъ радости, когда онъ увѣрился, что онъ открылъ землю, главную цѣль своего путешествія. У него было теперь только одно желаніе—пристать къ ней. Въ это время вѣтеръ подулъ къ юго-востоку и усилился, толкая шкуну къ горѣ и принуждая ледяныя горы отчалить отъ земли и образовать непреодолимую преграду предъ ея западнымъ берегомъ. Между тѣмъ нашъ молодой капитанъ вспомнилъ, что Дагге указалъ на рейдъ, подлѣ сѣверо-восточной стороны острова, гдѣ, по его разсказу, долженъ былъ находиться портъ, въ которомъ дюжина небольшихъ кораблей могли стоять весьма удобно. Гардинеръ старался направиться къ этой сторонѣ.

На сѣверѣ не было никакого прохода, но довольно хорошій каналъ открывался на югѣ группы. «Морской Левъ» поплылъ по этому направленію и, къ четыремъ часамъ, послѣ полудня, обогнулъ другіе острова, и къ безконечному удовольствію находившихся на палубѣ открылось большое пространство воды, свободной отъ льда, между большимъ островомъ и его маленькими сосѣдями. Ледяныя горы, подходя къ этой группѣ, разбивались, и эта большая бухта, повидимому, почти совершенно была свободна отъ льда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ его массъ, плававшихъ по поверхности. Избѣжать ихъ было очень легко, и шкуна поплыла по большому бассейну, образованному различными островами этой группы. Какъ бы для придапія еще большаго вѣса указаніямъ Дагге, увидали на востокѣ подымавшійся дымъ вулкана, который имѣлъ три или четыре мили въ окружности и находился на востокѣ большого бассейна примѣрно въ четырехъ миляхъ отъ «Земли тюленей», какъ Дагге назвалъ однажды главный островъ.

Будучи въ центрѣ острововъ и въ достаточномъ разстояніи отъ льдовъ, шкуна легко прошла бассейнъ или большую бухту и достигла сѣверо-восточной оконечности «Земли тюленей». Такъ какъ день долженъ былъ еще продолжиться нѣсколько часовъ, потому что въ этихъ высокихъ широтахъ декабрьскія ночи очень коротки и соотвѣтствуютъ нашимъ іюньскимъ, то Росвель

велѣлъ спустить въ море шлюпку и тотчасъ же отправился къ тому мѣсту, гдѣ надѣялся открыть портъ, если только онъ существовалъ. Все было такъ, какъ описывалъ Дагге, и нашъ молодой человѣкъ былъ совершенно доволенъ, когда вошелъ въ бухту, имѣвшую не больше двухсотъ метровъ въ діаметрѣ и столь хорошо окруженную землею, что въ ней не чувствовали никакого вліянія моря.

Вся бухта была очень удобна для плаванія. Этотъ внутренній бассейнъ съ сѣвера на югъ имѣлъ по крайней мѣрѣ шесть миль длины и не менѣе четырехъ миль ширины. Но она была подвержена вѣтрамъ и волнамъ болѣе, нежели маленькій портъ, хотя Росвель былъ пораженъ различными выгодами, ею представляемыми. Она была почти совершенно свободна отъ льда, тогда какъ довольно значительная его масса плавала внѣ округа острововъ: слѣдствіемъ этого было то, что плаваніе по ней было свободно даже и для нашего маленькаго судна. Причина была та, что самый большой изъ острововъ имѣлъ два длинные мыса, далеко простиравшіеся, одинъ по направленію къ сѣверу-востоку, другой по направленію къ юго-западу, и вся его западная сторона имѣла видъ только что народившейся луны. Рейдъ, который мы описываемъ, лежалъ на югъ, и нашъ молодой капитанъ назвалъ его въ честь своего лейтенанта «Мысомъ Газара», который первый указалъ удобное мѣсто для якоря.

Хотя берегъ былъ утесистъ и неровенъ, однако, было не слишкомъ трудно взойти на сѣверный берегъ порта, и Гардинеръ влѣзъ на него въ сопровожденіи Стимсона, который, съ нѣкотораго времени, очень привязался къ своему начальнику. Высота этой преграды, лежащей противъ волнъ океана, была немного менѣе ста футовъ, а когда они взошли на вершину, то у нихъ вырвался крикъ удивленія, чтобы не сказать радости. До сихъ поръ не видали они ни одной породы тюленей, и Гардинеръ ощущалъ какую-то боязнь за прибыль, на которую можно было надѣяться за такіе труды. Но всѣ эти сомнѣнія разсѣялись съ тѣхъ поръ, какъ онъ открылъ сѣверный берегъ острова, простирающагося на нѣсколько миль и представляющаго взгляду такое множество морскихъ животныхъ, что отъ нихъ и самый берегъ казался оживленнымъ. Они тысячами лежали на низкихъ утесахъ, расположенныхъ на этой сторонѣ острова, и грѣлись на солнцѣ антарктическихъ морей. Никакъ нельзя было обмануться

въ томъ, что это были они: морскіе львы и слоны, огромныя животныя страшнаго и отвратительнаго вида, не принадлежащія, такъ сказать, ни къ землѣ, ни къ морю. Эти животныя ходили и проходили постоянно толпами; нѣкоторыя изъ нихъ, ставши на край утесовъ, бросались въ океанъ, чтобы отыскать тамъ себѣ пищу, тогда какъ другія ползкомъ выходили изъ воды и выбирали уступы, чтобы на нихъ улечься и насладиться дневнымъ свѣтомъ.

— Вотъ славныя для насъ жатва, дядя Стефанъ,—сказалъ Росвель своему товарищу, ударяя въ ладоши.—Одинъ мѣсяцъ работы наполнитъ шкуну, и мы отправимся прежде равноденствія. Но не кажется ли тебѣ, что тамъ, внизу, есть кости морскихъ львовъ или тюленей различныхъ видовъ? Какъ будто уже охотились на этихъ берегахъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, капитанъ Гарнеръ. Какъ ни отдаленно мѣсто, и хотя я никогда не слыхалъ объ этихъ островахъ, даже отъ самыхъ старыхъ матросовъ, но, безъ сомнѣнія, не мы первые ихъ открыли; кто-нибудь да былъ здѣсь назадъ тому одинъ или два года и увезъ отсюда грузъ, я вамъ отвѣчаю за это.

Такъ какъ все это соотвѣтствовало разсказу Дагге, то Росвель нисколько не удивился; напротивъ, онъ видѣлъ подтвержденіе всему, что говорилъ Дагге, и тѣмъ болѣе надѣялся на самый счастливый результатъ своего путешествія. Шкуна уже подошла къ острову, осторожно подвигаясь впередъ, и второй морской офицеръ направилъ корабль къ входу въ маленькій портъ, въ который велъ его, какъ кормчій. Еще капитанъ не сошелъ съ вершины утесовъ, а корабль уже вошелъ въ портъ, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, бросилъ два якоря и укрѣпился канатомъ къ берегу.

Лица всѣхъ блистали радостью; ввести шкуну въ столь надежный портъ, гдѣ ея экипажъ могъ цѣлую ночь успокоиться, не ощущая никакой боязни быть раздавленнымъ и поглощеннымъ льдомъ, составляло большой выигрышъ. Но весь экипажъ ощущалъ не одно только чувство безопасности; онъ нашелъ источникъ богатства, котораго искалъ, что и освобождало его отъ многихъ опасностей и лишеній. Всѣ сошли на берегъ и взобрались на вершину утеса, чтобы насладиться видомъ всѣхъ

этихъ животныхъ, растянувшихся на низкихъ утесахъ сѣверной стороны острова.

Такъ какъ еще оставалось нѣсколько часовъ дня, то Росвель, сопровождаемый Стимсономъ, оба вооруженные палками, какъ защитительнымъ оружіемъ, вскарабкались на самый возвышенный центръ острова. Однако, они обманулись въ разстояніи и скоро убѣдились, что имъ надобенъ для исполненія подобнаго предпріятія цѣлый день. Росвель только достигъ подошвы центральной горы, откуда ему открылось огромное пространство на сѣверъ и востокъ острова. Они могли составить себѣ довольно точное понятіе объ общемъ составѣ этого уединеннаго обломка земли и утесовъ, какъ и объ островахъ и островкахъ. Очеркъ перваго острова, о которомъ мы говорили, былъ похожъ на большой треугольникъ неправильной фигуры, три главныя точки котораго составляли два слегка возвышенныхъ мыса и третій, возвышавшійся на сѣверѣ.

Почти весь западный или юго-западный берегъ былъ похожъ на стѣну изъ почти перпендикулярныхъ утесовъ, которые возвышались на двѣсти или триста футовъ надъ океаномъ. Особенно въ эту-то сторону ударяли его волны и сюда-то бушующее море прибивало льды. Два другіе берега были совершенно отличны. Вѣтеръ большей частью дулъ къ юго-западу, и такъ какъ главный берегъ острова былъ перпендикуляренъ его направленію, то и представлялъ ограду противъ дурной погоды, въ то время какъ положеніе двухъ другихъ его сторонъ не представляло защиты. Сѣверная сторона чаще согрѣвалась солнцемъ. Восточный же и сѣверный берега были защищены группой острововъ, находившихся передъ ними.

Таковъ былъ общій видъ Острова Тюленей, сколько поспѣшныя наблюденія его настоящаго хозяина позволили ему въ томъ увѣриться. Приближающаяся ночь принудила ихъ сойти съ довольно опасной части горы, на которую они взобрались, и вернуться къ своему экипажу на шкуну.

ГЛАВА XV.

Мы кидаемся на море, и слышится дикій ревъ; матросы блѣднѣютъ и молятся; мы разбрасываемъ кругомъ себя воду, какъ птица стряхиваетъ съ трепещущихъ крыльевъ пѣну фонтана.

Брайантъ.

Охотники за тюленями не теряли времени. Хорошее время было коротко, и проникнуть въ середину льдовъ и выйти изъ нихъ—было дѣломъ столь большой опасности, что всѣ принадлежавшіе къ шкунѣ понимали значеніе усиленной дѣятельности и разумнаго усердія.

Уже на другой день по прибытіи корабля сдѣланы были не только всѣ необходимыя приготовленія, но и убили достаточное число тюленей съ мѣхомъ самаго лучшаго качества. Убили двухъ большихъ морскихъ слоновъ почти тридцатифутовой длины. Опасности и препятствія, надъ которыми восторжествовали, хорошо вознаградились полученнымъ жиромъ. Росвель считалъ главнымъ предметомъ своей добычи мѣха и шкуры тюленей и былъ счастливъ тѣмъ, что животныхъ, платящихъ дань необходимостямъ и роскоши человѣческой, нашелъ въ довольно значительномъ количествѣ и могъ скоро отправиться къ сѣверу. Между тѣмъ какъ били, сдирали шкуры и сушили, нашъ молодой капитанъ занялся второстепеннымъ дѣломъ, имѣвшимъ своимъ предметомъ благосостояніе груза и экипажа корабля.

Когда снаряжали шкуну въ Ойстеръ-Пондѣ, то на берегу былъ старый деревянный магазинъ, принадлежащій Пратту, который разобрали съ намѣреніемъ замѣнить его болѣе прочной постройкой. Росвель убѣдилъ своего арматора перенести на палубу матеріалы этого зданія. Праттъ не отказалъ, потому что оно могло быть полезнымъ его экипажу. Росвель приказалъ спустить въ море всѣ эти матеріалы, и когда ихъ пригнали къ берегу и перенесли на вершину утесовъ, то онъ выбралъ мѣсто для постройки деревяннаго дома, для сбереженія этимъ времени, которое иначе теряли въ переходѣ съ берега на шкуну.

Найти удобное мѣсто для этой постройки было не очень трудно. Гардинеромъ былъ выбранъ уступъ утеса, обращенный къ солнцу, тогда какъ массы другихъ утесовъ защищали его отъ самыхъ холодныхъ вѣтровъ той страны. Эти естественныя стѣны были не слишкомъ близки, чтобы снѣгъ, который могъ скатиться

на нихъ, упалъ на кровлю дома; но было довольно пространства между кровлею и домомъ, чтобы образовать обширный дворъ, на которомъ было мѣсто для всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для постоянныхъ работъ и нуждъ охотниковъ за тюленями.

Много благоразумія требовалось въ предпринятой охотѣ. Не было ничего легче, какъ убить большое число тюленей; но добычу надо было тащить по утесамъ. Стали пользоваться шлюпками, хотя, даже среди лѣта, сѣверный берегъ острова былъ часто осаждаемъ льдомъ. Росвель старался не напугать этихъ животныхъ слишкомъ большимъ избіеніемъ, а потому и посылалъ только однихъ опытныхъ охотниковъ. Слѣдуя этому правилу, выиграли болѣе, нежели если бы напали на тюленей съ меньшимъ благоразуміемъ.

Безъ большого труда втащили матеріалы дома на вершину утесовъ. Между экипажемъ нашелся старый плотникъ, по имени Робертъ Смитъ. При томъ же дюжина американцевъ всегда сумѣютъ выстроить домъ: навыкъ къ работѣ и природный умъ дѣлаетъ ихъ способными ко многимъ полезнымъ ремесламъ. Моттъ, другой человѣкъ изъ экипажа, работалъ у слесаря, и онъ затопилъ печи. Наконецъ, осталось только пригнаровить различные приборы дома, и эту работу окончили въ концѣ первой недѣли. Домъ раздѣлили на двѣ комнаты, изъ которыхъ одна была назначена для общаго зала, а другая спальнею. Въ домъ перенесли всѣ матрасы, которые были на палубѣ. Было рѣшено складывать грузъ на уступахъ утеса, находящагося на двадцать футовъ выше того, на которомъ выстроили домъ. Съ этой стороны было легко достигнуть другого утеса, находившагося не болѣе пятнадцати футовъ надъ палубой корабля.

Такимъ образомъ прошли первые десять дней; всѣ работали съ явнымъ усердіемъ. Для окончанія этого предварительнаго устройства понадобились двѣ недѣли, въ которыя охота за тюленями продолжалась съ большимъ жаромъ и успѣхомъ. Жертвы были такъ мало дики и такъ мало знали объ опасности, которой угрожало имъ присутствіе человѣка, что экипажъ ходилъ между тюленями, а они, казалось, не замѣчали его и не оборонялись отъ нападенія. Старались не причинить имъ никакого безполезнаго страха и когда убивали одно животное, то старались произвести какъ можно менѣе движенія между другими. Однако черезъ

пятнадцать дней предпріятіе приняло такіе размѣры, что весь экипажъ необходимо долженъ былъ имъ запяться, и скоро уступъ утеса, находившагося подъ домомъ, былъ заваленъ бочонками и кожами. Если бы надо было только убивать, сдирать кожу и сушить, то работа была бы относительно легкая; но надо было переносить продукты всей этой работы на значительное разстояніе, а въ нѣкоторомъ случаѣ на нѣсколько миль, и при томъ по утесамъ. Росвель Гардинеръ былъ убѣжденъ въ томъ, что «наполнилъ бы» свою шкуну въ одинъ мѣсяцъ, еслибы ему было возможно бросить якорь подлѣ утесовъ, посѣщаемыхъ тюленями, и тѣмъ избѣжать потери времени, которую причинялъ ему переносъ предметовъ, долженствующихъ составить его грузъ. Но это было невозможно, потому что волны и ледъ разбили бы корабль, бросившій якорь подлѣ сѣвернаго берега острова. Иногда пользовались шлюпками, чтобы, огибая мысъ, перевозить кожи и жиръ.

Къ концу третьей недѣли трюмъ былъ полонъ, и шкуна была набалластована. Для той далекой широты погода была очень хорошая. На двадцать третій день со времени входа шкуны въ эту бухту, Росвель былъ у подошвы горы, не далеко отъ дома, устремивши глаза на тотъ длинный утесистый берегъ, на коромъ морскіе слоны и львы ходили съ тою же увѣренностью въ безопасности, какъ въ то время, когда онъ увидалъ ихъ въ первый разъ. Солнце всходило; тюлени выползали изъ моря и вылѣзали на берегъ, чтобы насладиться его лучами.

— Вотъ прекрасный случай для охоты за тюленями, капитанъ Гардинеръ,—сказалъ Стимсонъ, никогда не оставлявшій своего начальника. — Я уже двадцать пять лѣтъ занимаюсь этимъ ремесломъ и никогда не встрѣчалъ ни столь удобнаго порта для купеческаго корабля, ни столь огромнаго стада тюленей, нисколько не путающихся человѣка.

— Намъ посчастливилось, Стефанъ, и я надѣюсь, что мы наполнимъ корабль и отправимся прежде времени льдовъ. Все хорошо разсчитано, мы довольно счастливы.

— Вы называете это «счастіемъ». Но по мнѣ, есть другое слово, которое лучше этого, сударь.

— Да, я знаю, что ты хочешь сказать, Стефанъ, хотя я не думаю, чтобы Провидѣніе слишкомъ много безпокоилось о томъ, захватимъ ли мы нынче сто тюленей или ни одного.

— Но я не думаю, сударь, чтобы Провидѣнію было угодно то, чтобы мы нынче ловили тюленей.

— Почему же, Стефанъ? Нынче самый лучшій день съ тѣхъ поръ, какъ мы на островѣ.

— Это правда, нынче прекрасный солнечный день, для столь высокой широты, но я думаю, что такой день не назначенъ для работы. Безъ сомнѣнія, капитанъ Гардинеръ, вы забыли, что нынче воскресеніе?

— Ты правъ, я забылъ это, Стефанъ, но для охотниковъ за тюленями это не причина отдыха.

— А между тѣмъ, сударь, воскресное отдохновеніе дѣлаетъ болѣе способными для работы на слѣдующій день.

Несмотря на свои предубѣжденія, Гардинеръ понялъ, что покой необходимъ для его людей, и что было бы хорошо, если бы они могли вознести свое сердце къ мысли о другомъ мірѣ.

— Ну, Стефанъ, такъ какъ мы много работали съ тѣхъ поръ, какъ находимся здѣсь, то я и отдаю приказъ: поди, скажи Газару, чтобы нынче не работали... Воскресеніе будетъ и днемъ отдыха...

Истина заставляетъ насъ сказать, что, отдавая это приказаніе, Гардинеръ былъ подъ вліяніемъ мысли, что этимъ дѣлалъ удовольствіе Маріи.

Стимсонъ, услыша подобное приказаніе, очень обрадовался и поспѣшилъ къ лейтенанту, чтобы сообщить ему данное приказаніе. Экипажъ, нуждавшійся въ отдохновеніи, принялъ его съ истиннымъ удовольствіемъ. Скоро были видны только одни матросы, умывающіеся, чешущіеся и принаряжающіеся. Имъ приказали отнюдь не ходить по берегу, гдѣ были тюлени, боясь, чтобы какая-нибудь неосторожность не испугала животныхъ.

Стимсонъ воротился къ Гардинеру, и оба полѣзли на гору, поднимающуюся на триста футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога была трудна и не ровна. Они остановились на вершинѣ горы, чтобы обозрѣть предметы, ихъ окружающіе. На океанѣ виднѣлась бѣлою точкою шлюпка, которая, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, плыла къ вулкану, тогда какъ дымъ этого послѣдняго походилъ на маякъ той страны, гдѣ обыкновенно царствуетъ туманъ. Бухта находилась почти подъ ними, и въ эту минуту капитанъ шкуны былъ пораженъ малостью корабля, проникшаго столь далеко среди лабиринта льдовъ. Такъ далеко, какъ только

могъ обнять взглядъ, океанъ казался бѣлѣющимъ и замерзшимъ, подъ плавающими массами, которыя несли его воды. Воздухъ былъ напитанъ тѣмъ холодомъ, который «убилъ лѣто», по выраженію моряковъ; однако, видъ былъ удивительный.

— Вотъ прекрасный видъ, Стефанъ,—сказалъ Росвель Гардинеръ,—но мы видѣли бы еще лучше, если бы могли взобраться на этотъ конецъ горы и быть на этой совершенно голой вершинѣ. Я жалѣю, что не принесъ сюда стараго паруса, который водрузилъ бы здѣсь въ честь Соединенныхъ Штатовъ. Но что такое тамъ, на востокѣ?

— Я вижу, что вы хотите показать, сударь. Я думаю, что это похоже на парусъ, и парусъ, окруженный льдомъ.

Нельзя было обмануться. Примѣтили бѣлый парусъ корабля на большой поверхности ледяного поля, немного на сѣверо-востокъ острова, находящагося противъ бухты. Хотя паруса этого судна были подняты, но было видно, что онъ стѣсненъ льдомъ, если не совершенно окруженъ имъ.

Лишь только Росвель замѣтилъ чужой корабль, такъ тотчасъ же узналъ его. Онъ убѣдился, что это былъ «Морской Левъ» изъ Виньярда, нашедшій дорогу къ островамъ. Росвель добился уже такого большого успѣха и такъ былъ увѣренъ, что «наполнитъ» свою шкуну во время, что мало заботился о соперничествѣ другого корабля. Напротивъ, на случай опасности, онъ желалъ бы имѣть товарища. Лишь только онъ увидалъ шкуну виньярдцевъ, то уже рѣшился: онъ хотѣлъ возобновить старое знакомство и помочь Датге собрать его грузъ. Росвель и Стефанъ, отказавшись влѣзть на вершину, сошли съ нея скорѣе, нежели вошли, и черезъ полчаса шлюпка была уже готова. Росвель самъ начальствовалъ ею, оставляя своему помощнику начальство надъ шкуною. Стимсонъ сопутствовалъ своему капитану. Лишь только они сошли съ утесовъ, какъ на полныхъ веслахъ поплыли съ возможной скоростью, дѣлая почти по восьми узловъ въ часъ.

Для китоловнаго бота Росвеля надо было болѣе трехъ часовъ, чтобы проплыть бухту и достичь края той обширной ледяной равнины, остановленной утесами перваго острова группы. Гардинеръ лишь только подошелъ къ выходу, то приказалъ своимъ людямъ грести съ наивозможною силою, хотя всѣ они были убѣждены, что подвергаются самой ужасной опасности.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY

Шлюпка скоро достигла льдовъ и плыла по водѣ до тѣхъ поръ, пока не вошла въ проходъ, узкій до ужаса, такой, въ которомъ едва могла двигаться. Наконецъ, Росвель достигъ мѣста, въ которомъ обѣ ледяныя равнины, образовавшія этотъ узкій проходъ, почти вплоть между собою сходились. Росвель посмотрѣлъ впередъ и назадъ, поставилъ шлюпку въ безопасное мѣсто и поползъ по льду, давши своему рулевому приказаніе подождать его. Лишь только онъ поднялся на ледъ, нашъ молодой человѣкъ вскрикнулъ: виньярдская шкуна довольно ясно показалась предъ нимъ на разстояніи полумили. Она была окружена льдомъ и плыла съ большой опасностью быть разбитой въ щепы.

ГЛАВА XVI.

Однимъ прыжкомъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ и плылъ по голубому и глубокому морю.

«Виновная фея».

Лишь только Росвель сошелъ на льдину, какъ услышалъ страшный звукъ. Онъ тотчасъ же увидалъ, что внѣшнее давленіе разбило ледяную равнину на двѣ части, и что эта перемѣна могла быть спасеніемъ или погибелью для шкуны. Онъ хотѣлъ было броситься, чтобы присоединиться къ Дагге, но остановился, услышавши, что какой-то человѣкъ изъ его шлюпки его зоветъ.

— Эти равнины, капитанъ Гарнеръ, скоро соединятся, и наша шлюпка расплющится, если мы не возьмемъ ее изъ воды.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться молодому капитану въ точности этого предсказанія. Ледяная равнина, на которой онъ находился, тихо подвигалась впередъ и касалась своимъ краемъ съ краемъ льда, находившагося противъ нея. Проходъ, по которому плыла шлюпка, заперся и слышался трескъ. Давленіе было столь ужасно, что откалывало куски льда величиною съ домъ.

Нечего было терять времени, и шлюпку вытащили на ледъ въ мѣстѣ, представлявшемъ болѣе безопасности.

— Стимсонъ, намъ будетъ очень трудно спустить ее на воду,—сказалъ Росвель,—и намъ придется провести здѣсь безсонную ночь.

— Не знаю, сударь,—было отвѣтомъ.—Мнѣ кажется, что ледъ разобьется подлѣ этихъ утесовъ, и если это будетъ такъ,

то шкуна, шлюпка, экипажъ, мы всѣ войдемъ на дрейфѣ въ бухту, потому что я увѣренъ въ существованіи потока, текущаго отъ этой точки къ нашему острову. Я примѣтилъ это во время гребли.

— Можетъ быть, потоки идутъ по всѣмъ направленіямъ. Томсонъ и Тодъ,—продолжалъ Росвель,—останьтесь здѣсь, а мы всѣ пойдемъ отыскивать виньярдскую шкуну. Она должна быть тамъ, въ проходѣ, и только развѣ случайно выйдетъ изъ него.

Росвель былъ правъ. «Морской Левъ» изъ Виньярда старался пройти по проходу, находящемуся между двумя ледяными полями.

Дагге былъ человѣкъ смышленый и смѣлый. Видя, что ледъ соединяется со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади, и что не было никакой возможности выйти, онъ ухватился за послѣднее средство, которое оставалось еще для спасенія корабля. Онъ выбралъ мѣсто или косякъ, образуемый ледяною равниною, находившійся подъ вѣтромъ и представлявшій его кораблю минутное убѣжище. Онъ ввелъ туда свою шкуну и бросилъ якорь. Послѣ того онъ началъ рубить ледъ, сначала топоромъ, потомъ пилою, въ надеждѣ выдолбить отверстіе, которое по своей величинѣ и виду могло принять остовъ корабля и воспрепятствовать такимъ образомъ его разрушенію.

Прошло уже много часовъ съ того времени, какъ онъ и его экипажъ работали съ этою цѣлью, когда, къ ихъ радости и большему удивленію, они вдругъ соединились съ Росвелемъ и его людьми. Дѣло въ томъ, что виньярдскій экипажъ такъ былъ озабоченъ предстоявшею ему опасностью и каждый человѣкъ былъ такъ занятъ исполненіемъ своей обязанности, что не замѣтилъ шлюпки, до тѣхъ поръ, пока Росвель не окликнулъ Дагге и не возвѣстилъ своего присутствія своимъ голосомъ.

— Вотъ истинное счастіе, капитанъ Гарнеръ! — сказалъ Дагге, искренно пожимая руку Росвеля.—Да, счастіе! Я надѣялся встрѣтить васъ подлѣ этой группы острововъ, на которыхъ можно найти тюленей, потому что они навѣрное находятся тамъ, гдѣ мой покойный дядюшка заставилъ меня предполагать ихъ по его морскимъ картамъ, но не думалъ встрѣтить васъ нынѣшнимъ утромъ. Вы видите мое положеніе, капитанъ Гарнеръ, страшная опасность угрожаетъ мнѣ.

— Вы уже предприняли нѣкоторыя предосторожности.

— Э! Намъ могло быть и хуже.

— Необходимо разрубить этотъ ледъ, и тогда ваша шкуна можетъ подняться. Вы можете продолжать работать вашей пилою и топоромъ, а я постараюсь придать нѣсколько плотности бокамъ корабля. Покажите мнѣ ваши запасныя деревья и доски, безъ которыхъ вы можете обойтись, и мы увидимъ, что можно изъ нихъ сдѣлать.

Хотя американскіе матросы менѣе откровенны, чѣмъ матросы англійскіе, но знаютъ столь же хорошо, какой благодарности заслуживаютъ нѣкоторыя услуги. Виньярдцы почувствовали большую признательность и радость къ помощи, которая подоспѣла къ нимъ, и съ обѣихъ сторонъ начали работать съ усердіемъ и дѣятельностью.

Работа Росвеля происходила на палубѣ виньярдской шкуны, тогда какъ экипажъ Дагге продолжалъ работать на льду.

— Какой шумъ!—вскричалъ Дагге. — Не изверженіе ли это вулкана?

Дагге былъ расположенъ думать, что этотъ звукъ былъ произведенъ какимъ-нибудь подземнымъ движеніемъ. Но онъ не долго думалъ, почему и сказалъ поспѣшно:

— Это ледъ. Я думаю, что давленіе разбило его объ утесы этого острова. Если это такъ, то ледяная равнина, находящаяся подъ вѣтромъ, также уничтожится, лишь только подойдетъ къ ней другая.

— Не думаю, — сказалъ Росвель, устремивши глаза на островъ,—потому что равнина, находящаяся болѣе подъ вѣтромъ, пойдетъ съ такою же скоростью, какъ и ледяныя горы. Это можетъ уменьшить силу удара, но никакъ не полагаю, чтобы могло отвратить его.

Мнѣніе Росвеля скоро подтвердилось. Послѣ нѣсколькихъ минутъ сильнаго безпокойства, причиненнаго трескомъ самаго остова корабля, онъ получилъ отъ скопившагося подъ нимъ льда такое внезапное сотрясеніе, какъ будто бы онъ совсѣмъ освободился изъ своей тюрьмы; колебаніе было ужасно, и многіе изъ экипажа не могли удержаться, чтобъ не упасть. Въ самомъ дѣлѣ, шкуна была освобождена; еще одна минута, и она бы разлетѣлась въ дребезги, а теперь она находилась въ бассейнѣ, который ея экипажъ долгими часами работы ей приготовилъ.

— Мы ее спасемъ Дагге! Мы ее спасемъ!—вскричалъ Рос-

вель, позабывая въ эту минуту великодушныхъ усилій всякое чувство соперничества.—Я знаю, что вы хотите дѣлать, я это тотчасъ же понялъ. Эта высокая земля есть то мѣсто, котораго вы ищите, а на сѣверномъ берегу этого острова есть морскіе слоны, львы и другія животныя въ довольно большомъ количествѣ, чтобы наполнить всякую шкуну, которая когда-нибудь выходила изъ Виньярда.

— Вотъ что я люблю,—сказалъ Дагге, дружески пожимая руку Росвеля,—охота за тюленями всегда должна производиться цѣлымъ обществомъ, и одинъ корабль не можетъ проникнуть въ столь высокія широты.

Что касается до Росвеля, то онъ немного посмѣялся надъ мнѣніемъ, выраженнымъ Дагге объ охотѣ за тюленями, потому что онъ внутренно былъ увѣренъ, что виньярдецъ сохранилъ бы тайну, еслибъ владѣлъ ею одинъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—забудемъ прошедшее! Вы помогли мнѣ у Гаттераса, а я здѣсь оказалъ вамъ кое-какія услуги! Вы, Дагге, знаете правила нашего ремесла: первый пришелъ, первый воспользовался. Я пришелъ первый и пожалъ лѣтнія ягодки этого дѣла, хотя не хочу сказать вамъ, что вы пришли ужъ совсѣмъ поздно.

— Я надѣюсь, что нѣтъ, Гарнеръ, было бы очень мучительно потрудиться такъ за ничто. Сколько вы собрали жира?

— Весь мой трюмъ полонъ; но мы болѣе всего беремъ шкуры.

Эта новость возбудила всю жадность Дагге, что можно было замѣтить по бросаемымъ имъ взглядамъ.

— Счастье,—сказалъ онъ,—а особенно въ одно лѣто! Но эти животныя не сдѣлались ли болѣе дикими?

— Не болѣе, какъ въ тотъ день, съ котораго мы начали охотиться. Я поручалъ это занятіе только однимъ опытнымъ людямъ и далъ имъ приказаніе какъ можно менѣе сердить этихъ животныхъ. Если вы хотите наполнить вашу шкуну, то я совѣтую взять тѣ же предосторожности, потому что уже приближается конецъ лѣта.

— Я проведу здѣсь зиму,—сказалъ рѣшительнымъ, если не искреннимъ голосомъ Дагге. — Мнѣ стоило довольно труда открыть эту группу острововъ, и мы, виньярдцы, не можемъ представить себѣ возможности быть побѣжденными.

— Если вы проведете здѣсь зиму, то это дѣло другое,—

отвѣчалъ, смѣясь, Росвель.—Недостанетъ и «Морского Льва» изъ Виньярда, чтобы согрѣвать васъ, и вы на будущее лѣто должны возвратиться въ вашихъ бочкахъ или навсегда остаться здѣсь.

— Я надѣюсь увидать васъ здѣсь опять,—сказалъ Дагге, смотря на своего товарища такъ, какъ будто уже окончательно рѣшился выполнить свое безразсудное намѣреніе.—Очень рѣдко бываетъ, чтобы охотникъ за тюленями забывалъ страну, подобную той, которую вы описываете.

— Я могу опять притти, — сказалъ Росвель,—и могу не притти,—прибавилъ онъ, думая о Маріи, потому что онъ спрашивалъ себя, можетъ ли она не выйти за него въ томъ случаѣ, если онъ успѣетъ въ своемъ путешествіи.—Это болѣе зависитъ отъ другихъ, нежели отъ меня... Но, капитанъ Дагге, займемся вашею шкуной. Надо, чтобы она вошла въ бухту до ночи.

Въ эту минуту обѣ льдины находились на нѣсколько саженъ одна отъ другой; самая малая, или та, на которой находился корабль, быстро поплыла къ бухтѣ, тогда какъ самая большая была остановлена островами. Меньшая льдина много потеряла изъ своей поверхности отъ утесовъ, потому что разбилась о нихъ, хотя отломокъ, который отъ нея остался, имѣлъ болѣе мили въ діаметрѣ, а въ толщину нѣсколько метровъ.

Что касается до «Морского Льва» изъ Виньярда, то онъ находился какъ будто на уступѣ утеса. Сила большой льдины была столь велика, что подняла его выше воды, какъ будто два или три человѣка вытащили простую лодку на берегъ. Къ счастью для шкуны, эта сила пришла снизу. Слѣдствіемъ этого было то, что корабль потерпѣлъ очень мало порчи.

— Если бы его можно было поднять отсюда, — сказалъ Дагге,—столь же легко, какъ мы его туда посадили, то это было бы не трудно. Но онъ на льду, имѣющемъ по крайней мѣрѣ двадцать футовъ толщины и столь же твердомъ, какъ камень.

Гардинеръ посовѣтовалъ употребить пилу, чтобъ по концамъ шкуны сдѣлать двѣ глубокія выемки во льду, надѣясь, что тяжесть корабля поможетъ работникамъ и заставитъ его войти, какъ говорятъ поэты, въ свою природную стихію. Въ самомъ дѣлѣ другого нечего было дѣлать, а потому и послушались совѣта Гардинера. Послѣ большихъ усилій успѣли продолбить ледъ до воды, послѣ чего послышался трескъ льда, и шкуна тихо,

какъ будто по всѣмъ правиламъ науки, поднялась и спустилась въ море!

Этотъ счастливый результатъ многочасовой работы совершился тогда, какъ ледяная равнина находилась въ центрѣ бухты. Въ это время Газаръ возвращался съ вулкана и донесъ, что тамъ въ самомъ дѣлѣ былъ вулканъ, и вулканъ дѣйствующій, но не важный. Безплодіе и сильный холодъ характеризовали всю эту страну. При закатѣ солнца, Гардиперъ ввелъ своего товарища въ портъ, и оба «Морскіе Льва» стали на якорѣ одинъ подлѣ другого.

ГЛАВА XVII.

Утренній воздухъ завидуетъ его свѣжему дыханію; волны весело танцуютъ передъ его глазами; морскія птицы щебечутъ порхая. О, благословенный утренній свѣтъ.

Дана.

Дагге на другой день прибытія «Морского Льва» изъ Виньярда началъ охотиться за тюленями. Убили довольно большое число этихъ животныхъ, но такъ осторожно, что очень мало ихъ встревожили. Дагге привезъ на своей шкунѣ телѣгу, большую пользу которой скоро узнали при перевозкѣ жира и тюленьихъ кожъ. Эта телѣга подвинула занятіе по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Оба экипажа, имѣя менѣе работы, были въ самомъ дружескомъ расположеніи.

Черезъ мѣсяцъ Дагге сказалъ Росвелю:

— Вотъ уже первое февраля, и безъ сомнѣнія. вы скоро уѣдете, лишь только вашъ грузъ будетъ полонъ.

— Нѣтъ, капитанъ Дагге, я не могу и подумать оставить кого-нибудь, особенно соотечественника, въ столь ужасномъ краѣ, не зная, можетъ ли онъ когда-нибудь изъ него выйти.

Дагге, удивленный великодушіемъ Росвеля, хотѣлъ было предложить ему часть своей прибыли, но Росвель отказался отъ нея, говоря, что посовѣтуется съ людьми ойстеръ-пондскаго экипажа, и что офицеры ничего не потребуютъ отъ него за совершенно братское вспомоществованіе. Что касается до Росвеля, то лучшая его награда, та, на которую онъ разсчитывалъ, было одобреніе Маріи.

Дагге принялъ это предложеніе Росвеля, какъ могутъ догадаться, очень охотно. Они согласились въ этотъ день взойти

на вершину горы, находящейся посреди острова, и послѣ двухчасовой ходьбы, по обломкамъ утесовъ, которыми островъ былъ какъ будто усыпанъ, достигли основанія конуса, который образовалъ послѣднюю вершину горы. Тутъ они отдохнули и немного закусили.

Удивительный видъ съ сверхъестественнымъ освѣщеніемъ, наградилъ нашихъ смѣльчаковъ за ихъ усталость, и они могли насладиться несравненною панорамой. По всѣмъ сторонамъ, за исключеніемъ большихъ бухтъ, виднѣлись ледяныя горы; группа острововъ была окружена ими такъ, какъ будто была въ блокадѣ. Въ это время господствовалъ южный вѣтеръ, хотя перемѣны въ температурѣ были очень часты. Гардиперъ видѣлъ, что проходъ, по которому онъ вошелъ, былъ почти совершенно запертъ, и что можно было выйти только по одному выходу, находящемуся на сѣверѣ.

— Каждая минута,—сказалъ Дагге,—дорога для всѣхъ людей, находящихся въ нашемъ положеніи.

Дагге только и думалъ о прибыли, которую могъ извлечь изъ путешествія, тогда какъ Росвель думалъ объ Ойстеръ-Пондѣ и Маріи.

Проведши цѣлый часъ на этой, почти совершенно голой вершинѣ, наши трое смѣльчаковъ принуждены были внезапною перемѣною погоды сойти съ горы.

Всегда не такъ опасно всходить на гору, какъ спускаться. Росвель зналъ это очень хорошо и предложилъ было подождать, пока прояснится, но боялся, чтобы не пришлось долго ждать.

Наконецъ, онъ, хотя и противъ воли, но со всевозможною осторожностью, пошелъ за Дагге. Стимсонъ заключилъ шествіе.

Въ продолженіе первыхъ десяти минутъ наши смѣльчаки подвигались съ большимъ затрудненіемъ.

Они примѣтили дорогу, по которой взошли на гору, и начали сходить по ней. Скоро увидали, сколько имъ надо было благоразумія, потому что тропинки отъ снѣга сдѣлались скользкими. Дагге былъ смѣлъ и пошелъ впереди своихъ товарищей, говоря имъ, чтобы они шли за нимъ и ничего не боялись. Наконецъ, трое достигли того мѣста, гдѣ имъ казалось невозможнымъ восторжествовать надъ встрѣтившимися имъ препятствіями. Надъ ними была гладкая поверхность утеса, уже покрытая снѣгомъ, а они не могли столь далеко видѣть, чтобы распознать, куда идетъ

эта наклонная поверхность. Дагге утверждалъ, что знаетъ мѣстность и что проведетъ ихъ всѣхъ. По его мнѣнію, это былъ утесистый уступъ, и что надо было сдѣлать большой обходъ, чтобы достигнуть извѣстнаго ущелья, которое представляло довольно удобный путь. Они хорошо припомнили утесистый уступъ и ущелье; только оставалось узнать, дѣйствительно ли тотъ утесъ находился подъ ними и столь близко, какъ предполагалъ Дагге, который, увлекаясь излишнею смѣлостью, отказался отъ каната, предложеннаго ему Росвелемъ, сѣлъ на снѣгъ, покатился впередъ и скоро исчезъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось?—вскричалъ Росвель, стараясь проникнуть взглядомъ пространство.—Его не видать.

— Держите веревку и дайте мнѣ другой конецъ. Я пойду его отыскивать,—сказалъ Стимсонъ.

Росвель согласился на это предложеніе и спустилъ Стимсона къ подошвѣ утеса, пока совершенно не потерялъ его изъ вида. Стимсонъ же, хотя исчезъ среди этой снѣжной бури, но не былъ внѣ голоса.

— Держитесь болѣе вправо, сударь,—сказалъ морякъ,—и поддерживайте меня канатомъ.

Росвель, встрѣтивши подъ ногами довольно ровную землю, такъ и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Стимсонъ потянулъ веревку и сказалъ Гардинеру:

— Капитанъ Гарперъ,—сказалъ онъ,—я теперь на утесномъ уступѣ, и дорога не слишкомъ плоха. Бросьте канатъ на снѣгъ и катитесь, какъ можно тише. Держитесь болѣе этой стороны, я тутъ и поддержу васъ.

Гардинеръ все это понялъ и, держась за веревку, достигъ до того мѣста, гдѣ Стимсонъ былъ готовъ принять его, и послѣдній, озабочиваясь тою скоростью, съ которою Росвель катился по склону, бросился навстрѣчу своему офицеру. Благодаря этой предосторожности, Росвель остановился во-время; иначе онъ скатился бы по утесному уступу и по склону, бывшему почти перпендикулярнымъ.

— Что сдѣлалось съ Дагге? — спросилъ Гардинеръ, лишь только сталъ на ноги.

— Я думаю, сударь, что онъ перебросился за утесъ.

Это было печальнымъ извѣстіемъ и особенно въ подобную минуту. Но Росвель не унывалъ. Онъ вымѣрилъ пропасть верев-

кою, пока не былъ увѣренъ, что тропулъ ея дно на пространствѣ около шести саженей. Потомъ, крѣпко придерживаемый Стимсономъ, онъ смѣло спустился на дно пропасти, котораго онъ достигъ почти на вычисленномъ имъ разстояніи.

Шелъ большой снѣгъ; хлопья были густы и крутились на углахъ утесовъ иногда такъ сильно, что засыпали молодому человѣку глаза. Росвель пошелъ по отломкамъ утесовъ.

Вой вѣтра почти совершенно препятствовалъ слышать другіе звуки, хотя одинъ или два раза онъ слышалъ или думалъ, что слышалъ крики Стимсона, находящагося надъ нимъ. Вдругъ вѣтеръ пересталъ, а солнечные лучи распространили довольно яркій свѣтъ по бокамъ утесовъ. Черезъ минуту глаза Росвеля встрѣтили тотъ предметъ, который они искали.

Дагге перекатился черезъ тотъ самый уступъ утеса, гдѣ Стимсонъ сталъ на ноги, не имѣя никакого средства, чтобы остановиться въ своемъ паденіи.

Когда Росвель нашелъ своего несчастнаго сотоварища, то этотъ послѣдній былъ уже въ памяти и владѣлъ всѣмъ своимъ хладнокровіемъ.

— Благодаря Бога, вы нашли меня, Гарнеръ, — сказалъ онъ,—я было уже отчаялся.

— Благодаря Бога, вы живы, мой другъ,—отвѣчалъ Росвель.—Кажется, вы только ранены?

— Болѣе, нежели кажется, Гарнеръ, болѣе, нежели кажется. Но вѣрно у меня переломлена лѣвая нога, и одно изъ моихъ плечъ причиняетъ мнѣ много боли, хотя оно не сломано, не вывихнуто. Это очень непріятный случай въ путешествіи, предпринятомъ для охоты за морскими тюленями.

— Не думайте объ этомъ, Дагге, я займусь вашими дѣлами.

— Позаботитесь-ли вы о шкунѣ, Гарнеръ? Обѣщайте мнѣ это, и мой умъ будетъ покоенъ.

— Я обѣщаю, что оба корабля останутся одинъ подлѣ другого до тѣхъ поръ, пока мы будемъ свободны отъ льда.

— Да, но это еще не все, надо, чтобы мой «Морской Левъ» имѣлъ такой же грузъ, какъ и вашъ. Обѣщайте мнѣ это.

— Это какъ будетъ угодно Богу. Но вотъ, Стимсонъ. Прежде всего васъ надо вынуть отсюда.

Обѣщанія Росвеля успокоили Дагге, потому что и среди припадковъ боли его мысли носились надъ его кораблемъ и гру-

зомъ. Теперь, когда онъ менѣе безпокоился въ этомъ отношеніи, онъ сдѣлался чувствительнѣе къ страданіямъ тѣла. Но какъ перенести Дагге? Нога его была переломлена немного выше лодыжки и ушиблена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, помочь ему на утесѣ, гдѣ онъ лежалъ, было совершенно невозможно, а сперва надо было перенести его на другое мѣсто. Къ счастью до подошвы горы было не очень далеко, и съ предосторожностью можно было достигнуть и до низшей части утеса. Росвель и Стимсонъ подняли Дагге въ сидячемъ положеніи, приказывая ему держаться за ихъ шеи. Раненый обязанъ былъ этому обстоятельству успѣхомъ хирургической операціи, совершенно случайной, но которая для него была очень счастлива. Когда онъ былъ поднятъ такимъ образомъ, то кость вошла въ свое мѣсто, и Дагге замѣтилъ это важное обстоятельство, о которомъ тотчасъ же и сообщилъ Росвелю.

Матросы часто исполняютъ обязанности доктора, хирурга и пастора. Росвелю уже два раза случалось вправлять члены, и онъ немного зналъ, что надо было дѣлать. Дагге сидѣлъ теперь на утесѣ, у подошвы горы съ опущенными ногами и спиною, прислоненною къ другому утесу. Лишь только его посадили такъ, то Росвель послалъ Стимсона, какъ можно скорѣе, искать помощи.

Расправляя ногу Дагге, Росвель скоро убѣдился, что кость вошла въ свое мѣсто, и связалъ ее бинтами, а потомъ лубками.

Замѣчательно то, что Дагге взялъ свой ножикъ и началъ стругать лубки, чтобы придать имъ необходимую форму и толщину. Черезъ полчаса Росвель кончилъ операцію.

Прошли четыре ужасныхъ мучительныхъ часа, прежде чѣмъ люди, за которыми пошли, достигли подошвы горы. Они привезли одноколесную телѣжку, которую употребляли для своза тюленьихъ шкуръ по утесамъ и которою воспользовались для перевозки Дагге.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ГЛАВА XVIII.

Онъ ѣдетъ туда, гдѣ едва брезжитъ лѣто; къ скаламъ Берингова пролива, на голые острова Гренландіи; холодные полуночные вѣтры обвѣваютъ пустыни, которыя спятъ подъ вѣчными снѣгами и приносятъ вмѣстѣ съ багровой окраской волнъ долгій вой волковъ съ береговъ Уналашки.

Кемпбелль.

На другой день утромъ Росвель, занимался своими обыкновенными дѣлами, былъ очень задумчивъ. Теперь для него ничего не значило, что Дагге находился на островѣ тюленей; но оставалась еще тайна, тайна скрытаго сокровища. Если обѣ шкуны болѣе не разлучатся, то какъ онъ могъ исполнить эту часть своихъ обязанностей, не соглашаясь на товарищество, противъ котораго возстала бы вся нравственная и физическая природа Пратта? А между тѣмъ онъ уже далъ слово и не могъ уѣхать: онъ рѣшился помочь «Морскому Льву» изъ Виньярда, пополнить его кладь, предоставляя себѣ позднѣе отдѣлаться отъ своего товарища по путешествію, когда оба корабля поплывутъ на сѣверъ.

Лейтенантъ шкуны Дагге, хотя и хорошій охотникъ за тюленями, былъ пылкаго характера и уже нѣсколько разъ порицалъ благоразуміе Росвеля. Маси, это было его имя, думалъ, что надо произвести общее нападеніе на тюленей, а потомъ окончить предпріятіе сушеньемъ шкуръ. Онъ видалъ, что подобныя дѣла совершались съ успѣхомъ, и думалъ, что нельзя было и выбрать лучшей системы. Въ одно прекрасное утро, говорилъ онъ, капитанъ Гарнеръ выйдетъ и увидитъ, что его стадо отправилось на другія пастбища. Этого мнѣнія Росвель никогда не раздѣлялъ. Его благоразумная политика дала прекрасные результаты, и онъ, надѣялся, что все это такъ и будетъ продолжаться до наполненія груза обѣихъ шкунъ.

На другой день утромъ, въ то время, когда являлись къ нему всѣ люди, онъ, какъ начальникъ обѣихъ шкунъ, возобновилъ свои совѣты и въ особенности объяснилъ новопришельцамъ необходимость не пугать тюленей болѣе, сколько это необходимо для дѣла. Ему отвѣчали: «да, да, сударь», какъ обыкновенно, и люди, по виду очень склонные повиноваться его приказаніямъ, отправились на утесы.

Маси считалъ себя законнымъ начальникомъ шкуны время отсутствія Дагге и думалъ, что этотъ послѣдній не имѣлъ никакого права, подчинить его и Виньярдскій экипажъ власти другого начальника.

— Выгода требуетъ, чтобы съ твореніями обходились осторожно, — сказалъ смѣясь, Маси, нанося первый ударъ пикою тюленю; возьмите, ребята, эту игрушку и положите ее въ люльку, а я пока поищу его мать.

Смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту шутчу, и рабочіе, видя съ какою свободою выражались ихъ офицеры, были расположены къ шуму и неповиновенію.

— Дитя въ своей колыбели, г. Маси,—сказалъ Джемсъ, бывшій столь же насмѣшливымъ, какъ и его капитанъ. Я думаю, что лучшее средство усыпить его—ударить о нахмуренныя головы красавцевъ, расположившихся около насъ.

Въ одну минуту утесы, находившіеся на этой сторонѣ острова, стали театромъ очень оживленной бойни и необыкновеннаго шума. Газаръ, бывшій недалеко, успѣлъ удержать людей своего экипажа, но про виньярдцевъ можно было сказать, что они сошли съ ума.

Правда, убили большое число тюленей, но изъ двадцати, которые, въ страхѣ, искали убѣжища въ океанѣ, не убили ни одного. Всѣ животныя боязливо кричали. Часто видѣли, что стадо животныхъ обращалось въ бѣгство безъ всякой видимой причины, а слѣдуя своему инстинкту. То же было и съ тюленями, потому что утесы были пусты почти на цѣлую милю отъ мѣста побоища. Слѣдствіемъ этого было то, что Газару и его людямъ нечего было болѣе дѣлать.

— Вы, г. Маси, безъ сомнѣнія знаете, что все это противно даннымъ вамъ приказаніямъ, и знаете, что я принужденъ донести объ этомъ.

— Пожалуй!—было отвѣтомъ.—У меня только одинъ начальникъ, капитанъ Дагге, и если вы, Газаръ, его увидите, то скажите ему, что у насъ нынче было прекрасное утро.

— Да, да, нынче у васъ руки полны, но что будетъ завтра?

— То же, что нынче. Тюлени придутъ на берегъ, и мы надѣемся тамъ ихъ встрѣтить. У насъ было нынче столько работы, сколько не было въ два дня, со времени нашего прибытія сюда.

— Это правда, но что вы будете дѣлать завтра? Однако,

я скажу капитану Дагге то, что вы поручаете мнѣ сказать ему, а мы увидимъ, что онъ подумаетъ объ этомъ предметѣ.

Газаръ продолжалъ итти, покачивая головою, по мѣрѣ того, какъ приближался. Онъ не ошибся въ гнѣвѣ Дагге. Этотъ опытный охотникъ за тюленями, приказалъ позвать своего лейтенанта. Маси получилъ большой выговоръ и ему пригрозили отставленіемъ отъ должности, если хотя еще одинъ разъ нарушитъ данныя ему приказанія.

Но зло было сдѣлано. Охота за тюленями не была уже болѣе правильнымъ занятіемъ, но сдѣлалась чѣмъ-то ненадежнымъ, перемѣнчивымъ.

Черезъ три недѣли послѣ несчастнаго случая съ Дагге, его выздоровленіе очень подвинулось. Его кости уже срослись, а нога, черезъ мѣсяцъ, обѣщала быть столь же крѣпкою, какою была прежде.

Капитанъ Гольмъ-Гольской шкуны началъ ходить на костыляхъ. Съ большими предосторожностями, онъ успѣлъ сойти на уступъ утеса, раскинувшагося въ видѣ террасы надъ домомъ, на пространствѣ двухсотъ метровъ. Здѣсь-то поутру, въ воскресенье, встрѣтились Росвель и Дагге, спустя три недѣли послѣ ихъ восхожденія на гору.

Они оба сѣли у подошвы утеса и стали разговаривать о своихъ планахъ и состояніи своихъ кораблей. Стефанъ, по обыкновенію, былъ подлѣ своего офицера.

Росвель объявилъ капитану Дагге, что его шкуна полна, тогда какъ виньярдская шкуна вполовину, и что теперь уже нельзя было надѣяться пополнить ея грузъ, потому что нападеніе, сдѣланное Маси на тюленей, причинило цѣлый мѣсяцъ остановки, и что можно увѣриться, что съ каждымъ днемъ эти животныя будутъ дѣлаться дичѣе. Росвель кончилъ слѣдующими словами:

— Подумайте, какъ важно для насъ не оставаться здѣсь подъ столь высокой широтой, послѣ того, какъ насъ оставитъ солнце.

— Я понимаю васъ, Гарнеръ,—спокойно отвѣчалъ Дагге,— вы хозяинъ вашей шкуны, и я увѣренъ, что Праттъ былъ бы очень счастливъ, видя васъ, идущимъ между Шелтеръ-Айлэндомъ и Ойстеръ-Пондомъ. Я несчастный калѣка; иначе виньярдская шкуна не медлила бы такъ долго.

Росвель отгадалъ, что его великодушіе испытывается Дагге, и очень разсердился, но удержался и, несмотря на нѣкоторыя горькія слова капитана Дагге, далъ ему новое доказательство своей преданности.

— Вотъ что я сдѣлаю, Дагге,—сказалъ Гарнеръ, я останусь еще на двадцать дней, и помогу вамъ, сдѣлать вашъ грузъ, послѣ чего, что бы не случилось, я отправлюсь.

— Дайте мнѣ руку, Гарнеръ. Я зналъ, что у васъ есть сердце, и что оно выкажется при удобномъ случаѣ.

Росвель самъ понималъ, что обѣщалъ Дагге болѣе того, что долженъ былъ обѣщать; чувство братства имѣло надъ нимъ большую власть и онъ не хотѣлъ дѣлать ничего похожаго на оставленіе товарища ло опасности въ затруднительномъ положеніи. Онъ хорошо зналъ, что помогалъ сопернику, и что Дагге, навѣрное, желалъ остаться съ нимъ, чтобы итти съ нимъ до того берега, гдѣ было скрыто сокровище. Но Росвель уже рѣшился остаться еще на двадцать дней и сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы помочь виньярдскому экипажу.

Охоту за тюленями продолжали съ большимъ порядкомъ, нежели подъ управленіемъ Маси, слѣдовали тѣмъ же правиламъ благоразумія, которыми руководились при началѣ; и успѣхъ былъ тотъ же; каждый вечеръ, при возвращеніи домой у Гардинера было доброе извѣстіе. Дагге никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда Росвель разсказывалъ ему о томъ, какъ убили одного стараго морского льва или слона, или пушистаго тюленя.

Росвель былъ счастливъ, видя приближающійся конецъ уступленныхъ имъ двадцати дней.

Мартъ былъ близокъ, и большія ночи уже наступили; однако, виньярдская шкуна не была еще полна, и Дагге не могъ ходить безъ костылей; но Росвель, вечеромъ послѣдняго дня, приказалъ перестать охотиться за тюленями и готовиться къ отъѣзду.

— Вы рѣшились, Гарнеръ, — сказалъ умоляющимъ голосомъ Дагге.—Еще бы недѣлю, и моя шкуна была бы полна.

— Ни одного дня болѣе,—былъ отвѣтъ.—Я уже долго оставался, и отправлюсь нынѣшнимъ утромъ. Если вы хотите слѣдовать моему совѣту, капитанъ Дагге, то сдѣлаете то же. Зима

подъ этими широтами наступаетъ почти также, какъ у насъ весна. Я вовсе не хочу итти на авось среди льдовъ, когда ночи будутъ длиннѣе дней.

— Все это правда, Гарперъ, слишкомъ правда, но съ какимъ же видомъ я приведу въ Гольмъ-Голь шкуну въ половину полную?

— У васъ много запасовъ. Идя къ сѣверу, остановитесь и ловите китовъ подлѣ Фалкландскихъ острововъ. Я лучше соглашусь остаться тамъ цѣлый мѣсяцъ съ вами, нежели здѣсь еще день.

— Вы меня бѣсите, когда говорите мнѣ объ этой группѣ острововъ. Я увѣренъ, что еще нѣсколько недѣль не будетъ льда на этомъ берегу.

— Это можетъ быть, но это никакъ не сдѣлаетъ дни длиннѣе и не проведетъ насъ среди ледяныхъ полей и горъ, которыя приплывутъ къ сѣверу. Нѣсколько миль которыя мнѣ надо сдѣлать по океану, безпокоятъ меня болѣе, нежели всѣ тюлени, оставшіеся на этихъ островахъ. Но слова безполезны, я отправляюсь завтра, и если вы разсудительны, то мы отплывемъ вмѣстѣ.

Дагге покорился. Онъ хорошо зналъ, что было безполезно оставаться безъ помощи Росвеля и его экипажа, потому что уже не могъ болѣе довѣриться Маси.

Всѣ съ радостью получили приказаніе готовиться къ отъѣзду, и видъ домашняго очага явился въ мысляхъ всякаго.

Никогда корабли не готовились поспѣшнѣе къ отъѣзду, какъ оба «Морскіе Льва». Правда, что ойстеръ-попдскій былъ уже готовъ около пятнадцати дней, но виньярдцы далеко такъ не подвинулись.

Гдѣ была Марія въ тотъ день, когда Росвель далъ приказаніе готовиться къ отъѣзду? Кѣмъ она занималась и о чемъ она думала! Она была счастлива въ домѣ своего дяди, въ которомъ она провела большую часть своего дѣтства. Марія безпокоилась о Росвелѣ, только по причинѣ столь долгаго путешествія и того моря, по которому онъ плавалъ. Она знала, что время его возвращенія наступило, и что онъ долженъ находиться въ дорогѣ, а такъ какъ надежда есть чувство не менѣе дѣятельное, какъ и обманчивое, то она воображала, что онъ скоро пріѣдетъ.

— Не странно ли, Марія,—сказалъ ей однажды ея дядя,—

что Росвель не пишетъ? Если бы онъ понималъ, что чувствуетъ человѣкъ, котораго собственность находится отъ него на столько тысячъ миль, то я увѣренъ, что онъ написалъ бы мнѣ и не оставлялъ бы меня въ такомъ безпокойствѣ.

— Съ кѣмъ же онъ могъ написать, дядюшка?—отвѣчала его племянница съ своею обычною разсудительностью. — Въ антарктическихъ моряхъ нѣтъ ни почтовыхъ конторъ, ни путешественниковъ, которые могли бы взять его письма.

— Но онъ писалъ же однажды, и тогда были прекрасныя извѣстія.

— Онъ писалъ намъ изъ Ріо, потому что это было возможно. По моимъ вычисленіямъ, Росвель долженъ былъ окончить свою ловлю назадъ тому три или четыре недѣли и уже сдѣлать нѣсколько тысячъ миль на пути въ Ойстеръ-Пондъ.

— Ты такъ думаешь, дочь моя, ты такъ думаешь!—вскричалъ Праттъ съ глазами, блестѣвшими отъ удивленія. Это прекрасная мысль, и если онъ не остановится въ своей дорогѣ, то мы можемъ надѣяться увидать его черезъ три мѣсяца.

Марія задумчиво улыбнулась, и ея щеки сильно покраснѣли.

— Я думаю, дядюшка, что Росвель нигдѣ не остановится на возвратномъ пути въ Ойстеръ-Пондъ.

— Я старался бы такъ думать, но самая главная часть его путешествія есть западная Индія и я надѣюсь, что онъ человѣкъ не способный пренебречь своими обязанностями.

— Росвель долженъ будетъ остановиться подлѣ береговъ западной Индіи, дядюшка?

— Навѣрное, если исполнитъ полученныя имъ приказанія, и я надѣюсь, что молодой человѣкъ не забудетъ ничего. Но онъ тамъ не долго останется.

Въ эту минуту лицо Маріи прояснилось.

— Если вы не обманываетесь, то мы можемъ ожидать его черезъ три мѣсяца.

Марія нѣсколько времени молчала, но ея прекрасное лицо выражало счастье, которое, однако, было нарушено замѣчаніемъ дяди, обращеннымъ къ ней.

— Если Гарнеръ, — сказалъ Праттъ, — возвратится сюда, успѣвъ въ охотѣ за тюленями и въ другомъ дѣлѣ, то есть, въ западной Индіи, наконецъ, успѣвши во всемъ, то я желалъ бы

знать, согласитесь ли вы на его предложеніе, предполагая, что онъ самъ нисколько не перемѣнился?

— Если онъ не перемѣнился, то я никогда не буду его женою,—отвѣчала съ твердостью Марія, хотя ея сердце въ эту минуту сильно билось.

Праттъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потому что до этого думалъ, что единственная причина, по которой Марія, сирота и бѣдная, отказывалась съ такимъ упорствомъ быть женою Росвеля Гардинера, была бѣдность послѣдняго.

Хотя Праттъ любилъ Марію болѣе, нежели признавался въ атомъ самому себѣ, но, однако, не рѣшился еще назначить ее наслѣдницею своего богатства. Мысль разлучиться съ нимъ была для него ужасна, а потому онъ не могъ и подумать о завѣщаніи. Если бы онъ не сдѣлалъ этого акта, то Марія не имѣла бы никакой части въ его имуществѣ. Праттъ это зналъ, а потому очень сильно безпокоился: въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, онъ самъ замѣтилъ безпокойные признаки въ своемъ здоровьи и однажды даже написалъ: «Во Имя Бога Всемогущаго, Аминь». Но это было для него большимъ усиліемъ, и онъ остановился на этомъ. Однако, Праттъ любилъ свою племянницу и желалъ, чтобы она вышла за молодого Гардинера при его возвращеніи, особенно если бы онъ имѣлъ успѣхъ.

ГЛАВА XIX.

Бѣдное дитя опасности, питомецъ бури, ужасны печали, изнуряющія это мощное тѣло! Скалы и вѣтры тормозятъ твой челнокъ, разбитый волнами; твое сердце болитъ, твой очагъ далеко.

Кемпбелль.

Было около полудня, когда оба «Морскіе Льва» подняли паруса для отплытія съ острова тюленей. Всѣ матросы были на палубѣ, и ни что на этой безплодной землѣ не обозначало присутствія человѣка, исключая пустого дома и четырехъ кучъ деревьевъ, выросшихъ на Шелтеръ-Айлэндѣ и Виньярдѣ, и которыя теперь оставляли на утесахъ южнаго океана. Слышались пѣсни людей составлявшихъ экипажъ, которые были счастливы и веселы. Они только и думали о радости возвращенія. Датто былъ на палубѣ и принялъ начальство надъ своею шкуной, хотя ходилъ еще съ нѣкоторою осторожностью, тогда какъ Росвель былъ вездѣ. Цѣлое утро ему представлялась Марія, и онъ ни

минуты не думалъ объ удовольствіи, когда онъ увидитъ дядю и скажетъ ему.

— Г. Праттъ, вотъ ваша шкуна съ хорошимъ грузомъ слоновьяго жира и тюленьихъ шкуръ.

Ойстеръ-пондская шкуна первая отчалила отъ берега. Вѣтеръ въ этой бухтѣ былъ не слишкомъ силенъ, но его было вполнѣ достаточно для движенія шкуны.

Росвель, сдѣлавши въ бухтѣ около мили, дожидался другой шкуны. Черезъ четверть часа Датге былъ на разстояніи голоса.

— Ну,—сказалъ этотъ послѣдній,—вы видите, Гардиперъ, что я правъ, у насъ довольно вѣтра съ этой стороны и еще болѣе со стороны земли. Намъ только остается плыть среди ледяныхъ горъ, пока будетъ свѣтло, и выбрать мѣсто, гдѣ бы мы могли провесть ночь. Я не думаю, чтобы можно было плыть ночью среди всѣхъ этихъ льдовъ.

— Я хотѣлъ бы, — отвѣчалъ Росвель,—чтобы мы плыли какъ можно скорѣе и могли бы проплыть этотъ ледъ днемъ. Десять часовъ такого вѣтра, и мы будемъ внѣ льдовъ.

— Теперь,—сказалъ Датге,—я тороплюсь также, какъ и вы.

Оба корабля продолжали плыть къ тому мѣсту, которое было подъ вѣтромъ, туда, гдѣ виднѣлся большой проходъ во льду, и гдѣ они надѣялись пройти къ сѣверу.

Такъ какъ Датге былъ болѣе опытный морякъ, то оба капитана согласились, чтобы его шкуна шла впереди. Черезъ часъ оба корабля вышли изъ большой бухты и группы острововъ, плывя около десяти узловъ въ часъ. По мѣрѣ удаленія ихъ отъ земли, начали подниматься волны, и все предвѣщало вѣтеръ, хотя не очень крѣпкій.

Наступила ночь, и на сѣверѣ замѣтили бѣловатую цѣпь ледяныхъ горъ, отражавшихъ косвенные лучи заходящаго солнца. Вокругъ шкунъ было большое пространство воды, совершенно свободное отъ льда и даже не было видно большихъ льдинъ. Датге думалъ провести ночь подъ вѣтромъ плавающихъ горъ.

Первые часы этой ночи прошли въ ужасной темнотѣ.

Датге направился къ цѣпи горъ, не принимая другихъ предосторожностей, кромѣ уменьшенія парусовъ и дѣятельной бдительности. Каждыя пять минутъ съ вершины задней мачты слышались слѣдующія слова: «смотри впередъ». Ни одинъ человѣкъ не сходилъ съ палубы. Безпокойство было очень сильно и

даже послѣдній изъ матросовъ зналъ, что слѣдующіе двадцать четыре часа опредѣлятъ судьбу путешествія.

Дагге и Росвель безпокоились все болѣе и болѣе съ того времени, когда должна была бы взойти луна, которая все что-то еще не показывалась. По небу шло нѣсколько облаковъ, но звѣзды блестѣли, какъ обыкновенно, свѣтомъ хоть не яркимъ, но величественнымъ. Но не было еще такъ темно, чтобъ нельзя было различить предметовъ на довольно значительномъ разстояніи, и экипажи обѣихъ шкунъ очень ясно видѣли вдали, на очень значительномъ пространствѣ цѣпь плавающихъ ледяныхъ горъ.

Около девятаго часа этой замѣчательной ночи, густой туманъ, распространившійся надъ океаномъ, увеличивалъ темноту. Это сдѣлало Дагге еще болѣе осторожнымъ, и онъ направился къ западу, чтобы не попасть въ средину льдовъ. Росвель слѣдовалъ за его движеніями, и когда луна разсыпала свои пріятные лучи по этой необыкновенной сценѣ, обѣ шкуны были на зыбкомъ морѣ менѣе, чѣмъ на милю отъ цѣпи горъ. Скоро увидали, что ледяныя равнины находились подлѣ плавучихъ горъ и распространялись довольно далеко на югъ, а потому могли составить препятствіе, если не опасное сосѣдство. Но эти равнины не похожія на тѣ, которыя шкуна уже встрѣтила, были прорѣзаны напоромъ волнъ, имѣли не болѣе четверти мили въ діаметрѣ и были не крупнѣе обыкновеннаго рѣчного льда. Сосѣдство этихъ льдовъ примѣтили по шуму, производимому столкновеніемъ льдинъ, и который, несмотря на ревъ вѣтра, былъ слышенъ.

Наши оба капитана начали сильно безпокоиться. Скоро увидали, что Дагге былъ очень дерзокъ и безъ достаточной предосторожности и предусмотрительности направился къ льдамъ.

По мѣрѣ того, какъ всходила луна, легко было оцѣнить опасности, которымъ подвергались. Не было ничего величественнѣе сцены, развернувшейся передъ глазами моряковъ и могущей представить глазамъ самое большое наслажденіе, если бы опасность, которой подвергались обѣ шкуны, бывшія подъ вѣтромъ ледянаго берега, если можно такъ выразиться, говоря о плавающихъ массахъ, не была бы слишкомъ очевидна.

Около десяти часовъ луна взошла надъ горизонтомъ довольно высоко; туманъ росою осѣдалъ на ледъ, на которомъ за-

мерзалъ и помогъ остановить оттепель. Океанъ въ эту минуту казался свѣтящимся, и всѣ предметы на немъ обозначились ясно. Тогда-то моряки совершенно поняли трудность своего положенія. Смѣлые люди обыкновенно безпечны въ темнотѣ, но когда опасность очевидна, ихъ движенія показываютъ болѣе благоразумія и осторожности, нежели движенія людей робкихъ. Лишь только Дагге замѣтилъ огромныя массы ледяной равнины, которыя, плывя по зыблющимся волнамъ океана, сталкивались между собою и производили тотъ же шумъ, какъ бурунъ на морскомъ берегѣ, онъ далъ почти инстинктивно приказаніе спустить паруса и поставить корабль противъ вѣтра, по крайней мѣрѣ, насколько позволитъ это его конструкція. Росвель замѣтилъ эту перемѣну маневра и, какъ оно незначительно ни было, подражалъ ему. Большія льдины, тѣ, которыя можно назвать бродягами этой великой арміи, были такъ близко, что каждый изъ кораблей, проходя подлѣ нихъ, получилъ нѣсколько небольшихъ сотрясеній отъ льдинъ, къ нему наиболѣе близкихъ.

Было ясно, что корабли зашли въ средину льдовъ, и что Дагге во-время приказалъ уменьшить паруса.

Слѣдующіе полчаса были полны ужаснаго ожиданія. Замѣчали обломокъ льда за обломкомъ, и шкуна получала толчекъ за толчкомъ, пока, наконецъ, глазамъ мореплавателей не представилась ледяная равнина. Она была похожа на неизмѣримую громаду, простирающуюся на югъ, столь далеко, сколько могъ видѣть глазъ. Оставалось только поворотить корабль.

Дагге, увѣрившись въ положеніи дѣлъ, приказалъ поднять передній парусъ и спустилъ задній треугольный. Въ это время, обѣ шкуны были подъ своими фоками, марселями и гротомъ съ двумя рифами. Эти паруса были не слишкомъ благопріятны для поворачиванія корабля, потому что для этого было довольно задняго паруса; маневрировали очень старательно, и оба корабля одинаково успѣшно пробирались среди необозримаго пространства, покрытаго льдинами, и слышно было какъ ледъ ударялся въ бока кораблей.

Невозможно было принять другое направленіе, прежде чѣмъ шкуны не были бы окружены льдомъ, и Дагге, замѣтивши на небольшомъ разстояніи нѣсколько открытый проходъ, смѣло подошелъ къ нему; Росвель слѣдовалъ за нимъ вблизи. Черезъ десять минутъ они находились на одну милю отсюда, среди ле-

PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

не перегибайте книгу при чтении

дяной равнины, что сдѣлало безуспѣшными всѣ усилія направиться къ вѣтру. Датге рѣшился на этотъ маневръ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не позволяли другого, хотя этотъ, можетъ быть, не былъ самый лучшій, къ которому должно было прибѣгнуть. Теперь, когда шкуны такъ далеко проникли въ ледяную равнину, вода была менѣе наполнена льдинами, хотя волненіе океана было еще очень сильно, и удары льда становились ужасными. Шумъ, происходящій отъ льда, былъ столь силенъ, что едва можно было слышать вой вѣтра и то промежутками,— это былъ звукъ, похожій на шумъ постоянныхъ лавинъ, сопровождаемый шумомъ, похожимъ на трескъ ледниковъ.

Шкуны взяли на гитовы свои паруса съ двойною цѣлью: замедлить ходъ и для лучшей перемѣны ихъ, чтобы избѣгнуть тѣхъ опасностей, которыя могли встрѣтить. Эти перемѣны были часты, но съ помощью смѣлости, бдительности и опытности, Датге успѣлъ проплыть проходъ уже описанный. Онъ былъ похожъ на каналъ, проведенный среди льда, образованный тѣми потоками, въ которыхъ никакъ нельзя дать себѣ отчета, и имѣлъ съ четверть мили въ ширину. Этотъ каналъ велъ къ ледянымъ горамъ, находившимся менѣе чѣмъ на одну милю. Датге, не изучивши мѣстоположенія, пошелъ по этому каналу,—Росвель слѣдовалъ за нимъ. Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ они находились противъ того величественнаго алебастроваго города, который плавалъ на южномъ морѣ.

Шкуны не сдѣлали среди горъ еще и одного лье, а уже почувствовали, что сила порывовъ вѣтра и движеніе волнъ, сдѣлались гораздо менѣе. Но чего, можетъ быть, и не ожидали, ледяная равнина совершенно уничтожила проходы, бывшіе между горами, и единственное затрудненіе, которое встрѣчали при плаваніи, состояло въ томъ, чтобы выбирать проходы во льду, остававшіеся не запертыми. Въ это время ходъ обѣихъ шкунъ былъ очень медленъ, горы перехватывали вѣтеръ, хотя иногда слышали его вой въ глубинѣ ледяныхъ пропастей, какъ будто онъ хотѣлъ вырваться и свободно царствовать надъ волнами океана.

Такъ какъ море было довольно свободно и вѣтеръ, исключая отверстій нѣкоторыхъ проходовъ, былъ не силенъ, то ничто не препятствовало шкунамъ сойтись ближе одна къ другой. Это было сдѣлано, и оба капитана совѣтовались о настоящемъ положеніи.

— Вы, Дагге, очень смѣлы,—сказалъ Росвель, и я не хотѣлъ бы плыть за вами въ путешествіи вокругъ свѣта. Теперь мы среди нѣсколькихъ сотенъ ледяныхъ горъ, представляющихъ, признаюсь, прекрасный видъ. Но какъ мы изъ нихъ выйдемъ?

— Лучше быть здѣсь, Гардинеръ,—сказалъ Дагге,—чѣмъ среди ледяныхъ обломковъ.

— Вы отчасти справедливы, но я хотѣлъ бы, чтобы каналы были немного шире теперешнихъ. Если какія-нибудь двѣ изъ этихъ горъ соединятся, то наши маленькіе корабли разобьются, какъ орѣхи въ щипчикахъ.

— Надо остерегаться. Вотъ проходъ, кажущійся довольно длиннымъ и ведущій на сѣверъ столь далеко, сколько мы можемъ желать. Если намъ будетъ возможно доплыть по немъ до конца, то наше возвращеніе въ Америку кажется мнѣ несомнѣннымъ.

Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ называетъ свою страну «Америкою по преимуществу», никогда не прибавляя названія сѣверной, какъ большая часть европейскихъ народовъ. Подъ словомъ Америка, Дагге подразумѣвалъ восточный берегъ Лонгъ-Айлэнда, островъ Гардинера и Виньярдъ.

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Гардинеръ,—мы не выйдемъ изъ этого льда, не сдѣлавши тысячи миль. Не думаю того, что мы постоянно будемъ плыть въ такой ледяной пустынѣ, какъ теперь, но послѣ подобнаго лѣта, которое мы провели, мы, Дагге, можемъ разсчитывать, что ледъ будетъ простираться до 45 градуса, если не на нѣсколько градусовъ выше.

— Это очень возможно, я самъ видалъ льды подъ 42 градусомъ и подъ 40 на сѣверъ отъ экватора... Но. Гардинеръ, что это такое?

На обѣихъ корабляхъ было не слышно ни одного слова, даже на нихъ едва дышали. За звукомъ хотя глухимъ, но очень сильнымъ, послѣдовалъ шумъ массы, погрузившейся въ воду, какъ будто развалины какой-нибудь другой планеты упали на нее.

Всѣ сосѣднія горы были потрясены, какъ приведенныя въ движеніе землетрясеніемъ. Эта часть картины имѣла въ одно время что-то ужасное и величественное. Нѣкоторые изъ этихъ льдовъ поднимались перпендикулярно на двѣсти футовъ и представляли поверхности, похожія на стѣны въ полмили длины.

Въ мѣстѣ, гдѣ находились въ эту минуту шкуны, ледяные острова были необширны, но очень высоки, и весьма легко уступали силѣ вѣтра и волнъ. Между тѣмъ огромная волна вдругъ вошла въ проходъ, подняла шкуны на огромную вышину и бросила ихъ, какъ пробки, на пятьдесятъ футовъ ниже на разстояніи по крайней мѣрѣ ста ярдовъ. Другія волны, хотя менѣе высокія и менѣе стремительныя, слѣдовали за этой, пока воды не приняли своего естественнаго движенія.

— Это землетрясеніе,—сказалъ Дагге,—вулканическое изверженіе. Подземный толчокъ потрясъ морскіе утесы.

— Нѣтъ, сударь, — отвѣчалъ Стимсонъ съ носа своей шкуны,—это не такъ, капитанъ Дагге. Одна изъ этихъ ледяныхъ горъ перевернулась и потрясла всѣ другія.

Хотя это было настоящее объясненіе происшедшаго, но оно не могло представиться уму менѣе опытныхъ моряковъ. Это была самая обыкновенная опасность среди льдовъ, въ которой можно дать себѣ отчетъ.

Такъ какъ поворотить шкуны назадъ было очень поздно, то корабли продолжали съ тою же смѣлостью плыть впередъ. Проходъ между горами былъ, тогда совершенно прямъ, достаточно широкъ и допускалъ протокъ вѣтра. Вычислили, что шкуны сдѣлали три морскихъ мили въ часъ, слѣдующій за тѣмъ временемъ, въ которое поворотилась ледяная гора.

Въ концѣ назначеннаго часа, «Морской Левъ» изъ Виньярда перемѣнилъ свой ходъ и направился къ западу. Проходъ, находившійся передъ ними, закрылся и только оставался одинъ открытый выходъ, къ которому тихо и поплыла шкуна. Росвель былъ на вѣтрѣ, а Дагге подъ вѣтромъ. Проходъ, въ который Дагге успѣлъ направить свою шкуну, былъ чрезвычайно узокъ и грозилъ быстро закрыться, но если шкуна успѣла бы пройти это первое, столь опасное ущелье, то далѣе онъ былъ гораздо шире. Росвель предостерегалъ Дагге и говорилъ ему, что эти горы навѣрное сойдутся.

Лишь только Дагге вошелъ въ каналъ, какъ огромная масса льда упала съ вершины одной горы, закрывая позади себя проходъ, что заставило Гардинера какъ можно скорѣе удалиться отъ горы, колебавшейся на своемъ основаніи. Слѣдующая сцена дѣйствительно имѣла что-то ужасное! Крики, поднявшіеся на палубѣ судна, находившагося впереди, показали

опасность, которой оно подвергалось, но для Росвеля итти столь далеко съ своею шкуною было невозможно. Онъ только могъ спустить шлюпку въ море и плыть къ опасному мѣсту.

Онъ это исполнилъ мужественно, но съ душою, исполненною безпокойства, и совершенно смущеннымъ сердцемъ. Онъ провелъ свою шлюпку подъ сводомъ, образованнымъ кускомъ упавшаго льда, и скоро находился подлѣ корабля Дагге. Этотъ корабль потерпѣлъ большое поврежденіе, но не совершенное кораблекрушеніе. Однако, только кусокъ льда, отколовшійся отъ горы, воспрепятствовалъ шкунѣ быть разбитой въ прахъ. Эта огромной величины глыба раздѣлила обѣ горы, и такъ какъ онѣ не могли сблизиться, то, мало-по-малу, отдѣляясь отъ того мѣста, гдѣ такъ готовы были соединиться, начали тихо поворачивать къ потоку. Черезъ часъ дорога освободилась, и шлюпки пробуксировали шкуну въ большой широкій проходъ.

ГЛАВА XX.

Голосъ въ преріи, женскій крикъ страданія, смѣшавшійся съ глухимъ и жестокимъ дыханіемъ осени.

Мистриссъ Сигурней.

Случай происшедшій съ «Морскимъ Львомъ» изъ Виньярда, былъ въ концѣ марта, соотвѣтствующаго въ южномъ полушаріи нашему сентябрю.

Пока наши моряки находились среди льдовъ южнаго моря, приготовлялась большая перемѣна въ мысляхъ Пратта и его племянницы. При отправленіи капитана Гардинера, думали, что его отсутствіе не продолжится болѣе одного года. Всѣ имѣвшіе родныхъ и друзей на палубѣ шкуны такъ и разсчитывали, но каково же было ихъ безпокойство, когда первые лѣтніе мѣсяцы не возвратили смѣльчаковъ. Недѣли шли за недѣлями, а корабль не приходилъ, и безпокойство замѣнилось страхомъ. Праттъ вздыхалъ при мысли объ угрожавшей ему потерѣ, находя мало утѣшенія въ прибыли, полученной отъ китоваго жира, что всегда бываетъ съ скупцами, когда ихъ сердцемъ хотя однажды овладѣваетъ мысль о прибыли. Что касается до Маріи, то тяжесть, лежавшая на ея сердцѣ, день со дня увеличивалась; улыбки отражавшія на ея лицѣ невинную и тихую радость,—исчезли, и она болѣе уже не улыбалась. Однакожъ, она никогда не жаловалась; она много молилась и находила все свое утѣшеніе

въ занятіяхъ, соотвѣтствующихъ ея чувствамъ, но рѣдко говорила о своей печали, развѣ только въ минуты слабости, когда ей надо было перенести рыданія ея дяди, жалующагося на свои потери.

Здоровье Пратта отъ безпокойства разстроилось. Онъ старѣлъ не по годамъ, и его племянница, по этому поводу, совѣтовалась съ докторомъ Сэджемъ. Прекрасная дѣвушка печально замѣчала, что ея дядя дѣлается все болѣе и болѣе суетнымъ, и что его любовь къ деньгамъ увеличивалась по мѣрѣ того, какъ жизнь отъ него уходила и онъ приближался къ тому часу, въ который время уступаетъ вѣчности. Между тѣмъ Праттъ совершенно не переставалъ заботиться о своихъ интересахъ, какъ будто былъ совершенно здоровъ. Онъ получалъ деньги и продавалъ лѣсъ и все, что могъ продать, никогда не упуская того, что могло увеличить его прибыль. Но его сердце всегда находилось на его шкунѣ.

Однажды въ концѣ ноября Праттъ и его племянница находились въ залѣ, онъ почти скрытый въ большомъ креслѣ, по причинѣ его, все увеличивавшейся слабости, она, по привычкѣ, вязала. Ихъ стулья были поставлены такъ, что ихъ взгляды могли охватить заливъ, въ которомъ Росвель передъ отъѣздомъ бросилъ якорь.

— Какой былъ бы прекрасный видъ,—сказала Марія, поднимая къ небу свои наполненные слезами глаза,—если бы мы, увидѣли «Морского Льва» на якорѣ, подлѣ острова Гардинера! Я иногда думаю, что это будетъ такъ, но этого никогда не случится! Я получила, съ Бетингомъ Джоемъ, отвѣтъ на письмо, которое писала въ Виньярдъ.

Праттъ затрясся и полуобратился къ племянницѣ, устремивши на нее глаза съ какимъ-то свирѣпымъ любопытствомъ. Любовь къ богатству возбудила въ немъ послѣдніе остатки скупости. Онъ думалъ о своей собственности, тогда какъ Марія думала о существахъ, находившихся въ опасности. Однако она довольно поняла взглядъ своего дяди, чтобъ отвѣчать ему пріятнымъ женскимъ голосомъ:

— Я не смѣла сказать вамъ, дядюшка, что не получено никакихъ извѣстій ни о капитанѣ Дагге, ни о комъ-нибудь изъ его экипажа. О шкунѣ нѣтъ никакихъ извѣстій съ тѣхъ поръ, какъ она отплыла изъ Ріо. Друзья капитана Дагге столько же

безпокоятся, какъ мы о несчастномъ Росвелѣ. Но они думаютъ, что оба корабля остались вмѣстѣ и подверглись одинаковой же участи.

— Богъ да сохранитъ насъ!—вскричалъ Праттъ съ такою силою, сколько позволяла ему его слабость.—Если Гардинеръ позволилъ Дагге сопровождать себя и однимъ часомъ болѣе нежели это сколько было нужно, то онъ заслужилъ кораблекрушеніе, хотя самая тяжелая потеря всегда падаетъ на арматора!

— Но, дядюшка, утѣшительнѣе думать, что обѣ шкуны находятся вмѣстѣ въ этихъ ужасныхъ моряхъ, нежели предполагать, что онѣ раздѣлились и порознь подвержены опасностямъ.

— Вы говорите съ легковѣрностью, свойственною женщинамъ и если бы вы знали все, то не говорили бы такъ.

— Вы часто такъ говорите, дядюшка, и я боюсь, что вы теперь заняты чѣмъ-то тайнымъ. Почему вы не довѣритесь мнѣ и не откроете вашихъ печалей? Я ваша дочь по любви, если не по рожденію.

— Ты, Марія, очень добрая дѣвушка,—отвѣчалъ Праттъ, немного успокоенный жалостнымъ тономъ одного изъ самыхъ пріятныхъ голосковъ, какой только когда-нибудь слышало человѣческое ухо;—у тебя прекрасная душа, но ты ничего не знаешь объ охотѣ за тюленями, и ничего не знаешь о томъ, что называется бодрствованіемъ надъ сохраненіемъ своей собственности.

— Я желала бы знать всѣ подробности относительно путешествія Росвеля,—прибавила она довольно громко, потому что знала, что Праттъ еще многаго не открывалъ ей.—Сообщеніе ихъ мнѣ послужило бы вамъ утѣшеніемъ.

Праттъ нѣсколько минутъ тихо размышлялъ.

— Надо, Марія, чтобы ты знала все,—наконецъ, сказалъ онъ ей.—Гардинеръ отправился отыскивать тюленей на островахъ, указанныхъ мнѣ Дагге, который умеръ назадъ тому около полутора года, островахъ, о которыхъ знаетъ только одинъ онъ, если вѣрить его словамъ. Товарищи, съ которыми онъ присталъ къ этимъ берегамъ, почти всѣ умерли, когда онъ открылъ мнѣ эту тайну.

— Я уже давно подозрѣвала это, и также подозрѣвала, что виньярдцы знали что-нибудь объ этихъ островахъ, если судить по поступкамъ капитана Дагге.

— Да, Марія. Гарнеръ, кромѣ охоты за тюленями, имѣетъ и еще порученіе.

— Я васъ не понимаю, сударь, вѣдь, Росвель отправился на охоту за тюленями?

— Конечно, въ этомъ нечего и сомнѣваться, но въ дорогѣ можетъ быть очень много остановокъ.

— Вы хотите сказать, сударь,—проговорила Марія съ сильнымъ безпокойствомъ и едва дыша,—что Росвель долженъ гдѣ-нибудь остановиться? Вы говорите о западной Индіи?

— Послушай, Марія, посмотри—не отворена ли дверь? И теперь, дитя мое, подойди ко мнѣ, потому что безполезно, чтобы я то, что хочу сказать тебѣ, прокричалъ такъ, чтобы весь Ойстеръ-Пондъ слышалъ. Потомъ, сядь тутъ и не смотри такими глазами, какъ будто бы ты ими хочешь съѣсть меня, потому что въ такомъ случаѣ память можетъ мнѣ измѣнить, и тогда ты не все узнаешь. Можетъ быть, я сдѣлалъ бы лучше, если бы сохранилъ тайну.

— Совсѣмъ нѣтъ, если она хоть сколько-нибудь касается Росвеля! Вы мнѣ часто совѣтовали выйти за него замужъ. и я должна знать все до него касающееся, если вы только хотите, чтобъ я была его женою.

— Да, Гарнеръ будетъ превосходнымъ мужемъ, и я совѣтую тебѣ за него выйти. Ты, Марія, дочь моего брата, и я обращаюсь съ тобою такъ, какъ будто ты была моею дочерью.

— Да, сударь, я знаю это. Но, что вы хотите сказать о Росвелѣ и его остановкахъ, которыя онъ можетъ сдѣлать въ дорогѣ?

— Ну, надо, Марія, чтобы ты все знала и то, что это путешествіе основано на разсказѣ того моряка, который умеръ у насъ въ прошедшемъ году. Я былъ ласковъ съ нимъ, какъ ты можешь припомнить, и онъ былъ благодаренъ. Изо всѣхъ добродѣтелей, благодарность самая лучшая, дочь моя!

Марія вздохнула, потому что знала, какъ мало жертвовалъ онъ изъ своихъ доходовъ на воспоможеніе нуждамъ другого! Она также вздохнула съ тихою покорностью при мысли, что съ такимъ трудомъ могла получить подробности, которыя испрашивала у Пратта. Но Праттъ рѣшился сказать все.

— Да, Гарнеру, кромѣ охоты за тюленями, надо еще кое-что пріобрѣсти, еще болѣе важное, нежели весь грузъ шкуны. Жиръ

всегда будетъ жиромъ, дитя мое, я это знаю, но золото всегда есть золото. Что ты думаешь объ этомъ?

Итакъ Росвель долженъ остановиться въ Ріо, чтобы продать жиръ и вырученныя деньги выслать вамъ золотомъ.

— Гораздо лучше этого, гораздо лучше этого, если онъ въ самомъ дѣлѣ воротится!

Сердце Маріи забилось.

— Да, въ этомъ-то и дѣло, если онъ воротится! Если Гарнеръ воротится, дитя мое, то я ожидаю увидѣть его съ большимъ сундукомъ, почти бочонкомъ полнымъ золота.

Праттъ, сообщая это Маріи, бросилъ вокругъ себя испуганный взглядъ, какъ будто бы онъ боялся того, что слишкомъ много сказалъ. Но тутъ была его племянница, дочь его родного брата, и это размышленіе его успокоило.

— Какимъ же образомъ Росвель достанетъ себѣ золота, если не продастъ своего груза? — спросила, видимо озабоченная, Марія.

— Это другой вопросъ. Я тебѣ, дочь моя, скажу все, и ты увидишь необходимость хранить тайну. Дагге, не тотъ, что снарядилъ другого «Морского Льва», но его дядя, который умеръ здѣсь у вдовы Уайтъ, этотъ Дагге говорилъ мнѣ о скрытомъ сокровищѣ.

— О скрытомъ сокровищѣ! Но кѣмъ же скрытомъ, дядюшка?

— Скрытомъ моряками, которые въ открытомъ морѣ не боятся накладывать руку на имущество другихъ и которые оставляютъ свою добычу въ безопасномъ мѣстѣ, пока могутъ притти и взять ее. По разсказу Дагге, оно состоитъ изъ самыхъ чистыхъ дублоновъ, хотя въ ней есть и нѣсколько тысячъ англійскихъ гиней.

— Итакъ, дядюшка, Дагге былъ пиратъ? Потому что всѣ, похищающіе имущество другого, не что иное, какъ пираты.

— Нѣтъ, совсѣмъ не онъ, но тотъ, кто сообщилъ ему эту тайну, былъ пиратъ и былъ въ той же темницѣ, въ которой сидѣлъ самъ Дагге.

— Я полагаю, однако, что Росвель увѣренъ въ томъ, что богатство, нажитое воровствомъ, принадлежитъ тому, у кого оно украдено.

— А кто такіе его законные владѣтели? — я васъ спра-

шиваю. Потому что это золото было отнято у того, у другого и, навѣрное, у множества людей. Нѣтъ, Марія, нельзя представить ни одного требованія на которую либо изъ этихъ золотыхъ монетъ; онѣ всѣ потеряны для ихъ владѣльцевъ и будутъ принадлежать тому человѣку, который успѣетъ овладѣть ими и который, въ свою очередь, сдѣлается законнымъ ихъ владѣтелемъ.

— Мнѣ очень прискорбно, дядюшка, знать, что Росвель обогатится такимъ образомъ.

— Ты говоришь, какъ молодая, легкомысленная женщина, незнающая своихъ собственныхъ правъ. Мы не похищали золота: тѣ, которымъ оно принадлежало, потеряли его назадъ тому много лѣтъ, и они теперь, можетъ быть, уже умерли, или позабыли о немъ, а при томъ имъ нельзя будетъ узнать ни одной изъ своихъ монетъ, бывшихъ въ ихъ собственности. Марія, дитя мое, никогда не должно повторять то, что я говорю тебѣ объ этомъ предметѣ.

— Не бойтесь, сударь. Но я надѣюсь, что Росвель никогда не дотронется до подобнаго богатства. У него сердце слишкомъ благородно и слишкомъ великодушно, чтобы обогатиться такимъ образомъ.

— Ну, ну, не говори болѣе, дитя мое, твои мысли слишкомъ романичны. Дай мнѣ нѣсколько крѣпительныхъ капель, потому что я усталъ отъ этого разговора. Я уже не тотъ, что былъ, Марія, и не проживу долго. Возьми газету и посмотри извѣстія, относящіяся до китовой ловли.

Марія не заставила повторять, и ея глаза скоро упали на слѣдующій параграфъ:

«Съ прибытіемъ «Сестеръ Близнецовъ» изъ Стонингтона, мы узнали, что они встрѣтили ледъ въ южномъ полушаріи очень далеко на сѣверѣ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ его не встрѣчали. Охотники за тюленями едва проложили въ немъ себѣ дорогу, и даже корабли, по направленію къ мысу Доброй Надежды, окружены льдомъ.

— Вотъ, что, Марія!—вскричалъ Праттъ.—Ужасный ледъ. Очень возможно ,что этотъ ледъ принудилъ Гардинера податься назадъ, чтобы выждать болѣе благопріятнаго времени и потомъ направиться къ сѣверу.

— Ахъ!—сказала Марія.—Зачѣмъ мы не довольствуемся,

благами, дарованными намъ Провидѣніемъ, вмѣсто того, чтобъ отправляться въ такія далекія путешествія для пріобрѣтенія излишнихъ богатствъ?

— Можетъ быть, во все это время,—сказалъ Праттъ,—Гардиперъ роетъ, чтобы открыть истинное сокровище, и эта причина его удерживаетъ. Если это такъ, то нечего бояться льдовъ.

— Я слышала отъ васъ, сударь, что это золото скрыто на берегахъ западной Индіи?

— Не кричи такъ, Марія, вѣдь не надо же, чтобы весь Ойстеръ-Попдъ зналъ, гдѣ скрыто сокровище. Оно можетъ быть и въ западной Индіи, а можетъ и не быть,—въ мірѣ есть много странъ.

— Не думаете ли вы, дядюшка, что Росвель напишетъ, если долго пробудетъ въ этихъ странахъ?

— Ты не хотѣла, чтобы были почтовыя конторы въ Антарктическомъ океанѣ, а теперь хочешь, чтобы онѣ были на песчаныхъ берегахъ западной Индіи? У женщинъ все на выворотъ!

— Я объ этомъ и не подумала, сударь. Вѣдь корабли проходятъ же подлѣ береговъ западной Индіи и нѣтъ ничего легче, какъ отдать имъ письмо, которое Росвель написалъ бы намъ, если бы былъ увѣренъ, что оно къ намъ дойдетъ.

— Нѣтъ, Гардиперъ не таковъ, чтобы, не кончивши дѣла, открыть кому-нибудь, что хочетъ дѣлать въ западной Индіи. Нѣтъ, нѣтъ, Марія, мы не будемъ имѣть о немъ извѣстій, пока онъ будетъ въ этой части свѣта. Очень возможно, что Гардиперу будетъ трудно отыскивать это мѣсто, потому что въ разсказѣ Дагге были очень темныя мѣста.

Марія ничего не отвѣчала, хотя считала очень мало вѣроятнымъ, чтобы Росвель проводилъ цѣлые мѣсяцы въ западной Индіи, такъ погрузившись въ занятіе, что не нашелъ бы средства написать ей, гдѣ былъ и что дѣлалъ.

Наступила другая зима и привела съ собою бури, холода, возбуждающіе печальныя опасенія при видѣ океана.

Не проходило ни одной недѣли безъ того, чтобы Праттъ не получалъ письма отъ чьей-нибудь жены, матери или сестры матроса, которые спрашивали у него о судьбѣ отправившихся на палубѣ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Попда подъ начальствомъ капитана Гардинера.

Даже виппярдцы прислали спросить извѣстія у Пратта, и

ихъ способъ выспрашиванія уже выказывалъ ихъ безпокойство и ужасъ. Безпокойство Пратта съ каждымъ днемъ увеличивалось такъ, что для всѣхъ его окружавшихъ было очевидно, что эта причина, соединившись съ другими, физическими, разстроили его здоровье и угрожали его жизни. Состояніе его здоровья теперь походило на здоровье больного матроса, у котораго онъ съ такимъ трудомъ узналъ тайну. Теперь можно было усумниться въ томъ, что Праттъ ею воспользуется лучше послѣдняго. Марія видѣла это очень ясно и плакала о невѣдѣніи своего дяди и о судьбѣ, почти уже извѣстной, того, кого она такъ любила.

ГЛАВА XXI.

Я также видѣлъ тебя на вздымавшейся волнѣ, когда ночная буря шла тебѣ навстрѣчу...

Персиваль.

Первое движеніе моряка, если его корабль приходитъ въ столкновеніе съ твердымъ тѣломъ, провѣрить посредствомъ помпъ, сколько въ кораблѣ воды. Дагге самъ занимался этимъ въ то время, когда шлюпки Росвеля Гардинера — буксировали почти обезмачтованную шкуну Дагге къ мѣсту, свободному отъ льдовъ. Всѣ бывшіе на палубѣ, какъ понялъ Росвель, съ безпокойствомъ ожидали результата этого испытанія. Этотъ послѣдній держалъ фонарь, при свѣтѣ котораго можно было вычислить высоту воды; свѣта луны было недостаточно для этого опыта. Наконецъ, вытащили палку, которою вымѣривали и посмотрѣли на ея конецъ, чтобы видѣть, до которыхъ поръ она была вымочена.

— Ну, Гардинеръ, что вы объ этомъ скажете?—нетерпѣливо сказалъ Дагге. Вода должна быть, потому что нѣтъ ни одного корабля, который испыталъ бы столь сильный толчекъ и остался бы цѣлъ.

— Въ вашемъ трюмѣ должно быть три фута воды,—отвѣчалъ, качая головою, Гардинеръ.—Если это, капитанъ Дагге, продолжится, то вашей шкунѣ трудно будетъ остаться на водѣ!

— Она останется на водѣ, пока помпы могутъ работать.

— Я думаю,—сказалъ чрезъ нѣсколько минутъ Росвель,— что вѣтеръ поворотился къ сѣверо-востоку и дуетъ противъ насъ.

— Не противъ насъ, Гардинеръ, по крайней мѣрѣ не противъ

меня,—отвѣчалъ Дагге.—Я постараюсь воротиться на островъ, гдѣ попробую пристать къ берегу и исправить порчу моей шкуны. Вотъ на что могу я надѣяться!

— Это причинитъ большую задержку, капитанъ Дагге,—сказалъ Росвель.

— Я и не говорю противнаго, но я ворочусь на островъ и не прошу васъ, Гардинеръ, провожать меня. Послѣ преданности, которую вы намъ оказали, дожидаясь насъ, я не могу подумать ни о чемъ подобномъ. Въ двѣ недѣли задѣлаемъ всѣ течи и поспѣшимъ за вами. Вы скажете въ Ойстеръ-Пондѣ, что мы плывемъ, а оттуда извѣстіе дойдетъ до Виньярда.

Это значило нѣкоторымъ образомъ обратиться къ чести Росвеля, и Дагге зналъ это очень хорошо. Благородный и рѣшительный молодой человѣкъ былъ болѣе чувствителенъ къ обращенному къ нему непрямому приглашенію. Мысль покинуть товарища въ опасности среди моря заглушила въ немъ чувства обязанности, которой исполненіе онъ въ другихъ случаяхъ считалъ бы неотложнымъ. Праттъ, а еще болѣе Марія звали его на сѣверъ; но опасности виньярдцевъ связывали его съ ихъ участью.

— Посмотримъ, что скажетъ намъ теперь помпа!—вскричалъ Росвель съ нетерпѣніемъ.

Скоро результатъ сталъ извѣстенъ.

— Ну! Гардинеръ, какія новости?—спросилъ Дагге наклонясь, чтобы посмотрѣть едва замѣтныя отмѣтки, обозначающія омоченную часть палки:—обгонимъ ли мы течь, или течь обгонитъ насъ? Дай Богъ, чтобъ было первое.

— Я думаю, Дагге, что это легко можетъ быть,—прибавилъ Росвель.—Одна помпа вытягиваетъ воды на два фута, и, по моему мнѣнію, двѣ соединенныя помпы совершенно избавятъ насъ отъ нея.

— Ну, къ помпамъ, — вскричалъ Дагге, — къ помпамъ, друзья мои!

Въ это время оба корабля подняли болѣе парусовъ и подъ вліяніемъ новаго вѣтра, казалось, шли къ только что оставленнымъ островамъ. Шкупа Дагге шла впереди, а Газаръ слѣдовалъ за ней на палубѣ «Морского Льва» изъ Ойстеръ-Понда. Росвель оставался еще на поврежденномъ кораблѣ. Такъ прошло

не перегибайте книг при чтеніи.

нѣсколько часовъ. Скоро узнали, что, работая часовъ шесть помпами, освободили шкуну отъ течи. Когда Росвель увѣрился въ этомъ, то сожалѣлъ гораздо менѣе о рѣшеніи, которое ему было нѣкоторымъ образомъ внушено. Онъ согласился воротиться вмѣстѣ съ Дагге, убѣдившись въ томъ, что не было возможности довести до Ріо поврежденный корабль.

Счастье, или, какъ говоритъ Стимсонъ, Провидѣніе много покровительствовало нашимъ морякамъ въ ихъ новомъ пути посреди ледяныхъ горъ. Подлѣ ихъ было много лавинъ, и еще другая сосѣдственная къ нимъ гора переворотилась, но ни одинъ корабль не потерпѣлъ при этомъ никакихъ поврежденій. Лишь только шкуны подошли къ ледяной равнинѣ, то Росвель воротился на свою палубу. Теперь онъ шелъ впередъ.

Среди разбитыхъ ледяныхъ массъ встрѣтили гораздо болѣе такихъ препятствій и опасностей, о которыхъ прежде и не думали. Росвель долженъ былъ бояться, чтобы шкуны не были разбиты давленіемъ, котораго не могли вынести ихъ стѣны.

Скоро сдѣлалось почти невозможнымъ плыть далѣе, развѣ только отчалить, какъ сдѣлали шкуны, въ средину ледяныхъ массъ, плывущихъ на югъ со скоростью десяти узловъ въ часъ. Такимъ образомъ провели день и ночь. Утромъ второго дня все это мгновенно перемѣнилось. Ледъ началъ расходиться: почему?—объ этомъ можно было только догадаться, хотя приписывали это различному направленію вѣтра и потоковъ. Слѣдствіемъ этого было освобожденіе шкунъ изъ ихъ темницы, и онѣ, несмотря на ледъ начали двигаться. Около полудня примѣтили дымъ вулкана, и прежде захожденія солнца самый высокій утесъ показался весь усыпанный снѣгомъ.

Утромъ четвертаго дня наши мореплаватели были въ большой бухтѣ внѣ льдовъ, около одной мили отъ маленькой губы. Скоро шкуны были въ старомъ портѣ. Въ то время, какъ въ него входили, Росвель смотрѣлъ вокругъ себя съ печалью, ужасомъ и удивленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ жалѣлъ, что потерялъ столько времени, особенно тогда. Всѣ лѣтніе признаки исчезли, наступала холодная и морозная осень. Домъ остался такимъ же; кучи деревъ и другихъ предметовъ, оставленныя тутъ рукою человѣка, оставались также, какъ были оставлены. Къ общему удивленію не замѣтили тюленей. По неизвѣстнымъ причинамъ всѣ эти животныя исчезли, нарушивъ расчеты Дагге. Въ

самомъ дѣлѣ онъ надѣялся воспользоваться этимъ случаемъ для пополненія своего груза. Нѣкоторые утверждали, что животныя ушли зимовать на сѣверъ; другіе говорили, что они были испуганы, и что они убѣжали на какой-нибудь островъ; но всѣ согласились въ томъ, что они ушли.

— Ну, Маси, — сказалъ Газаръ, показывая ему пустые утесы, что вы думаете объ этомъ? Нѣтъ ни одного животнаго тамъ, гдѣ прежде ихъ были тысячи.

Экипажъ Дагге перенесъ свои матрасы на берегъ, затѣмъ свои кровати, развелъ огонь въ печи и приготовился устроить кухню въ домѣ, какъ было до оставленія острова. Росвель и весь его экипажъ остался на палубѣ.

Въ одну недѣлю законопатили много течей: но, когда хотѣли спустить корабль на воду, то еще осталась одна довольно значительная, съ которою трудно было предпринять столь далекое путешествіе. Росвель очень упорно выразилъ свое мнѣніе о необходимости законопатить эту течь.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Дагге,—нужно шкуну перенести на берегъ и приняться за работу. Но я вижу, что эта остановка вамъ не нравится, и что вы думаете о Праттѣ и Ойстеръ-Пондѣ? Я отнюдь не порицаю васъ, Гардинеръ, и никогда не скажу ни одного слова противъ васъ и вашего экипажа, если вы даже уѣдете нынѣ послѣ полудня.

Былъ ли искренепъ Дагге въ своихъ словахъ? Онъ хотѣлъ казаться справедливымъ и великодушнымъ, тогда какъ въ тайнѣ старался дѣйствовать на добрыя чувства Росвеля, также какъ и на его самолюбіе. Дагге былъ еще занятъ мыслію о прибыли; онъ не отказывался отъ скрытаго сокровища, изъ котораго хотѣлъ, привязавшись къ Росвелю, получить свою часть.

Росвель хотя былъ очень мало расположенъ къ продолженію своего пребыванія на этихъ островахъ, но онъ согласился остаться тамъ, пока не увѣрится, что поврежденный корабль будетъ въ состояніи возвратиться. Это была недѣльная отсрочка.

Въ самомъ дѣлѣ успѣли законопатить течь шкуны Дагге, и ее можно было спустить на воду. Лишь только это было сдѣлано и его шкуна стояла на якорѣ, то Дагге подошелъ къ Росвелю и пожалъ ему руку.

— Я обязанъ вамъ многимъ, — сказалъ онъ, — всѣ виньярдцы узнаютъ это, если мы когда-нибудь воротимся домой.

— Я очень радуюсь, если это будетъ такъ, капитанъ Дагге,—сказалъ Росвель,—потому что, говоря правду, двѣ недѣли, которыя мы потеряли, и которыя мы потеряемъ прежде, чѣмъ подымемъ паруса, сдѣлали большую перемѣну въ погодѣ.

Дагге старался ободрить своего товарища, но Росвель былъ очень счастливъ, когда чрезъ двадцать четыре часа виньярдская шкуна была готова. Гардинеръ думалъ, что надо было поднимать паруса; но Дагге при этомъ сдѣлалъ много возраженій. Сначала то, что не было никакого вѣтра, и когда Росвель предложилъ вывести обѣ шкуны въ бухту, то отвѣчалъ, что экипажи много работали въ это время и нуждаются въ отдохновеніи. Слѣдствіе, которое могли получить, введя шкуны въ бухту, было удаленіе отъ той ледяной коры, которая каждую ночь образовывалась подлѣ земли, и которую ломали и уносили волны лишь только начиналъ дуть вѣтеръ. Росвель же хотѣлъ отвести свою шкуну на одну милю отъ губы. Онъ думалъ, что гораздо легче провести тамъ нѣсколько часовъ, а если будетъ вѣтеръ, то и менѣе. Это объясненіе удовлетворило моряковъ, и Росвель Гардинеръ по отплытіи отъ берега, чувствовалъ себя освободившимся отъ большой тяжести. Шлюпка тихо буксировала ойстеръ-пондскую шкуну и помогала ей выйти изъ губы. Когда шкуна проходила около шкуны виньярдской, Дагге былъ на палубѣ. Онъ пожелалъ добраго вечера товарищу, обѣщая слѣдовать за нимъ утромъ.

Тогда явилась мысль въ умѣ нашего молодого капитана. Къ чему послужитъ то, что онъ выведетъ свой корабль изъ льда, если онъ на другой день затретъ корабль Дагге? Онъ рѣшился опять войти въ губу, чтобы еще разъ попробовать уговорить Дагге.

Гардинеръ нашелъ всѣхъ виньярдцевъ спящими. Даже самъ Дагге не всталъ, чтобы встрѣтить Росвеля. Было безполезно спорить съ человѣкомъ, имѣющимъ подобныя намѣренія. Побывши нѣсколько минутъ съ Дагге, Росвель воротился на свою палубу. Возвращаясь, онъ замѣтилъ, что ледъ дѣлается все толще, и шлюпка шла къ шкунѣ черезъ ледяную кору.

Росвель самъ началъ опасаться того, чтобъ его не затерло льдомъ до выхода изъ губы. Къ счастью легкій вѣтерокъ подулъ съ сѣвера, и Гардинеръ успѣлъ вывести свою шкуну къ такому мѣсту, гдѣ этой опасности уже не было. Тогда онъ пог-

волилъ своимъ людямъ отдохнуть, что для нихъ было необходимо, и офицеры поочередно дежурили на палубѣ.

За часъ до начала дня, лейтенантъ вслѣдствіе полученнаго приказанія разбудилъ Росвеля. Молодой капитанъ, вышедши на палубу, увидалъ, что вѣтра совсѣмъ не было, и было очень холодно.

Ледъ присталъ къ снастямъ и стѣпамъ шкуны, хотя ночная тишина, препятствовавшая морской пѣнѣ брызгаться на корабль, была очень благопріятна для нашихъ мореплавателей. Росвель увѣрился, что ледяная кора, окружавшая его въ бухтѣ, равнялась футу по толщинѣ. Это сильно его безпокоило, и онъ дождался съ сильнымъ безпокойствомъ дня, чтобы отдать себѣ отчетъ въ положеніи Дагге.

Лишь только разсвѣло, то увидали, что ледъ покрылъ бухту. Дагге и его экипажъ работали пилою. Должно было думать, что они спохватились еще до разсвѣта, потому что шкуна не поднимала якоря, хотя находилась отъ губы на разстояніи кабельтова. Гардинеръ слѣдилъ за движеніемъ Дагге и его экипажа посредствомъ зрительной трубки, а потомъ онъ вызвалъ свой экипажъ на палубу. Поваръ получилъ приказаніе приготовить теплый завтракъ. Поѣвши, Росвель и Газаръ сѣли въ двѣ китоловныя шлюпки и плыли столь далеко, насколько позволилъ имъ ледъ; потомъ они остановились на футъ отъ борта шкуны, осажденной льдомъ, привезя съ собою большую часть своего экипажа.

Можетъ быть, къ счастью Дагге подулъ вѣтеръ съ сѣвера, слѣдствіемъ чего было то, что волны, гонимыя этимъ вѣтромъ, скоро разорвали ледъ, и виньярдская шкуна могла около полудня соединиться съ ойстеръ-пондской.

Росвель весьма обрадовался, возвратившись на свой корабль, и рѣшился какъ можно скорѣе выйти изъ этого рода залива, потому что ночной опытъ показалъ ему, что онъ слишкомъ долго оставался на якорѣ. Дагге охотно за нимъ слѣдовалъ.

PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ГЛАВА XXII.

Вблизи источника Мольдернъ, въ блѣдныхъ лучахъ луны, какъ въ ужасномъ снѣ, увидѣли армію мертвыхъ.

Лонгфелло

— Г. Газаръ,—сказалъ Росвель, оставляя палубу, чтобы итти отдохнуть, чего ему не удавалось въ теченіе цѣлыхъ сутокъ,—поднимайте полные паруса и отправляйтесь. Мы запоздали и должны торопиться. Позовите меня, если ледъ противопоставитъ вамъ важное затрудненіе.

Газаръ посмотрѣлъ съ завистью на своего капитана, идущаго отдохнуть, такъ какъ онъ самъ нуждался въ снѣ.

Стимсонъ также находился на палубѣ.

— Слушай! — кричалъ часовой. — Держись моря, спереди идетъ ледъ.

— Ледъ здѣсь!—вскричалъ Газаръ.—Этого мы менѣе всего ожидали... Гдѣ ледъ, Смитъ?

— Вотъ, сударь, ледяная равнина столь большая, что заперла виньярдскаго «Морскаго Льва», когда онъ шелъ къ намъ.

Газаръ съ печалью увидѣлъ ледъ, потому что надѣялся быть въ открытомъ морѣ; но ледяная равнина такъ вошла въ проходъ, что закрыла всѣ выходы для обѣихъ шкунъ. Дагге плылъ за Росвелемъ, и этотъ опытный мореплаватель не видалъ никакого средства плыть по вѣтру. Обѣ шкуны шли одна за другою и черезъ полчаса примѣтили сѣверный берегъ земли, которую такъ недавно оставили. Въ это время взошла луна, и предметы сдѣлались болѣе видными.

Газаръ окликнулъ виньярдскаго «Льва» и спросилъ, что надо ему дѣлать? Было возможно, слѣдуя какъ можно ближе по вѣтру, обогнуть мысъ и такимъ образомъ уйти отъ ледяныхъ равнинъ. По крайней мѣрѣ, при этомъ маневрѣ оба корабля могли бы поворотить и нашли бы проходъ, который бы вывелъ ихъ на нѣсколько миль по вѣтру.

— Капитанъ Гарнеръ на палубѣ?—спросилъ Дагге.

Въ это время показался Гардинеръ.

— У насъ, Гардинеръ, нѣтъ времени совѣтоваться,—сказалъ Дагге.—Наша дорога предъ нами. Надо итти по ней или остаться здѣсь, гдѣ мы теперь, пока ледяная равнина не подойдетъ ближе къ намъ. Я пойду впередъ, а вы слѣдуйте за мною.

Росвелю, для соображенія своего положенія, было достаточно одного взгляда. Оно ему не совсѣмъ понравилось, но онъ не колебался.

Оба корабля продолжали итти впередъ. Въ одну минуту оба экипажа, сознавая опасность положенія, находились на палубѣ, хотя никого не звали, а только потому, что распространился слухъ, что суда подвергались большой опасности. Никто не говорилъ. Глаза всѣхъ были устремлены на предметъ, виднѣвшійся впереди ихъ.

Сосѣдство утесовъ съ одной стороны, тайное предчувствіе, что будетъ другая ледяная равнина, возбудили всеобщее безпокойство. Особенно оба капитана смотрѣли во всѣ глаза. Начало очень холодѣть. Два молодые моряка, которыхъ получили приказаніе взлѣсть на мачты, заявили, что приближалась обширная равнина льда, которая раздавитъ обѣ шкуны, если онѣ не успѣютъ ея избѣжать. Это ужасное извѣстіе въ одно время услышали оба капитана. Вслѣдствіе маневра, въ которомъ Росвель показалъ гораздо болѣе опытности, чѣмъ Дагге, черезъ десять минутъ обѣ шкуны находились одна отъ другой почти на одну милю. Мы послѣдуемъ за шкуною Росвеля Гардинера и взглянемъ на тѣ усилія, которыя она дѣлала для избѣжанія опасности.

Росвеля всего болѣе безпокоило разстояніе, въ какомъ эта равнина распространилась на западъ. Онъ самъ взлѣзъ на мачту и, благодаря довольно ясному свѣту луны и безоблачному небу, увидѣлъ ледъ, распространившійся въ этомъ направленіи, на протяженіи двухъ миль. Ночи теперь были столь холодны, что ледъ образовался вездѣ, гдѣ была вода, и нашъ молодой капитанъ думалъ, что обломки, оторванные волнами, соединятся вслѣдствіе холода. Росвель сошелъ съ мачты вполовину обледенѣвшій отъ вѣтра, который дулъ съ юга. Онъ позвалъ своихъ лейтенатовъ и сталъ совѣтоваться съ ними.

— Мнѣ кажется, капитанъ Гарперъ, — сказалъ ему Газаръ,—что не изъ чего выбирать. Мы затерты льдомъ, изъ котораго намъ надо выбиваться до разсвѣта, а тамъ можетъ представиться удобный случай къ выходу, которымъ мы воспользуемся, а если нѣтъ, такъ придется здѣсь зимовать.—Газаръ говорилъ тихо и хладнокровно, но очень легко было видѣть, что онъ говорилъ весьма обдуманно.

— Вы позабыли, г. Газаръ, что можетъ быть проходъ по направленію къ западу, и что по немъ мы можемъ достигнуть до открытаго моря. Капитанъ Дагге довольно далеко на западѣ, и мы, можетъ быть, успѣемъ послѣдовать за нимъ. Зимовать здѣсь невзможно; на это есть тысяча причинъ и въ томъ числѣ выгоды нашего арматора. Мы идемъ быстро подлѣ равнины, но мнѣ кажется, что можно итти еще скорѣе; такъ ли вы думаете, г. Газаръ?

— Боже мой, сударь, это зависитъ отъ льда. На нашемъ носѣ нѣсколько тоннъ льда.

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что скорость бѣга «Морскаго Льва» была сдерживаема тяжестью несомаго имъ льда. Къ счастью, море было не слишкомъ пѣнисто, что могло бы увеличить опасность.

Однако, когда замѣченная вдали ледяная равнина подошла близко, и всѣ ее разсмотрѣли и убѣдились въ томъ, что изъ нея не было выхода для шкуны, вдругъ открылся каналъ, но когда вошли въ него и поплыли на сѣверо-западъ, то потеряли всякую надежду, потому что этотъ каналъ оканчивался «мѣшкомъ».

Почти въ то же самое время ледъ быстро соединился за кораблемъ. Хотѣли отступить, но было невозможно, — огромный кусокъ льда плавалъ посреди «мѣшка», встрѣтивши сопротивленіе въ ледяной равнинѣ, которая была сама остановлена утесами. Росвель тотчасъ же увидалъ, что ему нечего было дѣлать. Онъ стянулъ всѣ свои паруса, сколько это позволяло замерзшее полотно, поднялъ остроконечные якори, которыми пользуются во время льдовъ, и ввелъ свой корабль въ родъ губы, гдѣ ему было безопаснѣе оставаться при столкновеніи ледяныхъ полей.

Дагге показалъ въ это время всю дѣятельность, къ которой онъ былъ способенъ; онъ старался обогнуть всѣ утесы и проплыть въ свободное море, когда обширныя ледяныя поля, блескъ которыхъ даже примѣтили на палубѣ другого корабля, вдругъ бросились чрезъ его дорогу и воспрепятствовали ему итти далѣе. Дагге старался воротиться назадъ. Это было не такъ легко, какъ итти впереди вѣтра, и его шкуна была облѣплена льдомъ, болѣе даже, нежели другая шкуна. Поэтому онъ долженъ былъ освободиться отъ всѣхъ слишкомъ большихъ тяжестей, но потерялъ такимъ образомъ дорогое время.

Когда Дагге хотѣлъ поднять паруса, то былъ остановленъ ледяными полями, которыя были въ соприкосновеніи съ утесами.

Была полночь, и люди нуждались въ отдохновеніи. Установили дежурство, и большое число людей получили позволеніе итти спать; но свѣтъ луны не былъ довольно ясенъ, а при этомъ нельзя было рѣшиться на что-либо смѣлое.

Утромъ Росвель увидалъ опасность Дагге, а Дагге опасность Росвеля. Корабли находились другъ отъ друга почти на разстояніи одной мили, но положеніе виньярдскаго «Льва» было болѣе критическимъ. Шкуна Дагге опиралась на ледяную равнину, но эта равнина сама уступала сильному движенію, которое не уменьшалось. Лишь только Росвель замѣтилъ положеніе Дагге, то рѣшился помочь ему.

Въ двадцать минутъ Росвель провелъ своихъ людей по льду; каждый человѣкъ несъ топоръ или другой какой-нибудь инструментъ, которымъ намѣревался работать. Итти впередъ было не трудно, потому что поверхность ледяной равнины простиралась болѣе чѣмъ на одну милю, и ледъ, образовавшій ее, былъ очень толстъ и проченъ.

— Вода, находящаяся между льдомъ и утесами, занимаетъ гораздо менѣе пространства, нежели я думалъ,—сказалъ Росвель своему товарищу Стимсону.—Она здѣсь не болѣе ста метровъ ширины.

— Правда, сударь. Уфъ! Когда идешь въ такомъ холодномъ климатѣ, какъ этотъ, то скоро задохнешься. Но, капитанъ Гарперъ, эта шкуна разобьется вдвое скорѣе, нежели мы можемъ дойти до нея. Посмотрите, сударь, ледяная равнина уже достигаетъ утесовъ подлѣ самаго корабля, и это движеніе льда не остановится.

Росвель не отвѣчалъ. Положеніе виньярдскаго «Льва» показалось ему болѣе критическимъ, нежели онъ думалъ. Вдали отъ земли, онъ не могъ составить себѣ никакого понятія о той силѣ, съ какою ледяная равнина ударялась объ утесы, на которые взлѣзали куски разбитаго льда, какъ творенія, одаренныя жизнью.

Иногда ломаніе льда совершалось съ трескомъ, и движеніе ледяной равнины дѣлалось гораздо сильнѣе, потомъ была ми-

пута остановки, и предвидѣлась слабая надежда; но теперь приходилось отъ нея отказаться.

— Посмотрите, сударь, — вскричалъ Стимсонъ,—виньярдская шкуна отъ одного толчка перескочила пространство въ двадцать саженъ! Быть подлѣ утесовъ очень опасно, сударь!

Всѣ остановились. Чувствовали, что они были безсильны, и тоска, овладѣвшая ими, сдѣлала ихъ неподвижными. Экипажъ Росвеля видѣлъ, что виньярдская шкуна, находящаяся на разстояніи менѣе одного кабельтова, была подлѣ утесовъ, и что первый ударъ могъ ее уничтожить. Но къ ихъ удивленію шкуна вмѣсто того, чтобъ быть разбитою льдомъ, поднялась вмѣстѣ со льдомъ, поддерживаемая кусками разбитаго льда, которые собрались подъ кораблемъ, и остановились почти безъ поврежденія на уступѣ утеса. Весь экипажъ ея спасся. Но она была брошена на берегъ, въ двадцати футахъ надъ поверхностью воды, на утесахъ, неровности которыхъ были выровнены волнами. Если лѣто будетъ благопріятно, и если поврежденіе на этомъ и остановится, то еще можно было спустить шкуну въ море и возвратить ее въ Америку.

Но ледяная равнина еще не остановилась, льдина шла за льдиной, лѣзла одна на другую, пока ледяная стѣна не образовалась вдоль берега,—стѣна, которую Росвель и его товарищи, несмотря на свою дѣятельность и мужество, едва перелѣзли. Но когда они добрались до несчастной шкуны, то она была буквально погребена въ льдахъ. Мачты были сломаны, паруса разорваны, снасти разсѣяны. «Морской Левъ» изъ Виньярда былъ не что иное, какъ разбитый корабль, изъ котораго можно было сдѣлать только небольшое судно, если его не придется сжечь вмѣсто дровъ.

Все это случилось въ десять минутъ.

— Капитанъ Гарнеръ, капитанъ Гарнеръ, — закричалъ Стимсонъ,—намъ лучше воротиться на бортъ, нашъ собственный корабль въ опасности: онъ очень быстро дрейфуетъ къ мысу и можетъ достичь его прежде, нежели мы возвратимся.

Стимсонъ не обманулся. Небольшое число экипажа Дагге и самъ Дагге остались на палубѣ разбитаго корабля, но всѣ прочіе отправились къ мысу, къ которому теперь направилась ойстеръ-пондская шкуна. Разстояніе было менѣе одного лье,

и на утесахъ было не очень много свѣта. Идя по уступу верхняго утеса, было легко дойти довольно скоро. Росвель такъ и сдѣлалъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, Росвель и всѣ сопровождавшіе его достигли дома. Ойстеръ-пондская шкуна была отъ этого мѣста менѣе чѣмъ на полмилю. Къ счастью, небольшой бассейнъ увеличился вмѣсто того, чтобъ закрыться, но изъ него уже невозможно было выйти—въ этой ледяной равнинѣ не было никакого выхода. Сначала Росвель считалъ свой корабль погибшимъ, но, обозрѣвши мѣстность ближе, онъ надѣялся, что его шкуна можетъ обогнуть утесы.

Положеніе нашихъ моряковъ было безнадежно. Въ полдень въ тѣни мерзла вода. Блистающее солнце распространяло свои лучи по ледяной панорамѣ, но такъ косвенно, что едва можно было сносить излишекъ холода. Столь далеко, какъ только могъ достичь глазъ, даже съ вершины мыса, видѣлся одинъ ледъ, исключая той части большой бухты, куда не проникла еще большая ледяная равнина. Къ югу виднѣлось сборище огромныхъ горъ, поставленныхъ тамъ, какъ башни, и которыя закрывали всѣ выходы съ этой стороны. Вода потеряла все свое движеніе, и новый ледъ образовался на всемъ пространствѣ бухты.

Когда Росвель созерцалъ эту сцену, то онъ сильно боялся того, что до наступленія лѣта ему нельзя будетъ освободиться изъ этого льда. Правда, что южный вѣтеръ могъ произвести нѣкоторыя перемѣны и снять эту ледяную блокаду, но это съ каждой минутой дѣлалось болѣе и болѣе невозможнымъ. Зима уже началась, а если ледь образовался среди группы этихъ острововъ и внѣ этой группы, то въ теченіе восьми мѣсяцевъ надо было отказаться отъ всякой надежды.

Стимсонъ далъ обоимъ капитанамъ прекрасный совѣтъ для борьбы съ холодомъ, который, естественно, могъ увеличиться: онъ совѣтовалъ перепести паруса разбитаго корабля и сдѣлать изъ нихъ большія занавѣси въ деревянномъ домѣ, единственномъ убѣжищѣ, представлявшемся нашимъ морякамъ; воспользоваться кожами тюленей, принадлежащими Даггсу, чтобы законопатить извнутри стѣны этого дома, сберегать дровяной запасъ, который привезли съ собою; ограничиться, если будетъ возможно однимъ отнемъ; быть какъ можно опрятнѣе, что представляетъ самое лучшее средство противъ холода; принимать почти холодныя ванны и для этого брать воду у самаго входа

въ домъ, а бочку, служащую ванною, поставить подъ шатеръ; чаще прибѣгать къ упражненіямъ, чтобы тѣмъ сохранить въ тѣлѣ естественную теплоту, которая такъ необходима.

Гардинеръ успѣлъ ввести свою шкуну въ безопасное мѣсто подлѣ берега, а изъ разбитаго корабля Дагге вынули всѣ запасы, всѣ пособія, которыя въ немъ заключались.

Два мѣсяца прошли быстро. Предприняли всѣ возможныя предосторожности, и домъ или скорѣе клѣтка, въ которй жили оба капитана, доставляла болѣе удобствъ, нежели можно было думать. Дни уже очень уменьшились, а ночи увеличились такъ, что солнце было видимо только нѣсколько часовъ, въ которые оно очень низко проходило на сѣверномъ горизонтѣ. Холодъ все болѣе и болѣе увеличивался, хотя погода подъ этою широтою была также перемѣнчива, какъ и подъ нашей. Оттепелей не было, и термометръ былъ нѣсколько градусовъ ниже нуля. Между тѣмъ люди обоихъ экипажей привыкли къ климату и признались, что они были въ состояніи перенести гораздо большій холодъ. Ничто не могло захватить родившихся въ Нью-Іоркѣ и Новой Англіи врасплохъ, потому что тамъ рѣдко проходила зима, въ которую бы не приходилось переносить столь сильнаго холода, какъ тотъ, который испытывали эти моряки на берегахъ Антарктическаго моря.

Въ эту часть года выпало гораздо болѣе снѣга, нежели послѣ. Этотъ снѣгъ былъ большимъ неудобствомъ, потому что скоро образовалъ вокругъ дома валъ и завалилъ пространство, служившее мѣстомъ прогулки для экипажей. Они были принуждены прорывать лопатами проходы, и это дало имъ работу, способствовавшую сохраненію ихъ здоровья.

Дагге не совсѣмъ отказался отъ своего корабля, и не проходило ни одного дня, чтобы онъ его не посѣтилъ. Каждый день ему приходилъ на умъ новый способъ поднять паруса весною, хотя всѣ слушавшіе его были увѣрены въ матеріальной невозможности подобнаго плана.

Между тѣмъ Росвель сильно безпокоился насчетъ топки. Уже истребили большую часть привезенныхъ съ собою дровъ. Какъ ни былъ значителенъ запасъ, но его уже много израсходовали, и, по сдѣланнымъ вычисленіямъ, его оставалось только на половину времени, которое должно было провести на островѣ. Это обстоятельство заслуживало большого размышленія. Безъ

топки смерть была неизбѣжна, и не было бы средства бороться съ зимнею стужею по сосѣдству южнаго полюса.

Стимсонъ нѣсколько разъ давалъ по этому поводу совѣты:

— Ну, сударь, вы, безъ сомнѣнія, знаете, что намъ остается дѣлать. Безъ теплаго кушанья люди не могутъ жить, какъ и вовсе безъ пищи. Если у виньярдской шкуны нѣтъ дровянаго запаса, то намъ надо сдѣлать изъ нея самой запасы для топки.

Росвель нѣсколько времени смотрѣлъ на Стимсона съ пристальнымъ вниманіемъ. Онъ совершенно одобрилъ эту мысль, которая была ему предложена во второй разъ.

— Безъ сомнѣнія, — сказалъ онъ, — но будетъ весьма не легко уговорить на это капитана Дагге.

— Если онъ останется два или три дня безъ теплаго кофе,— отвѣчалъ, качая головою, Стимсонъ, — то почтетъ за счастье согласиться на это. Въ подобномъ климатѣ очень естественно жечь все, что можетъ горѣть.

— Я поговорю объ этомъ съ капитаномъ Дагге.

Росвель сдѣлалъ это, но виньярдскій экипажъ принялъ это предложеніе за обиду. Никогда не было столь сильнаго спора между обоими капитанами, какъ въ это время, когда Росвель предложилъ Дагге нарубить дровъ изъ остатка его разбитаго корабля.

— Человѣка, который наложитъ топоръ или пилу на мой несчастный корабль, я сочту за личнаго мнѣ непріятеля,—сказалъ Дагге.

— Я былъ бы благодаренъ Богу, капитанъ Дагге,—сказалъ Росвель, помолчавши немного,—еслибъ мы были въ состояніи провести зиму подъ такою широтою, не сжегши отъ обоихъ кораблей болѣе того, что необходимо для спасенія нашей жизни. Навѣрное лучше будетъ начать съ того, который можетъ быть менѣе полезенъ намъ.

— Пока я въ силахъ, я буду противиться сожженію моего корабля.

Росвель удивился этому упрямству, но думалъ, что самая жестокость зимы восторжествуетъ надъ нимъ.

— Холодъ увеличивается все болѣе и болѣе,—говорилъ черезъ нѣсколько дней Стимсонъ Росвелю. — Я всталъ нынче утромъ, когда еще всѣ спали, и если бы на мнѣ не было колпака и кожанаго одѣяла, то не могъ бы выдержать холода. Если

такая погода продолжится, то одной жаровни будетъ недостаточно и ихъ надо будетъ ставить въ спальнѣ двѣ.

— Богъ знаетъ, откуда мы возьмемъ дровъ, если капитанъ Дагге не отдастъ намъ своего корабля; мы умремъ задолго до начала лѣта.

— Вамъ надо, сударь, согрѣваться чтеніемъ Библіи,—сказалъ, улыбаясь Стимсонъ.—Вы не должны забывать, капитанъ Гарнеръ, что вы обѣщали одной особѣ, которая каждый день молится за васъ, пробѣгать главы, ею вамъ отмѣченныя, и посвящать имъ терпѣливое и внимательное размышленіе.

— Итакъ, ты вѣришь, что Іисусъ Христосъ есть сынъ Божій?—вскричалъ Росвель.

— Столько же, какъ и тому, что мы здѣсь, и настолько же, насколько желалъ бы быть увѣреннымъ въ томъ, что мы отсюда выйдемъ.

— Откуда ты почерпнулъ это убѣжденіе, Стимсонъ? Изъ своего ума или изъ разговора съ матерью или священникомъ?

— Моя мать умерла прежде, нежели я могъ понимать ея слова, и я рѣдко встрѣчался съ священниками. Моя вѣра сказала мнѣ, чтобы я вѣрилъ этому, а вѣра происходитъ отъ Бога.

— И я могъ бы вѣрить тому же, если бы моя вѣра происходила изъ того же источника. Но мнѣ кажется, что я никогда не допущу того, что мнѣ кажется невозможнымъ.

Споръ продолжался довольно долго, но не привелъ къ тому результату, котораго Стимсонъ желалъ, а Марія лелѣяла въ своемъ сердцѣ.

Наступилъ мѣсяцъ октябрь, соотвѣтствующій нашему апрѣлю. Въ умѣренномъ климатѣ эти перемѣны возвѣщаютъ весну. Но не совсѣмъ то было на землѣ тюленей. Зима прошла только въ половину, и суровость холода оставалась та же.

Выпало такое большое количество снѣга, что покрыло дорогу и прекратило сообщеніе между разбитымъ кораблемъ и домомъ. Вѣтеръ былъ силенъ, отъ чего холодъ еще увеличивался и сдѣлался пронизывающимъ. Термометръ часто мѣнялся, подымаясь иногда выше нуля, хотя также падалъ и ниже. Въ сентябрѣ и октябрѣ было много мятелей, принесшихъ съ собою всю суровость зимы.

Огромныя сосульки висѣли съ кровли дома и образовали ледяную цѣпь, доходившую до земли.

Росвель принужденъ былъ срубить концы мачтъ своей шкуны, чтобы достать дровъ, безъ которыхъ его экипажъ умеръ бы отъ холода. Мѣсто, гдѣ находилась ойстеръ-пондская шкуна, узнавали только по высокой снѣговой горѣ, которой она служила преградою въ то время, когда, уступая вліянію вѣтра, шла на дрейфъ. Но почти всѣ части шкуны, бывшія внѣ воды, доски, палуба, были разобраны по частямъ и перенесены въ домъ на топку печки.

Чтобы дать понятіе объ упрямствѣ другого экипажа, надобно сказать, что Дагге принужденъ былъ сдѣлать тоже. Большая часть его нѣжно-любимаго корабля исчезла въ чуланѣ; но этимъ не ограничились. Это разрушеніе корабля, къ которому онъ былъ принужденъ, только увеличило его упорство. Онъ прицѣпился къ его несчастнымъ развалинамъ, какъ къ своей послѣдней надеждѣ. Этотъ корабль, говорилъ онъ, принадлежалъ ему и его экипажу, тогда какъ другой корабль принадлежалъ ойстеръ-пондскимъ людямъ. Всякій имѣетъ право только на то, что принадлежитъ ему. Дрова истощались. Росвель старался замѣнять ихъ жиромъ, а оставшіяся перенесъ въ кухню и успѣлъ такимъ образомъ варить большую часть своихъ кушаній.

Около мѣсяца до разсказываемаго времени, Маси, первый морской офицеръ Дагге, пришелъ въ сопровожденіи одного матроса въ домъ съ предложеніемъ, чтобы оба экипажа заняли поврежденый корабль, а домъ разобрали бы на части на топливо.

Предложеніе Дагге было вовсе не исполнимо. На его кораблѣ было очень мало мѣста, и притомъ туда надо было перенести много вещей необходимыхъ для защиты себя отъ холода. Это было очень трудно, по причинѣ дорогъ, заваленныхъ снѣгомъ и льдомъ. А потому весьма понятно, что предложеніе Дагге было отвергнуто.

Маси провелъ ночь съ ойстеръ-пондцами и оставилъ домъ на другой день утромъ послѣ завтрака, зная, что Дагге только и дожидался его возвращенія съ отрицательнымъ отвѣтомъ, чтобы начать ломку корабля. Черезъ два дня была оттепель, происшедшая отъ лучей полуденнаго солнца, отъ чего ледъ въ слѣдующую ночь сдѣлался, что очень естественно, крѣпче. Росвель и Стимсонъ отправились отдать визитъ, сдѣланный Маси, съ цѣлью испытать послѣднее усиліе для убѣжденія Дагге оставить разбитый корабль и перейти жить въ домъ. Когда они достигли половины

дороги, то нашли твердое, замерзшее, безжизненное тѣло матроса. Черезъ четверть мили Маси найденъ былъ въ такомъ же состоянiи. Оба упали на дорогѣ и замерзли отъ холода. Гарнеръ не безъ труда дошелъ до разбитаго корабля и донесъ, что видѣлъ.

Это ужасное извѣстiе не измѣнило мыслей Дагге. Онъ началъ жечь свой корабль, потому что у него не было дровъ, и объявилъ Росвелю, что будетъ жечь корабль такъ, чтобъ изъ остатковъ его можно было весною выстроить маленькiй корабль, не будучи въ необходимости оставить теперь свою шкуну.

Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ поврежденный корабль, какъ жилище, представлялъ болѣе выгодъ. Въ немъ было болѣе мѣста для движенiя, ледяныя пещеры, образованныя глыбами льда подлѣ корабля, были пространны и защищали отъ вѣтра, который былъ всего опаснѣе. Безъ сомнѣнiя, онъ былъ причиною смерти Маси и его товарища.

Съ приближенiемъ весны, эти вѣтры дѣлались сильнѣе.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ со времени посѣщенiя Росвеля и въ теченiе этого мѣсяца не было никакого сообщенiя между домомъ и поврежденнымъ кораблемъ. Былъ мѣсяцъ сентябрь, соотвѣтствующiй нашему марту; погода была ужасна.

Смерть Маси и матроса произвела большое впечатлѣнiе на Росвеля, и опасность, въ которой находился онъ самъ и его экипажъ, отозвалась въ его сердцѣ.

Онъ постоянно разговаривалъ съ Стимсономъ о религiи, чего прежде не было и читалъ и перечитывалъ мѣста, отмѣченныя Маріею, въ которыхъ особенно говорилось о Божественности Iисуса Христа.

Этотъ печальный мѣсяцъ одинаково подѣйствовалъ на умы всѣхъ. Всѣ, читая Библiю, сдѣлались болѣе серьезными. Евангелiе отличается простотою, которая всѣмъ ручалась за истину и произвела большое вліянiе на душу Росвеля, хотя онъ сохранилъ еще сомнѣнiя, основанныя на гордости ума.

Вечеромъ мѣсяца октября, о которомъ мы говоримъ здѣсь, послѣ одного изъ самыхъ лучшихъ полдней, какого не видали въ теченiе многихъ мѣсяцевъ, Росвель и Стимсонъ стали работать на террасѣ, которая была еще свободна отъ снѣга и льда. Ночь обѣщала быть холодною, но не была еще столь сурова, чтобы принудить Росвеля и Стимсона искать убѣжища.

— Надо бы,—сказалъ Росвель,—узнать, что сдѣлалось съ

виньярдцами. Мы цѣлый мѣсяцъ не имѣемъ о нихъ никакихъ извѣстій.

— Разлука самая печальная вещь, капитанъ Росвель,— отвѣчалъ Стимсонъ,—и каждый часъ дѣлаетъ ее еще печальнѣе. Подумайте-ка о томъ, какъ было бы хорошо, если бы они были съ нами во время нашихъ вечернихъ и утреннихъ чтеній книги изъ книгъ.

— Эта хорошая книга напоминаетъ мнѣ всѣ твои мысли, Стимсонъ, и я желалъ бы имѣть твою вѣру.

Несмотря на увеличившійся холодъ, Росвель остался на терасѣ, даже когда Стимсонъ оставилъ ее. Величественный видъ развернулся передъ его глазами, полярная ночь и небо, звѣзды котораго блестѣли, какъ солнце. Росвель думалъ о своемъ ничтожествѣ и величіи Божіемъ, и онъ преклонился предъ этимъ величіемъ.

Все, что говорила ему Марія, обновилось въ его мысляхъ, и мудрыя слова Стимсона принесли въ его сердцѣ плоды христіанской вѣры.

Если бы Марія знала то, что произошло въ сердцѣ Росвеля, то ея счастіе было бы столь же велико, какъ и благодарность къ Богу. Она бы увидала преграду, столь давно возникшую между ею и Росвелемъ, разрушившейся отъ единственнаго вліянія Божественнаго ума, приготовляющаго людей къ присутствію Бога.

ГЛАВА XXIII.

Молитесь!—Лучистое солнце исчезло, и надвигается мракъ ночи; онъ падаетъ какъ завѣса, подъ рукой Бога, укрывающая своей тѣнью покой отдыхающихъ дѣтей. Затѣмъ склонитесь на колѣни, въ то время какъ бодрствующія звѣзды блестятъ, и отдайте ваши послѣднія мысли владыкѣ ночи.

Уэрб.

Между тѣмъ, какъ душа Росвеля открывалась новой вѣрѣ, которая перерождала ее, Стимсонъ безпокоился при мысли, что его капитанъ въ столь суровое время былъ снаружи и вышелъ его отыскивать.

— Вы хорошо сносите холодъ, капитанъ Гарперъ,—сказалъ Стимсонъ,—но вы, можетъ быть, сдѣлали бы лучше, если бы вошли.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте . . г при чтеніи.

— Мнѣ не холодно, Стимсонъ,—отвѣчалъ Росвель,—напротивъ, я въ хорошемъ расположеніи. Мой умъ былъ занятъ, пока тѣло работало. Но, послушай, не слышится ли тебѣ голосъ по направленію разбитаго корабля.

Извѣстно, какое пространство проходятъ звуки въ слишкомъ холодное и ясное время. Экипажъ слышалъ разговоры обыкновеннымъ голосомъ почти на разстояніи одной мили, и во многихъ случаяхъ старались установить сообщенія между разбитымъ кораблемъ и домомъ посредствомъ голоса. Отдѣльныя слова были слышны, но не возможно было вести связнаго разговора.

— Теперь очень поздно,—сказалъ Стимсонъ,—чтобы думать, что кто-нибудь изъ виньярдцевъ былъ на ногахъ, а къ тому же такъ холодно, что всѣ должны лежать.

— Не понимаю, и не нахожу, чтобы было такъ холодно. Вѣтеръ, кажется, повернулъ къ сѣверо-востоку,—будетъ морозъ. Послушай, вотъ опять кричатъ.

Въ этотъ разъ нельзя было обмануться. Человѣческій голосъ возвышался среди ночи, ночи почти полярной, прося помощи. Единственное слово, которое слышали и поняли было:—«Помогите!» Этотъ крикъ имѣлъ что-то жалкое, какъ стонъ умирающаго. Росвель почувствовалъ, что вся его кровь прихлынула къ сердцу; никогда онъ лучше не понималъ того, что человѣкъ находится во власти Божественнаго Провидѣнія.

— Ты слышалъ?—сказалъ онъ Стимсону, послѣ минуты молчаливаго вниманія.

— Слышалъ, сударь. Это голосъ негра Джона, повара капитана Дагге.

— Ты такъ думаешь, Стимсонъ? У него хорошія легкія и можетъ быть ему велѣли звать на помощь?

— У насъ должно быть еще довольно припасовъ; но они, можетъ быть, потушили огонь и не могутъ опять зажечь его.

Послѣднее мнѣніе показалось Росвелю самымъ вѣроятнымъ. Лишь только онъ увѣрился въ томъ, что звали на помощь, то рѣшился тотчасъ же отправиться къ разбитому кораблю, несмотря на поздній часъ и чрезвычайно сильный холодъ.

Росвель взялъ съ собой только одного Стимсона. Двое стоили ста, если только дѣло шло о разведеніи огня. Взяли все, что нужно было для этого, а также и заряженный пистолетъ для подачи

сигнала, если это понадобится, и Росвель съ своимъ товарищемъ предприняли это ужасное путешествіе.

Подумавши о часѣ, погодѣ, цѣли, имъ предстоящей, Росвель Гардинеръ согласился съ тѣмъ, что онъ покушался на самое опасное предпріятіе изъ всей своей жизни. Движеніе заставило быстро обращаться кровь нашихъ смѣльчаковъ и воспрепятствовало имъ непосредственно чувствовать холодъ, которому они подвергались.

— Мнѣ кажется, что мы не доживемъ до того, чтобъ дойти до разбитаго корабля, потому что дѣлается холоднѣе и холоднѣе,—сказалъ Стимсонъ.

Они продолжали итти. Росвель слышалъ еще разъ крикъ, но этотъ крикъ было довольно трудно объяснить; онъ казалось не шелъ изъ того мѣста, гдѣ находился корабль.

— Этотъ послѣдній крикъ,—сказалъ Стимсонъ, идетъ отъ точки, которая ближе отъ горъ, нежели мы теперь отъ нихъ, и совершенно не со стороны моря. Я такъ увѣренъ въ томъ, что совѣтую перемѣнить немного дорогу и посмотрѣть, не находится ли въ опасности шедшій къ намъ виньярдецъ?

Росвель согласился, потому что думалъ то же самое, хотя и не предполагалъ, чтобы выбрали негра для исполненія этого порученія при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Я полагаю,—сказалъ онъ,—что капитанъ Дагге скорѣе пришелъ бы самъ, или поручилъ кому-нибудь изъ своихъ офицеровъ, вмѣсто того, чтобы посылать негра.

— Мы еще не увѣрены, сударь, что это именно негръ. Несчастіе извлекаетъ одинакіе звуки изъ горла бѣлаго или негра. Подойдемте къ горамъ, сударь, я вижу тамъ что-то чернѣющееся на снѣгу.

Росвель примѣтилъ тотъ же предметъ, и наши смѣльчаки ближе подошли къ этой сторонѣ.

— Ты правъ, Стимсонъ,—сказалъ Гардинеръ,—когда былъ подлѣ этой точки. Это поваръ! Бѣдняжка дошелъ до половины дороги между кораблемъ и домомъ.

— Онъ еще живъ, сударь, всѣ негры таковы. Послѣдній крикъ былъ съ десять минутъ назадъ. Помогите мнѣ повернуть его, и мы нальемъ ему въ горло водки. Немного теплаго кофе оживитъ его.

Росвель исполнилъ желаніе Стимсона, потомъ выстрѣлилъ

изъ пистолета, чтобы увѣдомить офицеровъ, оставшихся въ домѣ. Негръ еще не умеръ, но находился въ такой большой опасности, что достаточно было нѣсколькихъ минутъ для его смерти. Треніе, произведенное Росвелемъ и Стимсономъ, имѣло свое дѣйствіе. Глотокъ водки, навѣрное, спасъ бѣднаго малаго. Пока помогали, Гардинеръ нашелъ подлѣ него кусокъ мерзлой свинины, которая, какъ онъ увѣрился, никогда не была варена. Этого было достаточно, чтобы объяснить родъ напасти, приключившейся съ экипажемъ разбитаго корабля.

Они были такъ заняты попеченіями о бѣдномъ поварѣ, что люди изъ экипажа пришли гораздо скорѣе, чѣмъ они могли надѣяться. Они были приведены Газаромъ и принесли лампу, горящую подъ глиняпымъ сосудомъ, содержащимъ теплый разсыропленный кофе. Это теплое питье произвело прекрасноее дѣйствіе надъ больнымъ и надъ уставшими. Послѣ одного или двухъ глотковъ, сопровождаемыхъ сильнымъ треніемъ, негръ началъ оживать.

Теплый кофе былъ ему очень полезенъ, и каждый его глотокъ возвращалъ ему жизнь. Когда они пришли домой, куда опять возвратились, то онъ уже могъ думать и говорить. А такъ какъ Гарнеръ и Стимсонъ воротились вмѣстѣ съ нимъ, то всѣ могли слышать разсказъ негра.

Онъ сказалъ, что въ теченіе протекшаго ужаснаго мѣсяца, Дагге принуждалъ свой экипажъ дѣлать много работы. Онъ очень безпокоился на счетъ топки и далъ самое строгое приказаніе беречь дрова, какъ можно болѣе. За огнемъ не смотрѣли, какъ слѣдовало бы. Ночью виньярдцы получили приказаніе покрываться, сколько можно платьями. Каюта была маленькая, и большое число людей производило, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на атмосферу.

Таково было положеніе дѣлъ, когда, возвращаясь въ чуланъ, чтобъ приготовить завтракъ, онъ нашелъ огонь потухшимъ. Въ золѣ не было и искорки, а трутъ вышелъ весь. Это было самое большое несчастіе, которое только могло, въ это время, случиться съ виньярдцами. Цѣлый день провели въ безполезныхъ усиліяхъ, чтобы достать огня. Треніе не помогло, потому что оно никогда не помогаетъ, когда температура при нулѣ. Можно бы было получить искры, если бы все не было твердо и холодно; на вторую ночь водка, которую еще не пили, обратилась въ кусокъ

льда. Многіе изъ экипажа начали жаловаться на уши, носы, ноги и другія конечности и скоро всѣ были принуждены скрыться въ постели. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ послали трехъ людей въ домъ, чтобы запастись огнемъ или средствами зажечь его, также и за другими предметами, бывшими необходимыми для спасенія виньярдцевъ. Поваръ былъ послѣднимъ посланнымъ. Онъ прошелъ мимо своихъ товарищей, всѣ они лежали на снѣгу мертвыми, но крайней мѣрѣ ему казалось такъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не подавалъ признаковъ жизни. При видѣ этого ужаснаго зрѣлища, негръ сталъ звать на помощь. Онъ продолжалъ звать, пока самъ, оледенѣвши отъ холода и страха, не упалъ на снѣгъ, приходя въ состояніе летаргіи, которая была бы его послѣднимъ сномъ, если бы не пришелъ Росвель.

Нашъ молодой капитанъ вышелъ въ этотъ вечеръ, во второй разъ. Его провожали одинъ изъ его офицеровъ, матросъ и Стимсонъ.

Холодъ былъ такъ силенъ, что Росвель былъ готовъ возвратиться, когда былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли негра. Но мысль о положеніи, въ которомъ находился Дагге, восторжествовала надъ нимъ, и онъ продолжалъ дорогу.

На мѣстѣ, обозначенномъ негромъ, нашли одного изъ лучшихъ людей экипажа Дагге. Онъ былъ мертвъ, а трупъ его былъ твердъ, какъ кусокъ дерева.

Не теряли времени въ пустыхъ совѣщаніяхъ надъ трупомъ этого человѣка, котораго любили всѣ ойстеръ-пондцы. Черезъ двадцать минутъ нашли другое тѣло; оба трупа находились на дорогѣ, между домомъ и разбитымъ кораблемъ.

Росвель останавливался только на минуту, чтобъ внимательно взглянуть на трупъ и спѣшилъ далѣе туда, гдѣ еще можно было развести огонь, то есть, къ разбитому кораблю. Черезъ десять минутъ они всѣ находились въ ледяныхъ пещерахъ и вошли въ каюту, несмотря ни на право, ни на лѣво, не ища никого изъ тѣхъ, кто долженъ былъ быть въ суднѣ; новопришельцы занялись огнемъ. Въ чуланѣ было запасено много дровъ и было очевидно, что многіе старались добыть огня. Холодъ тихо, но жестоко проникалъ въ платье, и самъ Росвель, моральныя силы котораго въ этотъ день были въ полномъ своемъ развитіи, ощущалъ дрожь. Стимсонъ первый вошелъ въ чуланъ,

другіе слѣдовали за нимъ, неся факелы, полотно, напитанное жиромъ и немного приготовленной бумаги. Нашли, что въ каютѣ, съ затворенною дверью сдѣлалось гораздо теплѣе, однако, когда Росвель посмотрѣлъ на термометръ, то увидалъ, что вся ртуть была въ шарикѣ.

Любопытство, съ которымъ глаза слѣдовали за Стимсономъ, старавшемся развесть огонь, было очень сильно, что не трудно было замѣтить,—жизнь или смерть зависѣла отъ результата, а изъ того, какъ всѣ смотрѣли на Стимсона, можно было видѣть, какой страхъ замерзнуть овладѣлъ всѣми. Только одинъ Росвель осмѣлился осмотрѣть каюту. Изъ виньярдскаго экипажа замѣтно было только трехъ, хотя можно было думать, что многіе были закрыты кучею одеждъ. Изъ трехъ вставшихъ, одинъ былъ такъ близко подлѣ факела, что свѣтъ освѣщалъ его лицо, которое только что виднѣлось изъ-за кожъ.

Этотъ человѣкъ сидѣлъ. Его глаза были открыты и устремлены на бывшихъ въ чуланѣ; губы его были немного раскрыты, и Росвель сначала ждалъ, что онъ будетъ говорить; но неподвижныя черты, окрѣпнувшіе мускулы моряка и странное выраженіе его взгляда, скоро показали истину. Онъ былъ мертвъ. Трясясь столько же отъ холода, сколько и отъ страха, нашъ молодой капитанъ также обратился къ сторонѣ Стимсона, чтобъ посмотрѣть, успѣлъ ли онъ развести огонь.

Стимсонъ положилъ на дрова побольше полотна, напитаннаго жиромъ, и поставилъ лампу среди этихъ сгораемыхъ веществъ. Этотъ опытъ удался. Мало-по-малу, дерево, находящееся на очагѣ, начало отходить; пламя, сначала слабое, стало показываться на дубовыхъ кускахъ.

Къ счастью нашли раздувальный мѣхъ, и, благодаря этому полезному помощнику, дубъ зажегся, и огонь далъ нѣкоторую теплоту.

Потомъ ощутили дрожь, съ которою холодъ оставляетъ человѣческое тѣло. А по количеству и силѣ этой дрожи, Росвель узналъ, какъ онъ и его товарищи находились близко къ смерти. Каюта была такъ мала, такъ узка и такъ загромождена, что почти тотчасъ же замѣтили перемѣну атмосферы. А такъ какъ изъ теплоты ничего не было потеряно, то дѣйствіе было не только видимо, но даже пріятно. Посмотрѣвши на термометръ, Росвель

увидалъ, что ртуть значительно расширилась и уже подпялась изъ шарика вверхъ по трубочкѣ.

— Слава Всевышнему Богу за все Его милосердіе!—вскричалъ Стимсонъ, бросая мѣхъ въ сторону.—Я чувствую теплоту огня, и эта теплота спасетъ еще всѣхъ живыхъ.

Тогда онъ подпялъ крышки и посмотрѣлъ въ различные горшки, находившіеся подлѣ огня. Ледъ скоро таялъ и можно было ощутить жаръ огня. Въ эту-то минуту съ одной изъ постелей послышался слабый голосъ.

— Гарнеръ,—говорилъ этотъ голосъ умоляющимъ тономъ,—если вы имѣете жалость къ человѣческому существу, находящемуся въ страшномъ положеніи, такъ дайте мнѣ глотокъ кофе, чтобъ согрѣться. Ахъ! Какъ пріятенъ его запахъ и какъ онъ долженъ быть хорошъ для желудка! Я три дня ничего не ѣлъ.

Это былъ Дагге, морякъ, такъ давно испытанный, человѣкъ съ желѣзнымъ здоровьемъ, человѣкъ, страстный къ золоту, сосредоточивавшій въ себѣ всю силу, необходимую для человѣка, одержимаго любовью къ прибыли.

Лишь только Росвель узналъ объ участи Дагге, то поспѣшилъ ему помочь. Къ счастью былъ горячій кофе, такой горячій, какъ только можетъ вынести человѣческій желудокъ. Дагге дали два или три глотка этой жидкости, и звукъ его голоса тотчасъ же обнаружилъ то дѣйствіе, которое произвелъ на него кофе.

— Мнѣ очень плохо, Гарнеръ,—сказалъ капитанъ Дагге,—и я боюсь, что мы всѣ здѣсь находимся въ одинаковомъ состояніи. Я боролся съ холодомъ такъ долго, какъ только можетъ вынести природа человѣческая, но мнѣ пришлось уступить.

— Сколько осталось вашихъ людей, Дагге? Скажите намъ, гдѣ мы найдемъ ихъ?

— Я думаю, Росвель, что имъ болѣе ничего не нужно въ этой жизни. Второй офицеръ и два матроса сидѣли въ каютѣ, когда я бросился на постель, и боюсь, чтобы они не умерли. Я уговаривалъ ихъ также лечь, но сонъ уже овладѣлъ ими.

— Въ каютѣ есть трое, которые не нуждаются въ помощи, потому что замерзли, но должны же быть еще. Я вижу еще двухъ на постеляхъ. Что ты скажешь объ этомъ маломъ?

— Душа еще не оставила тѣла, сударь, но она готова отправиться.

Это былъ молодой человѣкъ, по имени Левъ, одинъ изъ са-

мыхъ красивыхъ и самыхъ сильныхъ людей экипажа. Осматривая его члены, нашли, что ни одинъ изъ нихъ еще не замерзъ совершенно, хотя кровообращеніе было готово остановиться и довольно было одного часа подобнаго холода, для его совершеннаго умерщвленія. Осматривая члены Дагге, Росвель ужаснулся сдѣланнаго имъ открытія: ноги, голени, руки несчастнаго виньярдскаго капитана были столь же тверды, какъ льдины. Росвель тотчасъ же послалъ за снѣгомъ, чтобы оттирать больныхъ. Мертвыя тѣла вынесли изъ каюты и положили на ледъ.

Экипажъ «Морского Льва» состоялъ изъ пятнадцати матросовъ, однимъ меньше, чѣмъ на другой шкунѣ. Четверо изъ нихъ умерли на дорогѣ между разбитымъ кораблемъ и домомъ; три тѣла нашли въ каютѣ и вытащили еще двухъ умершихъ на койкахъ. Капитанъ Дагге, поваръ и Левъ, прибавленные къ прочимъ, составили двѣнадцать, только еще о трехъ людяхъ изъ экипажа ничего не знали. Когда спросили у Льва, что съ ними сдѣлалось, то онъ сказалъ, что одинъ изъ трехъ замерзъ въ пещерахъ назадъ тому нѣсколько дней, а двое прочихъ отправились въ сарай въ послѣднюю мятель, не будучи въ состояніи сносить холода въ разбитомъ кораблѣ. А такъ какъ эти двое не приходили еще въ домъ, когда Росвель вышелъ изъ него, то нельзя было сомнѣваться въ ихъ смерти. Итакъ изъ пятнадцати человѣкъ, отплывшихъ изъ Виньярда и презрѣвшихъ опасности изъ любви къ прибыли, осталось только трое; на двоихъ можно было смотрѣть, какъ на находившихся въ сомнительномъ положеніи. Левъ былъ одинъ человѣкъ изъ всего экипажа, который былъ въ добромъ здоровьи и еще могъ служить.

ГЛАВА XXIV.

Моя нога опирается на ледяную гору, тогда какъ вѣтеръ свищетъ кругомъ меня; когда ночь спустилась, мой глазъ различилъ свѣтъ маяка. Я морская птица, морская птица, морская птица, одинокая въ своемъ отчаяніи; морская птица, морская птица, морская птица, единственное здѣсь существо.

Браньярдъ.

Когда вытащили тѣла изъ каюты, и члены Дагге были обложены льдомъ, то Росвель посмотрѣлъ на термометръ. Онъ поднялся на двадцать градусовъ выше нуля. Это уже былъ жаръ въ сравненіи съ тою температурою, которая стояла раньше, и

это можно было замѣтить. Вышедшіе люди скоро возвратились и объявили, что погода очень улучшилась. Черезъ часъ могли видѣть, что термометръ, находившійся наружи, показывалъ два градуса выше нуля. Эта перемѣна произошла отъ вѣтра, подувшаго немного съ юга. Моряки сняли шкуры и позволили погаснуть огню, который зажгли съ такимъ стараніемъ.

Когда встали утромъ, то было еще болѣе перемѣны въ погодѣ. Сильный вѣтеръ пригналъ большой дождикъ. Оттепель была такъ же сильна, какъ морозъ чрезмѣренъ. Въ этой странѣ перемѣна погоды всегда очень скора, отъ зимы къ веснѣ переходъ столь же быстръ, какъ и отъ осени къ зимѣ. Мы употребляемъ слова весна и осень въ обыкновенномъ смыслѣ, но въ сущности эти два времени года почти не существуютъ въ южныхъ моряхъ. Обыкновенно зима переходитъ прямо къ лѣту, такому лѣту, какое только можетъ тамъ быть.

Несмотря на благопріятную перемѣну погоды, Росвель, когда вышелъ на другой день утромъ, вполнѣ убѣдился въ томъ, что лѣто еще не наступило. Надо было, чтобы прошло еще нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ ледъ съ бухты исчезнетъ и даже до тѣхъ поръ, когда можно будетъ спустить шлюпки въ море. Въ одномъ отношеніи люди, находившіеся еще въ живыхъ, выиграли отъ ужасныхъ потерь Дагге: запасы обоихъ кораблей могли теперь служить одному, и Росвель, разсудивши о случившихся обстоятельствахъ, увѣрился въ томъ, что Провидѣніе, можетъ быть, сберегло пережившихъ отъ большихъ лишеній, если не отъ всѣхъ золъ голода.

Между тѣмъ была оттепель и такая, какую можно вообразить себѣ въ такомъ климатѣ, въ которомъ встрѣчались всѣ крайности. Снѣгъ, находившійся на горахъ, скоро началъ сходить потоками въ долину и, падая съ различныхъ высотъ, образовывать прекрасные каскады. Весь снѣгъ, находившійся на утесахъ, исчезъ и ледяные обломки быстро начали терять свою величину. Сначала Росвель боялся за разбитый корабль, думая, что его снесетъ водою въ море. За этимъ опасеніемъ скоро послѣдовало другое, что онъ будетъ разбитъ огромными ледяными кусками, образовавшими пещеры, среди которыхъ онъ находился и которые теперь начали перемѣнять свое положеніе, смотря по тому, какъ вода подмывала ихъ основаніе. Росвель подумалъ презрѣть на нѣсколько времени бурю и перенести Дагге въ сарай на ручной тележкѣ, но увидавши потоки воды,

текшіе съ утесовъ, отказался отъ этой мысли, какъ неисполнимой. Итакъ ему должно было провести еще ночь на разбитомъ кораблѣ.

Сѣверо-восточный вѣтеръ, дождь и оттепель, овладѣли всѣмъ островомъ, когда наши смѣльчаки вышли посмотрѣть погоду. Когда вынесли термометръ на воздухъ, то онъ показывалъ шестьдесятъ два градуса, и моряки сняли вторыя рубашки и самыя тяжелыя платья. Снѣгъ почти совершенно исчезъ, и ледъ много потерялъ изъ своихъ обширныхъ размѣровъ. Что касается до дома, то онъ былъ цѣлъ и кругомъ его не было снѣга.

Росвель, поручивши разбитый корабль своему второму офицеру, отправился на мысъ. Левъ, молодой морякъ, котораго Росвель спасъ отъ смерти, сопровождалъ его, выпросивши у него позволеніе вступить въ ойстеръ-пондскій экипажъ. Оба пришли въ домъ прежде ночи, гдѣ нашли Газара и его товарищей очень безпокоившихся о судьбѣ ушедшихъ. Разсказъ о происшедшемъ на другой шкунѣ произвелъ большое впечатлѣніе на нашихъ моряковъ, и Росвель въ этотъ вечеръ прочелъ молитвы передъ собраніемъ очень внимательнымъ.

На другой день утромъ вѣтеръ, дувшій съ сѣвера, продолжалъ быть тихимъ и бальзамическимъ. Охотники за тюленями не видали подобной погоды съ тѣхъ поръ, какъ прибыли на островъ, и дѣйствіе, которое она на нихъ произвела, ихъ оживило и ободрило. Послѣ завтрака Росвель дошелъ даже до губы, чтобы видѣть состояніе своего собственнаго корабля или, скорѣе, того, что отъ него осталось. Въ немъ находилась большая куча снѣга, и онъ далъ приказаніе нѣкоторымъ изъ своихъ людей очистить его. Около полудня весь этотъ снѣгъ исчезъ.

Лишь только освободили корабль отъ снѣга, то Росвель велѣлъ вынуть изъ него все въ немъ находящееся: остатки груза, бочки съ водою и замерзшіе припасы, чтобы онъ могъ, какъ можно легче всплыть. Такъ какъ ледъ наполнялъ все дно шкуны и былъ въ нѣсколько футовъ толщиною, то сочли благоразумнымъ прибѣгнуть къ очисткѣ. Опытъ удался, и корабль, облегченный отъ тяжести, поднялся на четыре дюйма.

Въ этотъ вечеръ Росвель составилъ совѣтъ изъ своихъ офицеровъ и старѣйшихъ матросовъ. Надо было узнать, оставить ли островъ въ шлюпкахъ, или, сдѣлавши нѣкоторыя поправки

въ остовѣ корабля и возстановивши палубу, воспользоваться этимъ исправленнымъ кораблемъ для возвращенія на сѣверъ?

Поспоривши, пришли къ слѣдующему рѣшенію, а именно: надобно остаться еще съ мѣсяцъ на мѣстѣ, прежде чѣмъ можно будетъ пуститься въ этотъ бурный океанъ, въ полное море и въ открытыхъ шлюпкахъ. А такъ какъ благоразуміе совѣтуетъ провести еще цѣлый мѣсяцъ на островѣ, то очень легко посвятить его на перестройку шкуны. Если же холодная погода возвратиться, то, какъ послѣднее средство, сжечь эти матеріалы.

И такъ принялись за работу, и погода очень рѣдко препятствовала ей. Въ продолженіи трехъ недѣль вѣтеръ былъ благопріятенъ для возвращенія хорошей погоды и шелъ съ востока на западъ, но никогда на югъ. Почти каждые два дня посылали двухъ матросовъ на горы, чтобы посмотрѣть состояніе льда.

Въ продолженіи трехъ недѣль сдѣлали много полезнаго. Дагге перевезли въ домъ въ ручной тележкѣ и ухаживали за нимъ какъ только могли лучше.

Росвель не имѣлъ намѣренія перестроить корабль въ прежнемъ видѣ. Онъ располагалъ только немного поправить его надводную стройку и возстановить, сколько возможно, его палубу.

Къ счастью задняя часть виньярдскаго «Льва» была вся еще цѣла; доски его были очень полезны и помогли исправить заднюю часть шкуны. Но оставалась еще палуба и вся передняя часть. Воспользовались матеріалами различныхъ частей обоихъ кораблей и успѣли починить палубу довольно прочно. Почти безполезно говорить, что снѣгъ, лежавшій по прибрежнымъ утесамъ, скоро растаялъ. Всѣ пещеры исчезли еще въ первую недѣлю оттепели. Наконецъ, начали показываться тюлени, что считали хорошимъ признакомъ.

Отдаленная часть берега была уже покрыта этими животными. Увы! Этотъ видъ уже не возбуждалъ болѣе жадности въ сердцѣ охотниковъ за тюленями. Они не думали о прибыли, но всѣ ихъ желанія ограничивались спасеніемъ своей жизни и занятіемъ скромнаго мѣста въ томъ обществѣ, въ которомъ они были до этого пагубнаго путешествія.

Это вторичное появленіе тюленей произвело на Росвеля Гардинера большое впечатлѣніе. Его умъ болѣе и болѣе занимался религіозными предметами и его разговоры съ Стимсономъ были гораздо чаще, чѣмъ прежде и это не потому, что его наставникъ,

въ разговорахъ подобнаго рода, могъ открыть ему свѣтъ знанія, но потому, что Росвель нашелъ въ Стимсонѣ ту сильную вѣру, которая разрушаетъ всѣ сомнѣнія.

Во время испытаній Стимсонъ никогда не терялъ бодрости.

— Мы не замерзнемъ,—обыкновенно говорилъ онъ,—и не умремъ отъ голода, если на это не будетъ воли Божіей. Если же Богъ захочетъ это, такъ повѣрьте мнѣ, друзья мои, что это послужитъ къ нашему же счастію.

Что касается до Дэгге, то, казалось, что онъ болѣе не думалъ о разбитомъ кораблѣ. Когда ему говорили, что тюлени опять возвратились, то его глаза сверкали, и лицо выражало сильное желаніе, но теперь это былъ только отблескъ нѣкогда столь сильной страсти, отблескъ исчезавшій въ той ночи, которой сумракъ надвигался на него.

— Какъ жалко, Гарнеръ,—говорилъ Дагге,—что у насъ нѣтъ готоваго корабля, чтобы принять другой грузъ, въ это время года можно бы наполнить огромный корабль.

— Грузъ у насъ гораздо значительнѣе, нежели мы можемъ вынести. Намъ надо оставить половину всѣхъ нашихъ кожъ и весь жиръ. Трюмъ шкуны очень узокъ для помѣщенія всего нашего груза. Баластъ корабля я сдѣлаю изъ воды и провизіи, а остальное мѣсто наполню самыми лучшими изъ нашихъ кожъ; все же другое прійдется бросить.

— Зачѣмъ же бросать? Оставьте здѣсь одного или двухъ человѣкъ изъ вашего экипажа, чтобы беречь его, и по своемъ возвращеніи пошлите за нимъ корабль. Оставьте меня здѣсь, Гарнеръ, я готовъ остаться.

Росвель нѣсколько разъ разговаривалъ съ Дагге, не скрывая отъ него его положенія. Дагге созналъ самъ близость угрожающей ему смерти. Стимсонъ часто молился за Дагге, а Росвель, по его собственной просьбѣ, читалъ ему главы изъ Библіи; это заставляло думать, что виньярдецъ болѣе заботится о близкомъ концѣ, нежели о выгодахъ этой жизни. Онъ такимъ и былъ, пока не сказали ему о возвращеніи тюленей.

Въ это время всего болѣе занимались поправкою «Морского Льва». Хотя эта продолжительная оттепель была очень благопріятна для нашихъ моряковъ, но читатель не долженъ считать ее за ту теплоту, которою въ умѣренномъ климатѣ пользуются въ маѣ мѣсяцѣ. Не было ни одного цвѣтка, ни одного признака

растительности, и лишь только переставалъ дуть сѣверный вѣтеръ, какъ все замерзало. Два или три раза холодъ былъ такъ силенъ, что думали, что зима возвратилась, и въ концѣ третьей недѣли прекрасной погоды порывъ южнаго вѣтра принесъ снѣгъ и ледъ. Буря началась утромъ до восхода солнца. Дни тогда были очень долги, и все пространство, находившееся вокругъ дома было завалено кучами снѣга. Вся работа была брошена въ эту бурю, которая могла довести несчастныхъ охотниковъ за тюленями до печальной необходимости, сжечь еще часть, почти уже конченной, шкуны, чтобы не умереть отъ холода. Тогда-то сказали Дагге, что отъ обоихъ кораблей, кромѣ употребленнаго на поправку шкуны, ничего не осталось дерева, чтобы поддерживать еще огонь въ продолженіи сорока восьми часовъ.

Перепробовали все: зажгли большое число лампъ, похожихъ на огромные факелы, изъ стараго полотна и жира морскихъ слоновъ. Такимъ образомъ достали немного тепла.

Въ эту-то бурю душа Дагге улетѣла въ другой міръ, чтобъ дожидаться тамъ часа, въ который предстанетъ на судъ предъ Богомъ. Передъ смертью онъ былъ откровененъ съ Росвелемъ; всѣ его ошибки и непредусмотрительность поразили его самаго.

— Я боюсь, что слишкомъ любилъ деньги,—сказалъ онъ Росвелю, менѣе чѣмъ за часъ до вылета послѣдняго вздоха,— но надѣюсь, что не столько для себя, сколько для другихъ. Жена и дѣти, Гарнеръ, самая сильная связь, привязывающая человѣка къ землѣ. Подруги охотниковъ за тюленями привыкли къ несчастнымъ приключеніямъ, и виньярдскія женщины знаютъ, что очень рѣдкія изъ нихъ видятъ подлѣ себя мужа въ старости. Бѣдная Бетси! Для насъ обоихъ лучше было бы довольствоваться малымъ, которое мы имѣли, потому что теперь должно лишиться всего.

Дагге нѣсколько минутъ молчалъ, хотя шевелилъ губами и, навѣрное, молился. Видъ этого послѣдняго издыханія былъ печаленъ, но никакая человѣческая помощь не могла возвратить больного къ жизни. Во избѣжаніе неудобствъ, которыя могли произойти отъ оставленія тѣла въ тепломъ мѣстѣ, его вынесли на снѣгъ, на небольшое разстояніе отъ дома, спустя часъ, какъ оно перестало дышать.

Когда Росвель увидалъ этого человѣка, такъ долго, вслѣдствіе любви къ золоту прилипавшаго къ нему какъ піявка, сдѣ-

лавшимся теперь безчувственнымъ трупомъ среди льдовъ Антарктическихъ морей, то усмотрѣлъ въ судьбѣ Дагге высокое указаніе суетности дѣлъ человѣческихъ. Какъ онъ мало могъ предвидѣть случившееся и какъ онъ обманулся въ своихъ собственныхъ разсчетахъ и надеждахъ! Что же такое тотъ человѣческій умъ, которымъ онъ такъ гордился и какое право имѣлъ онъ считать себя судьею всѣхъ вопросовъ настоящаго и будущаго!

не перегибайте книг при чтении.

ГЛАВА XXV.

Около еврейскаго законодателя находилась восхищенная толпа, я увидѣлъ двѣнадцать апостоловъ. О! съ какими взглядами восторга и радости, съ какими слезами, съ какимъ экстазомъ они созерцали вновь своего возлюбленнаго учителя!

Уиль Хаузъ. «День судный».

Пришлось сознаться въ томъ, что надобно было или погасить огонь, или сжечь постели и другую мебель, находившуюся въ домѣ. Росвель для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ продолжительности холода, вышелъ и прорылъ себѣ проходъ среди снѣга, который возвышался передъ домомъ и почти весь покрывалъ его.

— Я не вижу никакой перемѣны, г. Газаръ,—сказалъ Росвель,—холодъ только усиливается.

Посовѣтовались и рѣшили, что поужинавши лягутъ, закрывшись шкурами и одѣялами. Думали, что лучше употребить постели на это, чѣмъ разломать, чтобы сжечь на очагѣ. Такимъ образомъ провели тридцать шесть часовъ, сохраняя животную теплоту и противясь холоду.

Росвель проспалъ послѣдніе десять часовъ, какъ и большая часть его окружавшихъ. Общее чувство оцѣпенѣнія овладѣло всѣми людьми, и ноги и колѣни большей части ихъ, несмотря на навалennыя одѣяла, сдѣлались очень чувствительными къ холоду. Никто не зналъ, насколько въ эту ночь упалъ термометръ. Холодъ проникъ въ домъ, обращая все въ ледъ.

Постели перестали грѣть, и довольно было открыть плечо, руку или ухо, чтобъ отморозить ихъ. У многихъ болѣла голова, а другіе едва дышали. Даже чувствовали онѣмѣніе внутри, и тогда-то заснулъ Росвель, но не спокойнымъ сномъ. Теперь всѣ уступили снотворному вліянію, хотя многіе спорили съ чувствомъ, предшествующимъ смерти.

Росвель и самъ не зналъ, сколько онъ спалъ въ этотъ разъ. Когда онъ проснулся, то увидалъ въ домѣ зажженный факелъ и услыхалъ, что кто-то ворочался въ чуланѣ. Тогда его мысли перенеслись на него самого и на состояніе его членовъ. Желая потереть ногу ладонью, онъ нашелъ ее почти не чувствительной.

Росвель сначала испугался и сталъ сильно тереть, пока не почувствовалъ возобновившагося кровообращенія. Страхъ Росвеля былъ такъ силенъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на человѣка, находившагося въ чуланѣ, пока тотъ не сталъ подлѣ его постели, держа въ рукахъ чугунный горшокъ. Это былъ Стимсонъ, оставившій свои кожи и находившійся въ добромъ здоровьи.

— Вотъ теплый кофе, капитанъ Гарперъ,—сказалъ всегда предусмотрительный Стимсонъ, — вѣтеръ, по милости Господа Бога, перемѣнился, и пошелъ дождь. Теперь я думаю, что настанетъ настоящее лѣто, по крайней мѣрѣ, какое оно можетъ быть здѣсь.

Росвель проглотилъ нѣсколько глотковъ кофе, почти кипѣвшаго, и тотчасъ же почувствовалъ его благодѣтельное вліяніе.

Онъ послалъ Стимсона къ другимъ постелямъ. Скоро теплый кофе и треніе совершенно подняли всѣхъ. Стимсонъ развелъ огонь, и въ этотъ разъ истребили все дерево, оставшееся въ домѣ, и скоро въ комнатѣ начали ощущать дѣйствіе тепла. Но перемѣна вѣтра и происшедшее улучшеніе въ погодѣ, навѣрное, предохранили весь ойстеръ-пондскій экипажъ отъ печальной судьбы виньярдскаго экипажа.

Стимсонъ роздалъ чашки кофе, кровь была возбуждена, и скоро всѣ были на ногахъ.

Было уже не очень холодно, термометръ поднялся на двадцать шесть градусовъ выше нуля, а огонь, разведенный въ кухнѣ Стимсономъ, и перемѣна вѣтра подняли ртуть до сорока шести градусовъ.

На слѣдующій день дождикъ пересталъ, и лѣто казалось возвратившимся.

Такъ какъ снѣгъ исчезъ такъ же скоро, какъ и явился, то всѣ пришли въ движеніе; ни одинъ человѣкъ не желалъ еще разъ спорить съ холодомъ. Росвель думалъ, что суровость холода, который вынесли, болѣе не возвратится, и что это было послѣднее усиліе зимы. Стимсонъ думалъ такъ же. Подняли паруса,

Не перегибайте книгу при чтеніи.

закрывавшіе внѣшнія части дома, и перенесли на палубу шкуны всѣ вещи, которыя хотѣли увести. Нашъ молодой капитанъ хотѣлъ знать, какова была температура на островѣ, и влѣзъ на самую высокую гору, на которой остановился, не достигши и половины дороги до вершины.

Онъ увидалъ, что послѣдній потопъ прогналъ весь ледъ и всѣхъ мертвыхъ въ море. Тѣло Дагге исчезло вмѣстѣ съ кучами снѣга, на которыя онъ былъ вынесенъ; волны унесли всѣ остовы тюленей. Однимъ словомъ, утесы были столь же голы и столь же свободны, какъ будто на нихъ никогда не была нога человѣческая. Поэтому Росвель заключилъ, что послѣдняя буря была необыкновенно сильна.

Но состояніе льдовъ было самое важное. Шкуна могла быть готовой черезъ недѣлю.

На третій день съ начала оттепели вѣтеръ поворотился къ юго-западу и дулъ весьма сильно. Около шести часовъ Газаръ донесъ Росвелю, что вода начала течь съ горъ, и что онъ боялся, чтобы каналъ не былъ осажденъ льдомъ, находившимся внѣ и внутри губы. Вслѣдствіе этого не надо было терять времени, если хотѣли воспользоваться перемѣною погоды. Распилили ледъ на пространствѣ ста метровъ. Проходъ былъ не шире самой шкуны, и очень легко поняли, что ее надо какъ можно скорѣе провести по этому узкому проливу. Всѣ принялись за работу, и черезъ пять часовъ послѣ донесенія Газара, «Морской Левъ» подошелъ къ мысу на шесть или восемь разъ своей длины.

Въ восемь часовъ все было на палубѣ, и можно было обнять взглядомъ каналъ, слѣдовавшій по всѣмъ извилинамъ берега Росвель понималъ всю опасность, можетъ быть, самую большую, которой избѣгалъ до сихъ поръ. Если бы перемѣнился вѣтеръ, или если бы одинъ изъ необъяснимыхъ потоковъ бросился напротивъ, то шкуна навѣрное была бы разбита или обращена въ щепы въ теченіе двухъ или трехъ часовъ. Слѣдовательно, пользоваться временемъ было самое важное.

Шкуна едва могла итти по каналу. Два раза были принуждены пилить ледъ. Въ два часа «Морской Левъ» находился среди большой бухты, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ губы, подлѣ того мѣста, гдѣ мысъ, менѣе возвышаясь, поворачивалъ къ юго-востоку. Вѣтеръ былъ свѣжъ, и черезъ полчаса юго-восточный мысъ явился взорамъ нашихъ моряковъ. Черезъ де-

сять минутъ «Морской Левъ» плылъ по направленію къ юго-востоку и востоку, въ воды, свободныя отъ льдовъ.

Хотя была только одна ледяная равнина, находившаяся на югъ отъ острововъ и въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, но кромѣ нея было множество ледяныхъ годъ. Правда, что плувучія горы не подходили къ каналу, но цѣлый флотъ ихъ осаждалъ острова столь далеко, какъ только могъ достичь взглядъ. Скоро сдѣлалось яснымъ, что шкуна не могла пренебрегать подобными опасностями. Если вѣтеръ будетъ благопріятенъ, то можно восторжествовать надъ трудностями, но могло быть и иначе. Итакъ, должно было искать другихъ способовъ спасенія.

Надо было выбирать между двумя крайностями: первая, обогнуть группу острововъ, проходя на востокъ вулкана, гдѣ еще не былъ ни одинъ человѣкъ; вторая, итти по восточному краю бухты и искать какого-нибудь прохода, по которому бы шкуна могла пройти на сѣверъ. Посовѣтовавшись съ своими офицерами. Росвель выбралъ второе средство.

Въ эту ночь еще встрѣчали осколки льда, которыми океанъ былъ полонъ, но миновали ихъ безъ всякой опасности. Къ счастью, ночь клонилась къ концу, и солнце освѣтило поверхность зыблющихся волнъ. Вѣтеръ въ продолженіе трехъ дней дулъ къ юго-западу. Когда наступила вторая ночь, то море было свободно отъ льдовъ. Въ восемь часовъ утра четвертаго дня примѣтили на волнахъ черную точку, и съ каждою минутой эта точка дѣлалась все явственнѣе.

Черезъ часъ или два «Морской Левъ» находился въ трехъ миляхъ отъ мыса Горна. Сколько воспоминаній столпилось въ умѣ Росвеля, когда онъ припомнилъ все прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ эти дикія горы! Какъ бы ни было бурно море и какъ бы ни казалось это имъ страшнымъ, моряки, идущіе изъ болѣе бурной и болѣе ужасной страны, смотрѣли на него какъ на мѣсто убѣжища. Они знали, что не очень легко было бы провести тутъ зиму, но они провели ее въ странѣ, гдѣ даже не было и топлива, если бы не привезли его съ собой.

Спустя двадцать дней «Морской Левъ» еще разъ поднялъ паруса въ Рію-Жанейро, продавши весь оставшійся у него слоновый жиръ и купивши припасовъ, въ которыхъ нуждался корабль. Черезъ нѣсколько недѣль шкуна находилась между низкими

песчаными мелями. Искали мѣста, чтобы бросить якорь, и, наконецъ, нашли, гдѣ могъ остановиться корабль, и Росвель вышелъ на землю.

ГЛАВА XXVI.

Пусть зима идетъ! И пусть полярное дыханіе разноситъ мракъ и порывы бури.
Кемпбелль.

Время не останавливалось въ своемъ быстромъ бѣгѣ, когда всѣ эти событія происходили въ Антарктическихъ моряхъ. Прошло лѣто, то лѣто, которое должно было возвратить охотниковъ за тюленями, и осень такъ же оледенила надежду, какъ и тѣло. Зима не сдѣлала никакой перемѣны. О Росвелѣ и его товарищахъ не узнали ничего, и въ самомъ дѣлѣ надо было чудо, чтобы получить о нихъ какое-нибудь извѣстіе.

Марія Праттъ не поминала Росвеля въ своихъ молитвахъ. Она считала его умершимъ, и ея пуританское вѣрованіе запрещало ей молиться о тѣхъ, кто уже не существуетъ болѣе. Во время ея молитвъ имени Росвеля никогда не было на ея губахъ, хотя не проходило и минуты, чтобы образъ Росвеля не представлялся ея воображенію. Онъ жилъ въ ея сердцѣ, откуда она не могла изгнать его.

Что касается до Пратта, то старость, болѣзнь, безпокойство ума его подкосили. Страсти, владѣвшія имъ, когда онъ наслаждался здоровьемъ, обратились противъ него и напали на его жизненное начало, какъ птицы на кормъ. Докторъ Сэджъ не скрывалъ отъ Маріи, что ея дядя и покровитель навѣрное не проживетъ долго.

Нѣтъ ничего отвратительнѣе корыстолюбія родственниковъ предъ смертью богатаго человѣка. Знали, что у Пратта было большое состояніе, и думали, что оно простиралось до тридцати или сорока тысячъ долларовъ, что назадъ тому тридцать лѣтъ считали богатствомъ въ графствѣ Сюффолкскомъ, и всѣ въ графствѣ, имѣвшіе хотя малѣйшее родство съ Праттомъ, окружили его постель. Въ это время общей о немъ заботы, предметомъ которой былъ Праттъ, Марія, ухаживавшая за нимъ съ такою преданностью, могла показаться равнодушною зрительницею. Другіе, бывшіе въ той же степени родства съ Праттомъ, какъ и она, и двое родныхъ, братъ и сестра, бывшіе въ болѣе близкой

степени, имѣли свои притязанія, отъ которыхъ не были расположены отказываться.

Марія была бы счастлива, еслибъ могла молиться у изголовья своего дяди, но пасторъ Уитль овладѣлъ этою обязанностью, утверждая, что Праттъ не могъ оставить этотъ свѣтъ, не исполнивши всѣхъ формальностей, употребляемыхъ въ молельнѣ. Нѣкоторые изъ родныхъ, имѣвшіе очень мало и не знавшіе, что были за дѣла между Праттомъ и пасторомъ, жаловались на слишкомъ ясные намеки, которые дѣлалъ этотъ послѣдній на денежную бѣдность конгрегаціи и почти на прямую просьбу о томъ, чтобы Праттъ завѣщалъ имъ что-либо и тѣмъ далъ бы возможность пастору расписать храмъ, купить нѣсколько новыхъ балдахиновъ и переложить снова стѣны зданія. Эта скромная просьба, шептали они,—потому что тогда шептали обо всемъ,—будетъ стоить тысячи долларовъ богатства, нажитаго Праттомъ съ такимъ стараніемъ.

Начался апрѣль, обыкновенно прекрасный въ приморскихъ мѣстахъ, хотя тамъ перемѣны температуры случаются очень не рѣдко. Днемъ, въ который произошла описываемая нами сцена, окна спальни Пратта были отворены, и тихій южный вѣтеръ порхалъ по его блѣднымъ и морщинистымъ щекамъ.

Смерть стояла у изголовья Пратта, хотя еще жизненный источникъ спорилъ съ тою ужасною властью, которой покорно все человѣчество.

Докторъ приказалъ, чтобы въ комнатѣ умирающаго не было болѣе двухъ или трехъ особъ, и то самыхъ близкихъ. Между этими послѣдними была Марія. Она не думала уже объ его скупости, объ его страсти къ прибыли, объ его сильномъ самолюбіи, жертвовавшемъ всѣмъ своему частному интересу, и такъ мало Божеству. Въ то время, какъ Марія была у изголовья своего дяди, ей сказали, что Бетингъ Джой желалъ ее видѣть и что онъ ждетъ ее въ коридорѣ, ведущемъ въ спальню. Она вышла къ старому рыбаку, стоявшему подлѣ окна, выходящаго на востокъ и слѣдовательно находившагося противъ Гардинеръ-Бея.

— Вотъ онъ, сударыня!— сказалъ Джой, показывая на окно, и все его лицо выражало большую радость.—Вотъ онъ! Надо тотчасъ же сказать Пратту, дабы тѣмъ усладить его послѣднія минуты. Вотъ онъ! Я его тотчасъ же узналъ.

Марія замѣтила корабль, плывшій къ Ойстеръ-Понду, и что

онъ былъ изъ разряда шкунъ: но онъ былъ такъ далеко, что она не ожидала увидать «Морского Льва», и ей казалось невозможнымъ, чтобы это былъ корабль, котораго она уже и не ждала.

— Что ты мнѣ показываешь, Джой? — спросила очень наивно удивленная Марія.

— Этотъ корабль—«Морской Левъ», котораго мы считали такъ давно погибшимъ, но который возвращается въ то время, когда его арматоръ оставляетъ землю.

Джой могъ говорить цѣлый часъ: онъ болталъ двѣ или три минуты, высунувши голову и половину тѣла за окно,—Марія не прерывала его. Она опустилась на стулъ, чтобъ не упасть на полъ.

— Джой, — сказала она, — развѣ ты не видишь, что эта шкуна не похожа на «Морского Льва»?

— Это правда въ нѣкоторомъ отношеніи, тогда какъ въ другомъ это тотъ же корабль. Высокія мачты перемѣнены. Но вотъ парусъ, который я самъ сдѣлалъ и который долженъ былъ служить сигналомъ для Пратта! Нѣтъ болѣе сомнѣнія, это онъ!

Джой могъ говорить еще съ полчаса, не будучи прерванъ. Марія ушла въ свою комнату, оставляя его высунувшимъ голову и тѣло въ окно и дѣлавшимъ свои заключенія, тогда какъ особа, въ которой онъ обращался, стояла на колѣняхъ и благодарила Бога.

Черезъ часъ не оставалось никакого сомнѣнія. Шкуна прошла между Ойстеръ-Пондомъ и Шелтеръ-Айлэндомъ и направилась къ столь хорошо извѣстной Ойстеръ-Пондской набережной.

— Это необыкновенно, Марія, — вскричалъ задыхающимся голосомъ Праттъ,—не странно ли, Марія, что Гарперъ возвращается? Если онъ исполнилъ свою обязанность относительно меня, такъ это успокоитъ и осчастливитъ вечеръ моей жизни. Я надѣюсь, что я всегда былъ благодаренъ за благодѣянія Божіи, и благодарю Его теперь отъ чистаго сердца. Если собственность дана мнѣ, то я никогда не откажусь отъ нея. Меня просили сдѣлать завѣщаніе, но я сказалъ имъ, что имѣю такъ мало, что не для чего его дѣлать, а теперь, когда моя шкуна воротилась, то я не сомнѣваюсь, что они опять будутъ просить меня. Если со мною что-нибудь случится, Марія, то ты можешь посмотрѣть бумагу, которую я далъ тебѣ, и это удовлетворитъ всѣхъ ихъ. Ты припомни, что она адресована Гарнеру. Она не слишкомъ

важна, и они немного найдутъ въ ней. но, что бы то ни было, это послѣдній мой актъ, котораго я не перемѣню. Но когда я подумаю, что Росвель воротился,—это оживляетъ меня, и черезъ недѣлю я буду на погахъ, если только онъ не позабылъ страны и скрытаго сокровища.

Марія Праттъ вздохнула, когда увидала, что ея дядя, дни котораго уже были сочтены, питаетъ такія надежды.

Что касается до родныхъ Пратта, то ихъ алчность усилилась. Узнать, что корабль, наполненный мѣхами, принадлежавшій Пратту, возвратился,—было довольно, чтобъ смутить наслѣдниковъ. Но предполагать, основываясь на слухахъ, что этотъ корабль привезъ сокровище,—значило воспламенить ихъ жадность.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ прибылъ, этотъ небольшой корабль, разбитый бурею, осажденный льдомъ и вполовину сожженный, пробѣжавши пространство, равнявшееся полудюжинѣ обыкновенныхъ плаваній. Шкуна, хорошо извѣстная читателю, плыла къ берегу, на которомъ всѣ человѣческія существа, для которыхъ было сколько-нибудь приличнымъ находиться тамъ, собрались толпою.

— Это онъ!—вскричалъ Джой.—Капитанъ Гарперъ, здравый и невредимый! Вотъ онъ на палубѣ.

Маленькая дѣвочка ушла, унося эту новость, и скоро сообщила ее Маріи, которая плакала отъ радости. Черезъ часъ Росвель сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ, потому что и для самой скромной женщины въ подобную минуту нельзя было выказывать холодность или осторожность. Въ то время, когда Росвель прижималъ Марію къ своему сердцу, онъ прошепталъ ей на ухо, что почитаетъ теперь Іисуса Христа, какъ Сына Божія. Кроткая и прекрасная дѣвушка слишкомъ хорошо знала откровенность и чистосердечіе характера своего возлюбленнаго, чтобы сомнѣваться въ томъ, что онъ сказалъ ей. Эта была самая счастливая минута ея жизни.

Между тѣмъ новость достигла до Пратта, и оба они были позваны къ изголовью умирающаго. Состояніе прилива жизненной силы Пратта было такъ сильно, что его наслѣдники начали сожалѣть, что она такъ скоро достигла до него. Только одна, изъ многочисленнаго семейства, Марія Праттъ ощущала родственныя и христіанскія чувства. Всѣ прочіе члены семейства видѣли въ умирающемъ человѣкѣ только богатаго человѣка.

— Добро пожаловать, Гарнеръ, добро пожаловать!—вскричалъ Праттъ съ такою силою, что молодой человѣкъ сначала не могъ дать себѣ отчета въ положеніи больного.—Я никакъ не могъ отказать себѣ въ желаніи видѣть васъ и всегда думалъ, что получу отъ васъ хорошія извѣстія. Фамилія Гарнеровъ такова, что на нее можно положиться, и вотъ почему я поручилъ вамъ начальство надъ моею шкуною.

Такъ какъ Праттъ остановился, чтобъ вздохнуть, то Марія печально возвратилась къ мысли, что страсти этого міра еще господствуютъ надъ душею этого человѣка, которому можетъ быть не остается и одного часа жизни. Эти впавшіе, но еще воодушевленные глаза, эти щеки, похожія на высохшій листъ клена, положенный на холодный и бѣлый камень,—все это представляло печальную картину. Одна Марія сознавала неприличіе этой сцены и то, какъ дурно дѣлаютъ тѣ, которые ободряютъ эти чувства, такъ овладѣвшія ея дядей. Но даже самъ пасторъ Уитль любопытствовалъ узнать, что за сумма прибавится къ наслѣдству Пратта съ возвращеніемъ столь давно ожидаемаго корабля. Итакъ, когда глаза всѣхъ были устремлены на прекрасное лицо молодого человѣка, стоявшаго подлѣ изголовья Пратта, когда братъ, сестра, племянники, племянницы, двоюродные братья и другіе дожидались, пока станетъ говорить Росвель, пасторъ ощущалъ не менѣе другихъ безпокойство, и его лицо было очень озабочено. Лишь только Праттъ перевелъ духъ и выпилъ нѣсколько крѣпительныхъ капель, его мысли обратились на предметъ, которымъ онъ занимался всю свою жизнь.

— Это друзья, Гарнеръ,—сказалъ онъ,—посѣтившіе меня въ небольшой болѣзни, которой я не такъ давно страдаю, и они будутъ счастливы узнавши о нашемъ богатствѣ. Итакъ, Гарнеръ, вы привели шкуну! Что скажутъ сагъ-гарбурскіе арматоры, утверждавшіе, что мы ее болѣе не увидимъ...? Вы ее привели, Гарнеръ... привели!..

— Только отчасти, г. Праттъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы васъ не видали, съ нами случилось много и хорошаго, и дурного, но мы привели только самую лучшую ея часть.

— Лучшую часть,—сказалъ съ живостью Праттъ, что заставило его остановиться,—самую лучшую часть! Что же сдѣлалось съ остальной?

— Остальное мы сожгли, сударь, чтобы не умереть отъ холода.

Росвель разсказалъ въ краткихъ, но ясныхъ словахъ все случившееся, и какъ остатки «Морского Льва» изъ Виньярда были употреблены для поправки его шкуны. Этотъ разсказъ привелъ Марію къ постели ея дяди, и она устремила свои глаза на лицо разсказчика.

Праттъ испытывалъ теперь самую неблагородную страсть: скупость,—по мѣрѣ того, какъ говорилъ Росвель, его умъ представлялъ ему всѣ источники богатства, которые ускользали у него одинъ за другимъ, пока онъ, наконецъ, не осмѣлился заговорить трепещущимъ голосомъ и съ лицомъ, лишеннымъ всякаго воодушевленія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—я могу считать свое предпріятіе за ничто. Страховщики откажутся заплатить за корабль такимъ образомъ перестроенный, виньярдцы провозгласятъ свои права на вознагражденіе, потому что вы два раза воспользовались имъ и употребили ихъ матеріалы. Есть ли у насъ грузъ?

— Нѣтъ, г. Праттъ, все еще не такъ худо. Мы привезли довольно шкуръ, чтобъ заплатить жалованье всему экипажу, чтобы окупить ваше снаряженіе шкуны, не говоря уже о довольно значительной суммѣ. Нашъ мѣховой грузъ не можетъ стоить менѣе двадцати тысячъ долларовъ, кромѣ того, что мы оставили на островѣ и за которымъ можемъ послать другой корабль.

— Это другое дѣло,—вскричалъ Праттъ. — Хотя шкуну можно считать разбитой и хотя расходы огромны, но я боюсь итти далѣе, Гарнеръ, скажите мнѣ?.. Я очень слабъ! Гдѣ вы остановились?.. Марія, спроси его.

— Я думаю, что дядюшка желаетъ спросить васъ, останавливались ли вы подлѣ берега западной Индіи, какъ вамъ приказывали?

Марія выговорила эти слова съ отвращеніемъ, потому что хорошо видѣла, что для ея дяди было не время думать о дѣлахъ этой жизни.

— Я ничего не позабылъ изъ вашихъ приказаній, сударь,— сказалъ Росвель,— это моя обязанность, и я думаю, что въ точности ее исполнилъ.

— Подождите, Гарнеръ,—перервалъ умирающій,—мнѣ надо

спросить васъ. Виньярды не имѣютъ никакого права на эти кожи?

— Навѣрное, нѣтъ, сударь. Эти кожи принадлежатъ намъ. Есть кожи, принадлежащія виньярдцамъ, но онѣ свалены въ нашемъ домѣ, гдѣ мы ихъ оставили.

— Но, Гарперъ, намъ надо поговорить о самомъ важномъ. Не хотите ли, чтобы всѣ вышли изъ комнаты на время нашего разговора?

И Праттъ силился засмѣяться. Въ комнатѣ остались больной, Марія, Росвель и сидѣлка, которую нельзя было выгнать, и которая считала себя въ правѣ знать всѣ семейныя тайны.

— Дверь затворена? — сказалъ тренещущимъ голосомъ Пратъ, потому что его смущеніе, соединившееся съ слабостью, волновало все его тѣло.—Марія, притвори хорошенько дверь, это наша тайна, надо, чтобы сидѣлка не забыла этого.

Марія увѣрила его, что они были одни, и отвернулась отъ него, чтобы скрыть свою горесть.

— Теперь, Гарперъ,—сказалъ Праттъ,—говорите мнѣ все.

Росвель колебался отвѣчать, потому что тоже видѣлъ съ прискорбіемъ, что любовь къ прибыли господствовала надъ старикомъ до послѣдняго вздоха.

— Вы забыли берегъ?—сказалъ Праттъ съ горестью.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, я исполнилъ свою обязанность.

— Вы нашли его? Мѣсто хорошо было означено?

— Да,—отвѣчалъ Росвель.

— Итакъ, вы нашли то, о чемъ говорилъ Дагге?

— Да, сударь, точно такъ, какъ обозначилъ Дагге.

— Ну, ну! Вы вскопали маленькій бугорокъ?

— Да, сударь, и мы нашли ящикъ, описанный пиратомъ.

— Бьюсь о закладъ, что большой, укладистый ящикъ! Пираты рѣдко дѣлаютъ что-нибудь въ половину. Хи, хи, хи!

— Я ничего не могу сказать о величинѣ ящика, но въ немъ долженъ былъ быть другой, небольшой стеклянный ящикъ.

— Но, что въ немъ-то было, объ этомъ вы не говорите?

— Вотъ что, сударь,—сказалъ Росвель, вынимая изъ кармана небольшой мѣшокъ, который положилъ на постель подлѣ Пратта.—Всѣ монеты были золотыя, ихъ здѣсь сто сорокъ три; это очень тяжелые дублоны, и каждый изъ нихъ стоитъ десяти долларовъ.

Праттъ раскрылъ ротъ и, въ то время какъ схватилъ кошелекъ, хотѣлъ вздохнуть. Черезъ минуту онъ умеръ, и есть основаніе думать, что демоны, возбуждавшіе въ немъ эту страсть, возрадовались такому концу. Видъ скупости при послѣднихъ его минутахъ такъ опечалилъ Марію, что она глубоко огорчилась при видѣ такой его смерти.

ГЛАВА XXVII.

> Скажите ему, чтобы онъ палъ на колѣни передъ Богомъ, Который надъ нимъ, передъ Существомъ безконечнымъ, всемогущимъ, передъ Создателемъ; пусть онъ станетъ на колѣни, и мы станемъ вмѣстѣ съ нимъ.
>
> *Байронъ.*

Погребеніе назначено было въ воскресенье, въ которое не занимались дѣлами. На другой день утромъ «друзья» собрались въ гостиной и приступили къ дѣлу, говоря, что многіе изъ нихъ должны возвращаться довольно далеко.

— Прежде, чѣмъ мы разстанемся, намъ надо разсмотрѣть дѣла Пратта,—сказалъ Іовъ Праттъ.—Между родными и друзьями должна существовать только одна любовь, и я увѣренъ, что не имѣю другого чувства. Я предполагаю,—г. Іовъ Праттъ всегда говорилъ только предположеніями,—я предполагаю, что надо именно мнѣ управлять дѣлами, если только на это всѣ согласятся. Если же, хотя одинъ будетъ противъ этого, такъ я ни за что не возьмусь.

Всѣ согласились, потому что знали, что законъ ему присуждаетъ это право.

— Я никогда не думалъ, чтобъ у Пратта было такое богатство, какое ему приписывали, хотя и предполагалъ, что оно доходитъ до десяти тысячъ долларовъ.

— Боже мой!—вскричала двоюродная сестра, вдова, разсчитывавшая на завѣщаніе.—Я всегда думала, что у Пратта сорокъ или пятьдесятъ тысячъ долларовъ! Десять тысячъ долларовъ составляютъ не очень много для всѣхъ насъ, если ихъ раздѣлить между многими.

— Раздѣлъ не такъ великъ, какъ вы думаете, г-жа Мартинъ,—сказалъ г. Іовъ,—потому что ограничится самыми близкими родными и ихъ представителями. Такъ какъ нѣтъ завѣща-

нія, то все имущество должно быть раздѣлено на пять частей,— и каждая часть, по моимъ вычисленіямъ, будетъ равняться двумъ тысячамъ долларовъ. Безъ сомнѣнія, это не большое богатство, но все лучше, чѣмъ ничего. Праттъ былъ бережливъ, — всѣ Пратты таковы. Надобно заботиться о тѣхъ средствахъ, которыя намъ посылаетъ Провидѣніе.

— Каждый долженъ заботиться, какъ говорите вы, сударь,—сказала вдова Мартинъ.—Вотъ почему бы я хотѣла знать, есть ли завѣщаніе? Я знаю, что Праттъ долженъ былъ подумать обо мнѣ, и не полагаю, чтобы онъ оставилъ этотъ свѣтъ, не позаботившись о своей двоюродной сестрѣ Джени и ея вдовствѣ.

— Опасаюсь этого, сударыня, опасаюсь. Я никогда не слыхалъ о завѣщаніи. Докторъ сомнѣвается, чтобы Праттъ имѣлъ мужество написать актъ, гдѣ бы шло дѣло о его смерти. Марія тоже никогда не слыхала о завѣщаніи, и я не знаю, къ кому еще обратиться. Но я долженъ сказать, что пасторъ Унтль думаетъ, что есть завѣщаніе.

— Завѣщаніе должно непремѣнно быть, — сказалъ пасторъ,—благочестивый членъ церкви далъ мнѣ надежду, когда я говорилъ ему о нуждахъ этой церкви, чего бы не было, если бы онъ не хотѣлъ сдержать своего обѣщанія. Я думаю, что всѣ согласятся со мною.

— Праттъ вамъ обѣщалъ что-нибудь? — робко спросилъ Іовъ.

— Можетъ быть.—отвѣчалъ пасторъ Унтль, совѣстясь сдѣлать грѣхъ лжи.—Но человѣкъ можетъ обѣщать и косвенно столь же хорошо, какъ и прямо.

— Можетъ быть,—спокойнѣе отвѣчалъ Іовъ Праттъ, хотя улыбался тому, что причинилъ новое безпокойство вдовѣ Мартинъ, которая боялась все болѣе и болѣе, чтобы, за отсутствіемъ всякаго завѣщанія, не послѣдовали закону о раздѣлѣ.

— Я бы хотѣлъ,—сказалъ пасторъ,—чтобы поискали опять, нѣтъ ли завѣщанія.

— Я согласенъ на все,—сказалъ Іовъ Праттъ, котораго увѣренность и мужество съ каждою минутою возрастали.—Я соглашаюсь на все и желалъ бы только знать, къ кому мнѣ должно обратиться?

— Кто-нибудь изъ присутствующихъ слышалъ ли о томъ,

что умершій оставилъ завѣщаніе?—спросилъ возвышеннымъ голосомъ пасторъ Уитль.

Глубокая тишина послѣдовала за этимъ вопросомъ. Спрашивали другъ друга глазами, и всѣ искатели пришли въ отчаяніе.

— Можетъ быть, не лучше ли предложить вопросъ каждому близкому родственнику,—прибавилъ пасторъ.—Г. Іовъ Праттъ. вы никогда не слыхали о завѣщаніи?

— Никогда. Были минуты, въ которыя я думалъ, что Праттъ хотѣлъ дѣлать свое завѣщаніе, но полагаю, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе.

— А вы, г-жа Томасъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ,—я предлагаю вамъ тотъ же вопросъ.

— Я нѣсколько разъ говорила объ этомъ съ братомъ,—отвѣчала эта родственница,—но онъ никогда не давалъ мнѣ удовлетворительнаго отвѣта.

Это было довольно ясно и нельзя было надѣяться получить что-либо еще отъ нѣжно любимой и единственной сестры Пратта.

— Вы никогда не слыхали, Марія, о завѣщаніи, сдѣланномъ вашимъ дядею?

Марія покачала головою, но не улыбнулась, потому что эта сцена была для нея ужасна.

— Итакъ,—прибавилъ пасторъ Уитль,—никто не слыхалъ о бумагѣ, оставленной Праттомъ, чтобы открыть ее послѣ смерти?

— Бумагу!—вскричала Марія.—Да, я слышала, что онъ говорилъ о бумагѣ; я думала, что вы говорите о завѣщаніи.

— Завѣщаніе обыкновенно пишется на бумагѣ, госпожа Марія. Бумага у васъ?

— Дядюшка отдалъ мнѣ бумагу, приказавши мнѣ беречь ее до возвращенія Росвеля Гардинера, и если моего дяди не будетъ на семъ свѣтѣ, такъ отдать эту бумагу Росвелю.

Прекрасная дѣвушка покраснѣла и казалось говорила съ большою осторожностью.

— Такъ какъ я должна была отдать эту бумагу Росвелю, то всегда думала, что она относится только до него. Дядюшка говорилъ мнѣ о ней даже въ самый день своей смерти.

— Безъ всякаго сомнѣнія это завѣщаніе!—вскричалъ пасторъ Уитль съ радостью.—Не думаете ли вы, Марія, что это должно быть завѣщаніе Пратта?

Марія объ этомъ ничего не думала. Она всегда полагала, что ея дядя желалъ, чтобы она вышла за Росвеля, и думала, что бумага, адресованная къ этому послѣднему, содержала выраженіе этого желанія, которое для нея было важнѣе всего.

Марія очень мало заботилась объ имѣніи своего дяди и очень много о Росвелѣ. Итакъ, очень естественно, что она обманывалась. Теперь, когда вопросъ представился ей въ новомъ свѣтѣ, то она встала и пошла въ свою комнату за пакетомъ, который тотчасъ же и принесла. Іовъ Праттъ и пасторъ Уитль хотѣли его распечатать, и первый, съ удивительнымъ проворствомъ, успѣлъ овладѣть имъ. Эти бумаги были сложены, какъ дѣловыя, плотно запечатаны и адресованы къ Росвелю Гардиперу, капитану шкуны «Морской Левъ», находящемуся теперь въ путешествіи.

Іовъ громко прочелъ надпись, хотя и съ удивленіемъ. Однако, онъ хотѣлъ хладнокровно распечатать пакетъ, какъ будто бы онъ былъ адресованъ къ нему самому.

Госпожа Мартинъ, госпожа Томасъ, Уитль хотѣли принять участіе въ этомъ, и потому они всѣ подошли къ нему, и обѣ женщины бросились на пакетъ съ такимъ жаромъ, какъ будто хотѣли разорвать его.

— Это письмо адресовано ко мнѣ,—сказалъ съ достоинствомъ Росвель,—и я одинъ имѣю право открыть его. Очень странно видѣть, что тѣ, къ которымъ не адресовано письмо, хотятъ его распечатывать.

— Но оно отъ Пратта,—вскричала вдова Мартинъ,—и можетъ содержать его завѣщаніе.

— Въ подобномъ случаѣ, можно думать, что и я имѣю какое-нибудь право,—сказалъ довольно хладнокровно, но очевидно тревожнымъ тономъ Іовъ Праттъ.

— Конечно!—сказала г-жа Томасъ.—Братья, сестры и даже двоюродные братья должны имѣть преимущество предъ постороннимъ. Мы, братъ и сестра Пратта, здѣсь и должны имѣть право прочитывать всѣ его письма.

Росвель все это время протягивалъ руку и устремлялъ на Іова Пратта взглядъ, который заставлялъ его укротить свое нетерпѣніе. Марія стояла подлѣ него, какъ будто для того, чтобъ поддержать его, но не говорила ни слова.

— Есть законъ, налагающій большое наказаніе на тѣхъ, которые распечатываютъ чужія письма,—сказалъ смѣлымъ голо-

сомъ Росвель,—и я обращусь къ этому закону, если кто-нибудь осмѣлится распечатать мое письмо. Если это письмо писано ко мнѣ, сударь, то я прошу его мнѣ отдать, и во что бы то ни стало, но я его получу.

Росвель подошелъ къ Іову Пратту, который отдалъ ему письмо не такъ учтиво, а вдова Мартинъ сдѣлала большое усиліе, чтобъ завладѣть имъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказала эта женщина,—надо распечатать его въ нашемъ присутствіи, чтобы мы знали то, что заключается въ этой бумагѣ.

— А по какому праву, сударыня? Не властенъ ли я, какъ и всѣ, читать мои письма, когда и гдѣ хочу? Если содержаніе его относится къ наслѣдству Пратта, то я тотчасъ же объявлю объ этомъ. Въ надписи не сказано, чтобы я открылъ письмо въ присутствіи свидѣтелей; но во всякомъ случаѣ я это сдѣлаю.

Итакъ, Росвель открылъ пакетъ. Онъ сломилъ печать и въ этомъ состояніи показалъ его всѣмъ; потомъ развернулъ актъ, написанный на большомъ листѣ, гдѣ находились подписи многихъ свидѣтелей.

— Это оно, это оно,—сказалъ Бетингъ Джой, потому что комната была наполнена людьми всякаго сословія,—это такъ!..

— Ты его знаешь, Джой?—сказала вдова..—Братецъ Іовъ, этотъ человѣкъ можетъ служить важнымъ свидѣтелемъ.

— Знаю ли я его, сударыня? Я видѣлъ, какъ Праттъ писалъ эту бумагу.

— Онъ видѣлъ, какъ Праттъ писалъ ее! Братецъ Іовъ, этого недостаточно, чтобы подтвердить завѣщаніе, если оно сдѣлано въ пользу Маріи и Гардинера?

— Увидимъ, увидимъ. Итакъ, Джой, ты былъ свидѣтелемъ, когда Праттъ писалъ эту бумагу или, скорѣе, свое завѣщаніе?

— Да, я былъ свидѣтелемъ.

Росвель два раза прочелъ актъ, о которомъ шла рѣчь, потомъ съ нѣжностью передалъ его въ руки Маріи. Молодая дѣвушка прочла его въ свою очередь; глаза ея наполнились слезами, но она сильно покраснѣла, когда возвращала его своему возлюбленному.

— Ахъ, Росвель!—сказала она тихимъ голосомъ.—Не читайте его теперь.

Но тишина и молчаніе были таковы, что присутствующіе не проронили ни одного слова.

— Отчего же не прочесть его теперь?—сказала вдова Мартинъ.—Мнѣ кажется, что теперь-то и время его читать. Если я лишена наслѣдства, то хочу знать это.

— Лучше было бы, во всѣхъ отношеніяхъ, знать то, что въ немъ заключается,—замѣтилъ Іовъ Праттъ,—особенно, если это завѣщаніе, капитанъ Гарнеръ.

— Это завѣщаніе покойнаго Пратта, написанное въ законной формѣ, подписанное и засвидѣтельствованное многими свидѣтелями.

— Читайте завѣщаніе, капитанъ Гарнеръ,—сказалъ рѣшительнымъ тономъ Іовъ Праттъ.—Желательно было бы знать, кто назначенъ исполнителемъ. Друзья, не замолчите ли вы на минуту?

Среди мертвой тишины Росвель началъ читать слѣдующее:

«Во имя Бога Всемогущаго, А м и н ь. Я, Праттъ, изъ города Сютгольда, графства Сюффолькскаго, штата Нью-Іоркъ, объявляю, будучи слабъ тѣломъ, но въ здравомъ умѣ, что это есть мое завѣщаніе.

«Я оставляю моей племянницѣ Маріи Праттъ, единственной дочери моего покойнаго брата Израиля Пратта, все мое имѣніе, какое бы оно ни было и въ чемъ бы оно ни заключалось, въ вѣчное и потомственное ея владѣніе.

«Я позволяю моему брату, Іову Пратту, выбрать лошадь изъ всѣхъ лошадей, которыя послѣ меня останутся, въ награду за несчастіе, случившееся съ его лошадью, когда я ею пользовался.

«Я оставляю моей сестрѣ Джени Томасъ большое зеркало, висящее въ моей спальнѣ на восточной сторонѣ дома, которое нѣкогда принадлежало нашей нѣжно любимой матушкѣ.

«Я оставляю вдовѣ Катеринѣ Мартинъ, моей двоюродной сестрѣ, большую подушку, находящуюся въ означенной восточной комнатѣ, подушку, которой она такъ много удивлялась.

«Я оставляю выше означенной моей племянницѣ, Маріи Праттъ, единственной дочери моего покойнаго брата Израиля Пратта, все мое имѣніе, которымъ владѣю, равно и на что имѣю право, включая сюда деньги, корабли, земледѣльческіе продукты, мебель, платья и всѣ предметы владѣнія.

«Я назначаю Росвеля Гардинера, теперь отсутствующаго,

единственнымъ исполнителемъ моей послѣдней воли, если онъ возвратится въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ моей смерти; а если онъ не возвратится въ этотъ шестимѣсячный срокъ, то назначаю обозначенную мою племянницу, Марію Праттъ, единственною исполнительницею моей послѣдней воли.

«Я совѣтую означенной моей племянницѣ, Маріи Праттъ, выйти за Росвеля Гардинера, но не полагаю никакого условія для этого, позволяя моей усыновленной дочери быть свободной дѣлать, что она сочтетъ за лучшее».

Актъ былъ составленъ правильно, и нельзя было оспаривать его дѣйствительность. Марія была смущена. Она всегда была такъ безкорыстна, что не могла привыкнуть считать имѣнія своего дяди своими.

Мы не станемъ описывать досаду другихъ родственниковъ умершаго Пратта; намъ довольно сказать, что они не оставили и иголки изъ того, что имѣли право взять.

На другой день, въ который Росвель могъ законно дѣйствовать, какъ исполнитель Пратта, онъ женился на Маріи и сдѣлался обладателемъ всѣхъ ея имуществъ по сожительству, основываясь на тогдашнемъ американскомъ законѣ, который теперь измѣненъ.

Самымъ первымъ дѣломъ молодыхъ было прилично употребить деньги, найденныя у подошвы дерева на берегу, о которомъ было столько говорено. Ихъ было немного болѣе двухъ тысячъ долларовъ. Такъ какъ невозможно было найти законныхъ владѣльцевъ, то дублоны были раздѣлены семействамъ, потерявшимъ жизнь на островѣ тюленей. Правда, части не были значительны, но сдѣлали добро нѣсколькимъ вдовамъ и сестрамъ, не имѣвшимъ покровителей на этомъ свѣтѣ.

Росвель хотѣлъ, чтобы «Морской Левъ», котораго исправили, сдѣлалъ другое путешествіе подъ начальствомъ Газара, чтобъ привезти жиръ и кожи, оставленные на островѣ. Это путешествіе было коротко и счастливо, и деньги, вырученныя изъ продажи кожъ и жира, Росвель употребилъ на вознагражденіе тѣхъ, которые болѣе всѣхъ потерпѣли.

Что касается до Росвеля и Маріи, то они были совершенно счастливы своею судьбою. Богатство Пратта было гораздо больше, нежели предполагали. При подробной описи наслѣдства

узнали, что Марія обладала тридцатью тысячами долларовъ, что тогда считалось въ Ойстеръ-Пондѣ богатствомъ.

Росвель Гардинеръ не забылъ Стимсона и поручилъ ему начальство надъ тендеромъ, плававшимъ между Нью-Іоркомъ и Сютгольдомъ.

Единственный признакъ частнаго вліянія, который позволила себѣ Марія.—было убѣдить Росвеля переселиться на западъ и, слѣдовательно, удалиться отъ моря.

Росвель продалъ свою собственность и поселился въ этой странѣ. Онъ сдѣлался тамъ самымъ богатымъ рудокопомъ.

Отецъ прекраснаго семейства, любя всегда Марію, какъ въ первый день брака, онъ не думалъ болѣе о далекихъ путешествіяхъ. Вѣрный Богу, покровительствовавшему ему и спасшему его отъ столькихъ великихъ опасностей, Росвель остался навсегда смиреннымъ и твердымъ въ своей вѣрѣ, всегда христіаниномъ, подлѣ ангела, возвысившаго его до величія небесныхъ истинъ и давшаго ему истинное счастіе на этой землѣ.

Конецъ.

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ СВѢТО-ТУПКАЯ
31, ROUTE PAUL
SHANGHAI

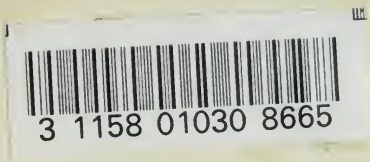
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

NOV 1 2 1957

LD REC'D LD-URL
URL OCT 03 1985

OCT 08 1985

Form L9-100m-9,'52(A3105)444


3 1158 01030 8665

PS
1417
S5R

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES